МЕДИАЛИНГВИСТИКА

2025 МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ **Т. 12, № 1**

ЖУРНАЛ «МЕДИАЛИНГВИСТИКА» ВЫХОДИТ В СВЕТ С 2014 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

Кожемякин Е. А., Тяжлов Я. И., Белоедова А. В., Дубровская Т. В. Интерес читателей к структурным компонентам научного интернет-текста: опыт мультимодального исследования 4

Кожуховская Ю. В., Бурдыко С. С. Корпусный анализ в определении структуры метафорических фреймов: на материале номинаций страха в греческих медиатекстах 22

СТИЛИСТИКА МЕДИАРЕЧИ

Горбань П. В. Метафорический код языка военкоров в Telegram: расшифровка смысловых символов 43

Донскова Ю. В., Киселёва А. Ю. Приемы дефинирования терминов генетики как основных элементов научно-популярного медиадискурса 59

Рацибурская Л. В., Широкова Е. Н. Манипулятивный функционал вторичной номинации в сетевом дискурсе 77

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

Ширина Е. В., Мясищев Г. И., Батищева А. С. Лингвориторическое воздействие блога в контексте реакций воспринимающей аудитории 95

Полонский А. В., Глушкова В. Г. Журнал «Здоровье» в межкультурном диалоге современной России: основные содержательные направления 112

Юйбо Го. Представление российской научно-технологической сферы в медиадискурсе КНР (на примере газеты Science and Technology Daily) 138

Икромзода Х. И. Русскоязычное телевещание как инструмент реализации языковой политики в Республике Таджикистан 1533

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

На журнал «Медиалингвистика» можно подписаться по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 39474

https://medialing.ru

Главный редактор *Л. Р. Дускаева*, д-р филол. наук, проф.
Редактор *М. В. Банкович*
Корректор *Ю. А. Стржельбицкая*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 24.04.2025.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 13,6. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

AUTOMATIC ANALYSIS OF MEDIA TEXTS

Kozhemyakin E. A., Tyazhlov Ya. I., Beloedova A. V., Dubrovskaya T. V. Readers' interest in the structural components of the scientific Internet text: The experience of multimodal research 4

Kozhukhovskaya Yu. V., Burdyko S. S. Corpus analysis in determining the structure of metaphorical frames: A case study of nominations of fear in Modern Greek media texts..... 22

MEDIA STYLISTICS

Gorban P. V. Metaphorical code of the language of military journalists in Telegram: Decoding semantic symbols 43

Donskova Y. V., Kiseleva A. Yu. Methods of defining genetic-related terms as the main elements of the popular science media discourse 59

Ratsiburskaya L. V., Shirokova E. N. Manipulative functionality of a secondary nomination in a network discourse 77

DISCOURSOLOGY OF MEDIA

Shirina E. V., Myasischev G. I., Batischeva A. S. Linguistic impact of the blog as a current genre of modern media on Internet users..... 95

Polonskiy A. V., Glushkova V. G. "Zdorovie" magazine in the intercultural dialogue of modern Russia: The main content areas 112

Yubo Guo. Representation of the Russian scientific and technological sphere in the media discourse of the People's Republic of China using the example of the "Science and Technology Daily" newspaper..... 138

Ikromzoda H. I. Russian-language television broadcasting as a tool for implementing language policy in the Republic of Tajikistan 153

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

УДК 316.776.3

Интерес читателей к структурным компонентам научного интернет-текста: опыт мультимодального исследования*

Е. А. Кожемякин[1,2], *Я. И. Тяжлов*[1,3], *А. В. Белоедова*[1], *Т. В. Дубровская*[1,4]

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
[3] Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Российская Федерация, 119071, Москва, ул. Малая Калужская, 1
[4] Пензенский государственный университет, Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

Для цитирования: Кожемякин Е. А., Тяжлов Я. И., Белоедова А. В., Дубровская Т. В. (2025). Интерес читателей к структурным компонентам научного интернет-текста: опыт мультимодального исследования. *Медиалингвистика*, *12* (1), 4–21. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.101

Представлены результаты эксперимента, цель которого — определить характеристики и объекты пользовательского интереса к элементам научного интернет-текста. Пользовательский интерес трактуется как прямой маркер активного восприятия научного интернет-текста и может быть понят как условие корректного понимания содержания материала. На основе мультимодального подхода и авторской комплексной методологии (эксперимент с использованием видеокулографического анализа, UX-методик, полуструктурированного интервью и сравнительного анализа) получены данные об операциональных пользовательских действиях в отношении текста и вербальная рефлексия о его содержании и формальных свойствах, что позволило сделать выводы об особенностях восприятия и понимания текста разными группами пользователей. Обсуждается характер воздействия аффордансов на алгоритмы работы с содержанием текста. Авторы приходят к выводу о корреляции между характером взаимодействия

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00109, «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход», https://rscf.ru/project/23-28-00109/).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

с научным интернет-текстом, прецедентным опытом пользователя и материально-семиотическими свойствами текста. Наибольший интерес пользователей вызывают иллюстрации, синкретично интегрированные в текст статьи, и всплывающие комментарии, поясняющие или уточняющие смысловые фрагменты текста или сложную терминологию. Наименьший интерес для читателей представляют аннотация статьи и ключевые слова. Авторы приходят к выводу о консервативном сценарии цифрового чтения научных статей, при котором пользователи в основном ожидают от таких элементов научного интернет-текста, как аннотации и ключевые слова, воплощения, аналогичного офлайновому. Авторы формулируют гипотезу о том, что смысловые эффекты, возникающие в результате совершения или несовершения операциональных действий, могут варьироваться от особенностей фокуса интереса до построения специфичной смысловой модели воспринимаемого текста.

Ключевые слова: научный текст, научный интернет-текст, пользовательский интерес, пользовательский опыт, взаимодействие с текстом.

Постановка проблемы

Научный интернет-текст обладает рядом специфичных черт, формирующих в совокупности его отличия от офлайнового научного текста. В предыдущих работах мы рассмотрели структурные особенности научных интернет-текстов, специфику организации их материально-технологической микросреды и общие закономерности взаимодействия пользователей с ней [Белоедова, Тяжлов 2023; Белоедова и др. 2023; Кожемякин, Дубровская 2024]. В частности, мы определили, что научный интернет-текст обладает характеристиками сложного кодифицированного объекта, семантический потенциал которого реализуется с помощью достаточно широкого семиотического репертуара (слова, цифры, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы, гиперссылки и т. д.). Это обстоятельство предполагает более активную работу читателя с интернет-текстом, нежели с классическим бумажным текстом. Пользователь вынужден, во-первых, задействовать различные (не только зрительные, но и тактильные и иногда слуховые) рецепторные органы для восприятия текста и, во-вторых, совершать определенные действия в отношении текста для получения информации, содержащейся в нем. Эти действия (прокручивание текста, выделение, разворачивание и сворачивание его фрагментов, переход по ссылкам и пр.) могут быть интерпретированы как семиотические, т. е. определяющие особенности смысловосприятия и интерпретации текста.

Материально-технологическая среда научных интернет-текстов также специфична по сравнению со средой бумажного текста. Она включает в себя ряд ресурсов, позволяющих пользователю управлять порядком и последовательностью воспринимаемой информации, которая содержится в тексте, а также ее объемом и составом, причем эти операции совершаются не только вследствие интенций и мотивов читателя, но и как результат технологически реализованных возможностей взаимодействия с текстом — *аффордансов*. Наличие в интернет-среде опций разворачивания или сворачивания фрагментов текста (например, табличных данных или иллюстраций), изменения масштаба текста, всплывающих комментариев, прослушивания содержания в аудиоформате и т. д. формирует специфичный характер взаимодействия с интернет-текстом и существенно отличает его от паттернов чтения бумажного текста.

Общая исследовательская *проблема*, которая сформулирована нами в связи с особенностями научного интернет-текста, — каково качество влияния семиотического репертуара и аффордансов научного текста на его рецепцию и интерпретацию пользователями в контексте соблюдения принципов научной коммуникации.

Мы смогли установить, что читатели субъективно воспринимают научный интернет-текст, содержащий аффордансы, как более комфортный для чтения и понимания, а результаты проведенного нами окулографического исследования говорят о том, что наличие графических элементов, иллюстраций, фотографий, видеоматериала может способствовать смещению фокуса внимания читателя с вербального текста на семиотические ресурсы, что потенциально может как способствовать, так и препятствовать точному пониманию научного содержания. Не менее важным выводом предыдущих этапов исследования явилось обоснованное предположение о том, что рецепция и интерпретация научного текста в интернете определяется когнитивным бэкграундом и опытом интернет-коммуникации пользователей.

Данные о внимании и субъективных оценках удобства чтения позволяют понять связь между прагматическим потенциалом научных интернет-текстов (в значительной степени функционирующих как типичные интернет-объекты) и часто не рефлексируемым зрительным поведением пользователей. В то же время изучение процессов смыслотрансляции и понимания текстов предполагает анализ скорее рациональных действий (основанных на самостоятельно принимаемом решении) пользователей. Исследования зрительного поведения лишь косвенно свидетельствуют об особенностях интереса читателей как рационального феномена, в то время как анализ пользовательского опыта (операций активного взаимодействия с текстом) мог бы помочь выявить маркеры рациональных действий читателей в отношении интернет-материала.

Эти предварительные результаты позволили нам сформулировать *гипотезу* следующего исследовательского этапа: рецепция и интерпретация научного интернет-текста определяется интересом пользователей к содержанию текста и его фрагментам, который может быть вызван не только зрительными стимулами, но и технологическими ресурсами текста, позволяющими решать когнитивные задачи.

На данном этапе исследования мы обратим внимание на операциональные и интерпретационные аспекты рационального взаимодействия с научными интернет-текстами, имеющими сложную семиотическую организацию. *Исследовательский вопрос* заключается в определении характеристик и объекта пользовательского интереса как признака активного восприятия содержания текста и условия корректного понимания содержания. Важным для нас является также апробировать методологическую модель анализа разноплановых данных читательского опыта — пользовательских действий и вербализованных суждений о содержании текста.

История вопроса

Объект нашего исследования — интерес пользователей к содержанию и компонентам научного интернет-текста в процессе взаимодействия с ним — может быть декомпозирован на несколько элементов, каждый из которых выступает в качестве самостоятельного предмета исследований в различных академических отраслях.

Наиболее разработанным аспектом изучаемой проблемы являются *стратегии и модели чтения*, рассматриваемые преимущественно с позиций физиологии и психологии. Исследователи обращают внимание на условия развития и изменения стратегий чтения у людей разного возраста [Белопольский 2007], формирования условий для развития метакогнитивных навыков чтения [Baker, Brown 1984] и решения учебных задач с помощью читательских стратегий [Alexander, Jetton 2000; Пранцова, Романичева 2015], а также на трансформации моделей чтения текстов в цифровой среде [Самохина 2010; Воробьева 2021]. В этой группе исследований формулируются выводы о гибкости и вариативности читательских стратегий и их зависимости от ряда объективных и субъективных факторов: возрастных особенностей мышления и восприятия; характеристик культурной среды, генерирующей модели семиозиса; интереса и мотивации читателя [Vuorinen, Tatler, Keller 2024] и общей читательской грамотности, а также от технологических условий чтения, определяющих такие его параметры, как линейность, осмысленность и концентрация внимания [Thain 2018].

Особое внимание обращают на себя классические психологические работы, посвященные описанию условий и параметров рационального чтения [Gibson, Levin 1975; Лезер 1980; Rayner, Pollatsek 1989]. В этих и инспирированных ими работах важным методом исследования характеристик рационального чтения определяется изучение движения глаз читателя, позволяющее фиксировать «синтаксис внимания», зоны активного восприятия и последовательность получения информации в процессе осознанного чтения [Абабкова, Розова 2022; Булатова, Алексеева, Ломатитдзе 2016; Корнеев, Матвеева, Ахутина 2020]. В исследованиях последнего десятилетия все чаще используется комплексная методология изучения стратегий чтения с учетом особенностей цифровых текстов. Так, исследователями применяется алгоритм изучения вербальных протоколов испытуемых в совокупности с онлайн-изучением действий читателей на экране [Bohn-Gettler, Olson 2019; Лебедева 2022]. Комплексный характер исследовательской методики представляется обоснованным именно в силу многоплановости изучения стратегий чтения: движения глаз, действия на экране и вербальные высказывания репрезентируют различные составляющие процесса восприятия и понимания текста.

Вторая группа работ связана с исследованием феноменов *интереса* к тексту и *понимания* его содержания. Эта проблема рассматривается в двух плоскостях — лингвистической [Kintsch 1980; Залевская 2001; van Dijk 2014; Solnyshkina 2023], психологической [Schiefele 2009] и чаще лингвопсихологической [Эйдлин 2012; Пиотровская, Трушелев 2020; Зимняя 2001]. Оставляя за пределами статьи комплексную полемику о когнитивных, психических, социальных и семиотических основаниях понимания текста, отметим, что консенсусной идеей, объединяющей все исследовательские трактовки, является следующая: понимание текста определяется осознанием читателем когнитивной проблемы, которую ему предстоит решить; интерес к содержанию текста представляется фактически «переживанием» такой проблемы. Приведем цитату из работы В. И. Эйдлина как лаконичное выражение сути данной идеи: «Условием понимания текста является его непонимание» [Эйдлин 2012: 25].

Вопросы интереса и понимания непосредственно связаны с опытом *взаимодействия читателя с интернет-текстом* («цифровое чтение»), в том числе посред-

ством пользовательского интерфейса, специально организованной UX/UI-среды. Вопросам организации пользовательского опыта и пользовательского интерфейса в процессе чтения интернет-текстов посвящен отдельный сегмент работ, относящихся к сфере дизайна и IT. В данных работах проблема чтения текстов рассматривается в аспекте человеко-машинного взаимодействия, соответствия ментальных моделей пользователя и дизайнера интерфейсов, технологических возможностей среды взаимодействия человека и интернет-объектов [Галаганова, Мартынова 2022; Рыбанов 2021; Sundt, Eastman 2019; Броян, Огнева 2022; Назаров 2021]. Исследователи обосновывают антропоцентричный характер UX-дизайна, ориентацию интерфейсных решений на когнитивные возможности и даже когнитивные искажения пользователей.

В то же время отметим недостаток исследовательского интереса к цифровому чтению собственно научных текстов. Предметом изучения в большинстве работ выступают преимущественно дидактические и учебные тексты, реклама и маркетинговые материалы, тексты информационного и инструктивного характера и художественные произведения. Сегмент научных текстов как предмета окулографического анализа или UX-исследований представлен в основном научно-популярными материалами. Отсутствие внимания к научным текстам может быть обусловлено убежденностью исследователей в ригидном по отношению к внешней среде характере научной коммуникации. Однако, повторим, наши предыдущие исследования убеждают в том, что некоторые аспекты научной коммуникации — восприятие и интерпретация текстов — в значительной степени определяются семиотической и технологической организацией среды взаимодействия с текстами.

Мультиканальный опыт взаимодействия пользователя с интернет-текстами как цифровыми интерактивными объектами требует инновационных методологических решений для исследования всех его аспектов. Методика и техника получения данных о пользовательском опыте, в том числе о психокогнитивных его аспектах, обсуждается в IT-науках [Компаниец, Лызь 2018], социальной антропологии [Корбут 2018], психофизиологии [Демарева, Голубинская, Голубин 2021], когнитивных [Анисимов, Федорова, Латанов 2016] и лингвистических науках, а также в педагогике [Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020]. Одной из ключевых задач изучения опыта цифрового чтения является разработка междисциплинарной модели исследования, способной привлечь методологические достижения в различных научных областях для сквозной синтетической обработки и систематизации разноплановых данных (данные айтрекера, UX-методик, коммуникативных методов).

Описание методики исследования

Итак, изучение интереса к научному интернет-тексту — необходимая исследовательская задача в ходе изучения специфики цифрового чтения научных текстов. Если внимание пользователя, которое привлекают различные компоненты текста, может быть зафиксировано с помощью айтрекера и затем верифицировано в ходе интервью с испытуемыми, то интерес как рациональное эпистемическое состояние и процесс может быть изучено с помощью измерения операциональных действий читателей в отношении компонентов текстов. Уточним, что мы анализируем компоненты, которые технологически предполагают такое взаимодействие (интерактивные элементы текста).

Таблица 1. **Шкала значений исследовательских критериев**

		Вербальная репрезентация компонента текста	
		Есть	***Отсутствует***
Операциональное действие в отношении компонента текста	*Есть*	И1	И2
	Отсутствует	И3	И4

В нашем исследовании мы рассматриваем интерес как градуальную категорию, имеющую разные степени проявления и выражающуюся в конкретных операциональных действиях в отношении компонентов текста (клики, наведение курсора, обратная прокрутка) и в высказываниях читателей о тексте. Соотношение значений этих двух индикаторов указывает на степень пользовательского интереса. Шкала значений представлена следующим образом (табл. 1).

Четыре возможные комбинации значений могут свидетельствовать о характере интереса.

И1. Наличие операционального действия и вербальной репрезентации компонента свидетельствует о высоком интересе к нему со стороны пользователя.

И2. Наличие операционального действия при отсутствии вербальной репрезентации компонента свидетельствует об умеренном интересе пользователя к компоненту.

И3. Отсутствие операционального действия в отношении компонента при его вербализации указывает на слабый интерес пользователя к компоненту.

И4. Отсутствие как операционального действия, так и вербализации компонента в интервью указывает на отсутствие интереса пользователя к компоненту.

Для того чтобы определить характер взаимодействия пользователей с научным интернет-текстом (цифрового чтения) посредством совершения операций с различными компонентами текста и субъективную значимость для пользователей совершаемых действий, мы провели экспериментальное исследование.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе испытуемым было предложено прочитать научную статью, размещенную на сайте научного издания, на втором — обсудить содержание статьи и удобство ее чтения в формате полуформализованного интервью. В эксперименте участвовали две группы, состоящие из участников разных возрастов (от 18 до 64 лет) и уровня академической вовлеченности (студенты, аспиранты, преподаватели). При формировании выборочной совокупности мы учитывали опыт взаимодействия испытуемых с научными текстами, который варьировался от ограниченного, слабо организованного и часто вынужденного (чаще студенты) до осмысленного, организованного и добровольного (чаще преподаватели). Мы учитывали также опыт интернет-коммуникации испытуемых, в соответствии с которым испытуемые варьировались от «продвинутых» до «неуверенных» пользователей.

В качестве контрольного стимула был выбран тип научного текста, обладающий типичными признаками: вербальный текст в жанре статьи объемом около 24 000 знаков, содержащий все стандартные компоненты заголовочного комплекса и иллюстрации и представляющий результаты прикладного семиотического исследования. Научная статья опубликована в сетевом научном издании. В качестве

экспериментального стимула мы использовали модифицированную версию этой статьи. Мы добавили в текст возможность разворачивать аннотацию и ключевые слова по желанию пользователя, а часть факультативного содержания, размещенного в скобках, сделали доступным по наведению на ключевое слово. Кроме этого, в оригинальной статье иллюстрации размещены в приложении после текста. Чтобы обратиться к ним, пользователю нужно проскроллить текст до конца и вернуться обратно, что требует дополнительных усилий и времени. В тексте содержатся прямые отсылки к иллюстративному материалу, поэтому невозможность взаимодействия с изображениями способна осложнить понимание текста. В модифицированном варианте мы разместили иллюстрации блоками в тех частях текста, в которых содержатся отсылки к ним. Модифицированную статью мы также расположили на сайте того же научного издания в непубличном формате.

Контрольная группа (R = 24) читала текст в оригинальной верстке. Экспериментальная группа (R = 22) взаимодействовала с модифицированной версией статьи.

В ходе исследования мы фиксировали взаимодействие с компонентами текста — аннотацией, ключевыми словами, гиперссылками, всплывающими подсказками и иллюстрациями, а также соотносили взаимодействие с ними с их упоминанием в ходе интервью. Взаимодействие с компонентами текстов определялось посредством фиксации кликов, возвращения к ним в результате обратного скроллинга, наведения на них курсора.

Еще одним критерием оценивания взаимодействия с текстом было время, затраченное на чтение статьи.

Анализ материала

Рассмотрим основные результаты, которые получены в ходе эксперимента.

Продолжительность чтения

Испытуемые экспериментальной группы справились с чтением текста быстрее, чем испытуемые контрольной группы. Общее среднее время чтения текста в контрольной группе — 0:14:04, общее медианное время — 0:13:51. Общее среднее время чтения в экспериментальной группе — 0:13:30, а общее медианное — 0:12:40. Разница во времени чтения в двух группах может быть обусловлена двумя факторами — отличиями в дизайне статьи и состава выборки в группах. Среди испытуемых контрольной группы было 19 студентов и 5 преподавателей. Среди испытуемых экспериментальной группы — 12 студентов и 10 преподавателей. Мы можем предположить, что в силу опыта преподаватели лучше знакомы с методологией и терминологией научной статьи, а значит, способны быстрее, чем студенты, воспринимать научный текст.

В первой группе среднее время студентов — 0:14:28, медианное — 0:14:05; среднее время преподавателей — 0:12:32, медианное — 0:11:19. Преподаватели первой группы справлялись с чтением текста в среднем на две минуты быстрее студентов.

Во второй группе среднее время студентов — 0:14:39, медианное — 0:13:15; среднее время преподавателей — 0:12:08, медианное — 0:12:30. Как и в первом случае, в среднем преподаватели справились с чтением текста быстрее.

Компоненты текста, вызывающие интерес

Компонентом текста, наибольший интерес к которому был проявлен испытуемыми, стали иллюстрации, о чем говорят наблюдаемые нами случаи обратного скроллинга. Испытуемые контрольной группы значительно чаще, чем испытуемые экспериментальной группы, использовали обратный скроллинг — половина испытуемых первой группы (12 из 24) возвращались к фрагменту текста, в котором содержалась ссылка на иллюстрацию после завершения просмотра изображений в приложении к статье. Многие производили это действие неоднократно, что могло повлиять на показатели среднего времени, затраченного пользователями на знакомство с текстом.

Автор используемой в эксперименте публикации дважды отсылает в тексте к иллюстрациям из «Приложения 1». При модификации дизайна текста для экспериментальной группы мы разместили эти иллюстрации между соответствующими фрагментами статьи. Все случаи обратного скроллинга (7 пользователей из 22) во второй группе испытуемых связаны с возвращением к указанным иллюстрациям после второго упоминания, которое в статье располагается ниже изображений. Вряд ли этот короткий скроллинг значительно сказался на увеличении среднего и медианного времени чтения текста второй группы испытуемых.

После прочтения статьи мы просили испытуемых ответить на вопрос «Что бы вы добавили или убрали из статьи, чтобы ее было комфортнее и интереснее читать?» Более половины испытуемых первой группы указали на неудачное расположение иллюстраций (14 из 24):

Я бы поместила картинки не в конце текста, как это обычно делают «приложениями», а внутри текста, чтобы сразу понимать, о каких открытках и отдельных элементах идет речь.

Перенесла бы «Приложения» к смысловому отрывку текста, а не оставляла бы их в конце статьи и т. д.

Помимо прочего, при модификации текста мы добавили возможность увеличения иллюстраций по клику и последующего просмотра их в галерее. Этой опцией воспользовались только двое испытуемых. При этом большинство пользователей не проскролливали изображения, но было очевидно, что они обращали на них внимание.

Только четверо испытуемых из экспериментальной группы развернули аннотацию. Трое из них посмотрели и ключевые слова. Англоязычную аннотацию пользователи не разворачивали. Таким образом, большинство пользователей проигнорировали достаточно объемную аннотацию и сразу перешли к чтению текста. В ситуации, когда перед испытуемым ставится задача прочитать текст, знакомство с аннотацией представляется избыточным. Чтение аннотации необходимо на стадии принятия решения о чтении основного текста. У наших испытуемых такого выбора не было. Отказ от чтения текста в этом случае стал бы отказом от участия в эксперименте. Стремясь к объективности, мы должны предположить, что часть испытуемых, которые не развернули аннотацию и ключевые слова, могли быть дезориентированы непривычным интерфейсом и не увидеть соответствующей возможности.

Только 9 из 22 испытуемых взаимодействовали со всплывающим по наведению текстом. Студенты взаимодействовали с этой опцией значительно ак-

тивнее преподавателей и аспирантов: ею воспользовались половина студентов (6 из 12) и только треть преподавателей (3 из 10). В процессе наблюдения за поведением пользователей мы выявили механизм адаптации к этой опции. Для ее обнаружения пользователям требуется некоторое время. Часть пользователей наводят курсор на выделенное слово из любопытства, другие же обнаруживают опцию при случайном наведении. После обнаружения опции всплывающего текста пользователи начинают наводить курсор на все выделенные слова, затем понимают, что всплывающий текст является факультативным — пояснительным, дополнительным — и что регулярное обращение к нему не требуется. После этого испытуемые начинают пользоваться опцией избирательно — наводят курсор на незнакомые термины и неологизмы, например «посткроссинг». Опцией практически не пользовались студенты, которые применяли при взаимодействии с текстом тачпад, а для скроллинга — клавиши клавиатуры. Не воспользовался ею и студент, который читал текст на экране телефона (такой испытуемый во второй группе был один).

Стоит отметить, что студенты запускали запись экрана самостоятельно и взаимодействовали с текстом на личных устройствах, а большинство преподавателей читали текст за компьютером в лаборатории, видеозапись для них запускал эксперт. Возможно, этот фактор повлиял и на некоторую скованность в их взаимодействии с текстом. Большинство преподавателей использовали мышку осторожно, только для скроллинга — курсор во время чтения оставался в одном положении. Они могли опасаться нарушить ход эксперимента, выйти за рамки поставленной задачи. Чаще опцию использовали испытуемые, которые свободно обращались с текстом — манипулировали масштабом страницы, следили курсором, выделяли фрагменты текста, чтобы не потерять место чтения при скроллинге, и т. д.

Результаты сопоставления операциональных действий с компонентами текста и вербальных высказываний о них представлены в табл. 2.

Таблица 2. **Взаимодействие и вербализация компонентов текста в экспериментальной группе**

Вторая группа (экспериментальная) (чел.)				
Элемент	***Взаимодействие / вербализация***	***Взаимодействие / нет вербализации***	***Нет взаимодействия / есть вербализация***	***Нет взаимодействия / нет вербализации***
Аннотация	0	5	0	17
Ключевые слова	0	4	0	18
Англоязычная аннотация	0	3	0	19
Всплывающие подсказки	2	7	0	13
Иллюстрация	4	3	3 (очевидного взаимодействия не было, но было активное зрительное восприятие)	12

Связь интереса с коммуникативным и когнитивным опытом

В качестве критериев коммуникативного и когнитивного опыта испытуемых выступили как формальные индикаторы (возраст, род занятий, выработанная привычка чтения научных статей), так и определенные предустановки до начала взаимодействия с текстом (интересна ли научная проблематика в области семиотики, печатные или интернет-статьи предпочтительнее, в электронном или бумажном виде удобнее читать научные публикации и с какого устройства). Критерии анализировались как с учетом собственной рефлексии респондентов (объем и детализация комментариев), так и с точки зрения тех действий, которые они совершали в ходе самого эксперимента (обратный скроллинг, продолжительность чтения).

Итак, большинству студентов контрольной группы проблематика семиотики была неинтересна изначально, по шкале от 1 до 5 в среднем ставили 2,4 балла. Преподаватели дали оценку 3 балла. Студенты экспериментальной группы до прочтения материала свой интерес к теме оценили в среднем на 2,2 балла, а преподаватели — на 4 балла. Таким образом, на начальном этапе интерес к проблематике семиотики у обеих групп (и подгрупп) был примерно одинаков.

В качестве основной площадки поиска и чтения научных статей все респонденты указали интернет по причине удобства, скорости поиска необходимой литературы и бесплатного доступа к источникам:

Чаще всего читаю научные статьи в интернете. Для меня это удобнее, так как подписок на печатные журналы у меня нет. И чаще всего я читаю научные статьи, которые высвечиваются по поиску в интернете, так как они находятся в кругу моих интересов (студент).

Чаще в интернете, так как важен доступ, скорость и разнообразие научных текстов (преподаватель).

Все студенты предпочитают формат электронного чтения печатному:

Мне удобнее читать статьи в электронном формате, поскольку я могу приблизить текст, а также скопировать необходимую информацию, если она понадобится для использования в учебных работах.

В электронном — можно открыть материалы в любом месте, только взяв телефон.

Участвовавшие в эксперименте преподаватели отметили, что для них предпочтительнее чтение с бумажных носителей:

Работа с печатными текстами более системная. Но доступ к текстам — это тоже немаловажный фактор, который заставляет преимущественно работать с интернет-текстами.

В печатном удобнее. Возникает какая-то тактильная связь, которая помогает лучше усваивать материал.

Предпочла бы в печатном виде, меньше нагрузка на глаза.

Работа с печатными текстами более системная.

Большинство респондентов обеих групп выбрали персональный компьютер или ноутбук в качестве устройства, посредством которого удобнее всего работать с научными публикациями, отмечая как преимущества большой экран (*ПК, большой текст на большом экране удобнее читать*) и удобство навигации (*На ноутбуке удобнее переключаться между материалами, кликать на гиперссылки*), однако

небольшая часть студентов отдала предпочтение мобильному телефону, отмечая тот факт, что именно он является привычным посредником потребления любой информации (*Читаю преимущественно с мобильного телефона, потому что всегда ношу его с собой, им легче всего пользоваться и удобнее всего*).

После прочтения статьи первая группа оценила свой интерес к материалу в среднем на 3,4 балла, существенной разницы между студентами и преподавателями не выявлено. Оценки респондентов второй экспериментальной группы отличались: студенты оценили свой интерес к материалу на 3,3 балла, а преподаватели — на 4,1. Стоит отметить, что у испытуемых второй группы была возможность уточнять значения сложных понятий (в текст был встроен с помощью гиперссылок глоссарий), этой возможностью воспользовались большинство студентов и некоторые преподаватели (избирательно уточняли значения определенных понятий).

Таким образом, коммуникативный опыт преподавателей и студентов в обеих группах можно оценить как равноценно высокий, а вот разница когнитивного опыта проявилась в комментариях к статье и в контрольной, и в экспериментальной группах. Студенты оценивали чаще всего содержание материала, его внешний вид и оформление (*Поработала бы над структурой, добавила больше схем и таблиц, таким образом информация «упаковано» откладывается в памяти*; *С добавлением приложения стоит добавлять кликабельную сноску, чтобы не скролить вверх-вниз каждый абзац*; *Сократить некоторые описания символики цвета и прочих очевидных вещей*), преподаватели — структуру, методы, объем выборки, релевантность сделанных автором выводов (*Добавил бы более детальный семиотический анализ*; *Я бы добавил исследовательскую часть, а именно сформировал выборку новогодних открыток за конкретный период (например, 60-е) и анализировал уже данную выборку. Сначала бы я с помощью количественных методов (к примеру, подсчет) установил наиболее характерные символы. Далее я бы провел семиотический анализ конкретных сюжетов. Данная статья нуждается в тщательной переработке*).

Удобство чтения

Испытуемые второй группы оценили «удобство чтения» выше, чем испытуемые первой группы. Средняя оценка удобства в первой группе — 3,8 (из 5 максимальных), во второй — 4,2.

В вербальных комментариях испытуемых первой группы отсутствуют явно положительные оценки удобства дизайна статьи. Участники экспериментальной группы активно выражали положительные оценки дизайна статьи (*На мой взгляд, все гармонично*; *Я бы не вносила никаких изменений, читать статью было удобно*). Положительной вербальной оценке соответствовали и высокие оценки, выраженные количественно, — 4 или 5 баллов.

Мы просили испытуемых оценить по пятибалльной шкале, насколько им была интересна статья. Средняя оценка испытуемых первой группы составила 3,6 балла. Оценка второй группы респондентов оказалась немного выше — 3,8 балла. Небольшая выборка и незначительные отличия в оценках не позволяют нам говорить о каких-либо факторах, определяющих общее отношение к контенту материала, однако ряд исследований доказывают, что дизайн способен влиять на оценку содержания [Белоедова, Тяжлов 2023].

Результаты исследования

Мы получили следующие результаты в ходе исследования.

1. Взаимодействие с научным интернет-текстом проходит в стандартном для чтения научных материалов ключе: пользователи читают текст линейно, иногда возвращаясь к тем или иным фрагментам текста, обращают внимание на иллюстративный материал. В то же время взаимодействие пользователей с научными текстами в интернет-среде осуществляется в мультимодальном формате: рецепция информации происходит посредством не только различных модусов, но и пользовательских действий — в процессе скроллинга, перехода по ссылкам, взаимодействия с интерактивными элементами и т. д. Модифицированный текст, включающий в себя аффордансы, представляется пользователям более удобным для чтения.

2. Различные компоненты научного текста, оформленные как интерактивные элементы, вызывают у испытуемых интерес разной степени. Так, наиболее востребованным из исследуемых компонентов текста стали иллюстрации — в их отношении пользователи из контрольной группы достаточно активно совершают операциональные действия и упоминают их в ходе интервью. Отметим, что полученные в ходе предыдущих исследований данные позволяют говорить как о повышении лояльности авторов и редакторов к иллюстрациям в научных публикациях, так и о значительном росте количества статей, снабженных иллюстрациями [Тяжлов 2023].

3. Умеренный интерес вызывают всплывающие комментарии, слабый интерес — аннотации и ключевые слова.

Мы предполагаем, что слабый интерес к аннотации и ключевым словам может быть вызван дезориентацией пользователей непривычным интерфейсом статьи, а также контекстом задачи эксперимента. Мы допускаем, что данные, полученные в результате эксперимента не в лабораторных, а в естественных условиях, могут отличаться в части интереса пользователей к аннотации и ключевым словам.

Англоязычная аннотация практически не вызывает интереса со стороны пользователей, что может объясняться тем, что состав выборочной совокупности был представлен русскоязычными пользователями.

Что касается всплывающего комментария как компонента текста, то с ним взаимодействовала половина студентов и только треть преподавателей экспериментальной группы. Это указывает на интерес к дополнительной или уточняющей информации, который проявляют преимущественно малоопытные читатели научных текстов. В дальнейших исследованиях следует учитывать также прагматический характер интереса, который испытывают читатели к различным компонентам текста и его содержанию в целом, поскольку уровневый характер интереса очевидно коррелирует со сложностью когнитивных и коммуникативных задач, которые ставит перед собой пользователь.

4. Сопоставляя результаты, полученные на этом этапе исследования, с данными проведенного нами ранее окулографического исследования, мы можем заключить, что зоны интереса научного интернет-текста частично коррелируют с фокусом внимания реципиентов. Не любой элемент текста, привлекающий внимание читателя, является предметом интереса. Зрительная фиксация на объекте может

быть вызвана характеристиками самого объекта (яркая иллюстрация), особенностями зрительного поведения реципиента (паузы в чтении, связанные с моментами рефлексии) или техническими сбоями в работе айтрекера. Эти обстоятельства указывают на необходимость дополнения окулографического исследования другими методами, позволяющими уточнить характеристики осознанной реакции на компоненты текста, в частности UX- и опросных методик для обнаружения зон интереса читателей.

5. Сегодня опыт читателей научных статей в области интернет-коммуникации достаточно высок, так как интернет стал привычной средой повседневных практик медиапотребления. Это значит, что увеличиваются требования и ожидания к структуре и оформлению научных материалов. На первый план выходит такое качество текста, как удобство, которое оценивается пользователями чаще всего в получении как можно большего количества нужной информации при совершении минимальных дополнительных действий. Если в тексте говорится об иллюстрации, как в случае нашего эксперимента, то и само изображение должно размещаться тут же, если дается какой-то термин, то его объяснение следует дать в виде гиперссылки, экономя время современного читателя.

Когнитивный опыт читателя влияет, на наш взгляд, на то, что именно вызывает интерес в научной публикации. Менее опытные читатели воспринимают материал поверхностно, оценивая его скорее как тематический интернет-текст, более опытные рассматривают текст с точки зрения эксперта, обращая внимание не только на содержание, но и на его теоретико-методологическую основу. Независимо от когнитивного опыта хорошо структурированный, насыщенный визуальными элементами и аффордансами текст упрощает его восприятие для читателя, делает его прочтение более быстрым и удобным.

Выводы

Итак, мы можем заключить, что пользовательский интерес является прямым маркером активного восприятия научного интернет-текста и может быть понят как условие его корректного понимания. Оценка интереса пользователей к компонентам текста позволяет выявить важные аспекты модели уяснения научного содержания в ходе цифрового чтения. Изучение пользовательского интереса предполагает применение мультимодального подхода и комплексной методологии, в рамках которых данные об операциональных действиях в отношении текста и вербальная рефлексия о его содержании и формальных свойствах позволяют узнать об особенностях восприятия текста разными группами пользователей. Более того, в силу специфичности научных текстов в интернет-среде неизбежно воздействие аффордансов на алгоритмы работы с содержанием текста.

Мы смогли выявить признаки корреляции между характером взаимодействия с научным интернет-текстом и, с одной стороны, прецедентным опытом пользователя (опытом академического чтения и взаимодействия с интернет-текстами) и, с другой стороны, материально-семиотическими свойствами текста (расположением иллюстраций, всплывающими комментариями). В то же время менее очевиден интерес пользователей к аффордансу раскрывающихся метаданных (аннотации и ключевых слов), что может быть объяснено задачами эксперимента. Смысло-

вые эффекты, возникающие в результате совершения или несовершения этих действий, на наш взгляд, могут варьироваться от особенностей фокуса интереса до построения специфичной смысловой модели воспринимаемого текста. В статье мы определили характер и предметы интереса читателей научных интернет-текстов. Целью дальнейших исследований может стать оценка корреляции между взаимодействием с различными компонентами научного интернет-текста и точностью и полнотой понимания его содержания.

Литература

Абабкова, М. Ю., Розова, Н. К. (2022). Айтрекинг как инструмент оценки восприятия электронных презентаций российскими и зарубежными студентами. *Вестник педагогических инноваций*, *4*, 106–121.

Анисимов, В. Н., Федорова, О. В., Латанов, А. В. (2016). Параметры движений глаз при чтении предложений с локальной и глобальной синтаксической неоднозначностью. В Ю. И. Александров, К. В. Анохин (Ред.), *Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл., Светлогорск, 20–24 июня 2016 г.* (с. 685–686). Светлогорск: Ин-т психологии РАН.

Белоедова, А. В., Дубровская, Т. В., Кожемякин, Е. А., Тяжлов, Я. И. (2023). Рецепция научного интернет-текста: экспериментальное исследование. *Неофилология*, *9* (4), 940–958.

Белоедова, А. В., Тяжлов, Я. И. (2023). Научный текст в интернете: коммуникационно-типологические характеристики. *Медиалингвистика*, *10* (4), 450–477.

Белопольский, В. И. (2007). Возрастные изменения в скорости чтения в условиях статического и динамического предъявления текстов. *Вопросы психологии*, *4*, 24–45.

Броян, И. В., Огнева, Н. Ф. (2022). Инструменты эмпатии в дизайн-мышлении. *Бизнес. Образование. Право*, *2* (59), 82–87.

Булатова, Э. В., Алексеева, А. С., Ломтатидзе, О. В. (2016). Экспериментальные методы анализа восприятия креолизованных медиатекстов. В *Айтрекинг в психологической науке и практике* (с. 228–233). М.: Когито-Центр.

Воробьева, Т. Л. (2021). Трансформация модели чтения в цифровой культуре. *Текст. Книга. Книгоиздание*, *27*, 126–138.

Галаганова, С. Г., Мартынова, А. А. (2022). Когнитивная психология и электронный бизнес: перспективы взаимодействия. *Человеческий капитал*, *3* (159), 23–40.

Демарева, В. А., Голубинская, А. В., Голубин, Р. В. (2021). Психофизиологические маркеры эпистемических состояний: постановка проблемы. *Вестник психофизиологии*, *3*, 133–135.

Залевская, А. А. (2001). *Текст и его понимание.* Тверь: Твер. гос. ун-т.

Зимняя, И. А. (2001). *Лингвопсихология речевой деятельности*. М.: МОДЭК.

Кожемякин, Е. А., Дубровская, Т. В. (2024). Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация. *Жанры речи*, *1* (41), 66–78.

Компаниец, В. С., Лызь, А. Е. (2018). Возможности и перспективы применения инструментальных методов исследования пользовательского опыта. *Информатизация и связь*, *4*, 7–11.

Корбут, А. (2018). «Простите, я никак не могу понять»: способы реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, *3*, 57–78.

Корнеев, А. А., Матвеева, Е. Ю., Ахутина, Т. В. (2020). Исследование движений глаз у младших школьников с разным уровнем развития навыка чтения. *Физиология человека*, *46* (3), 5–14.

Лебедева, М. Ю., Веселовская, Т. С., Купрещенко, О. Ф. (2020). Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд. *Перспективы науки и образования*, *4* (46), 74–98. https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.5

Лебедева, М. Ю. (2022). Стратегии работы с цифровым текстом для решения учебных читательских задач: исследование методом вербальных протоколов. *Вопросы образования*, *1*, 244–270. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-244-270

Лезер, Ф. (1980). *Рациональное чтение.* М.: Педагогика.

Назаров, Ю. В. (2021). UX-design — проектирование для людей. *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова*, *3-2*, 53–66. https://doi.org/10.37485/1997-4663-2021-3-2-53-66

Пиотровская, Л. А., Трушелев, П. Н. (2020). Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Russian Journal of Linguistics*, *24* (4), 991–1016. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016

Пранцова, Г. В., Романичева, Е. С. (2015) *Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом*. М.: Форум.

Рыбанов, А. А. (2021). Количественная оценка несоответствия ментальных моделей пользователя и дизайнера интерфейсов при разработке структуры навигационного меню мобильного приложения. *Южно-Сибирский научный вестник, 1* (35), 19–24.

Самохина, М. М. (2010). Молодые читатели в Интернете (наблюдения социолога). *Новое литературное обозрение*, *102*, 300–307.

Тяжлов, Я. И. (2023). Иллюстрирование научного текста в интернете. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники* (с. 212–220). СПб.: Медиапапир.

Эйдлин, В. И. (2012). О соотношении восприятия и понимания текста. *Вопросы психологии*, *1*, 25–35.

Alexander, P. A., Jetton, T. L. (2000). Learning from text: A multidimensional developmental perspective. *Handbook of Reading Research*, *3*, 285–310.

Baker, L., Brown, A. L. (1984). Metacognitive Skills and Reading. In *Handbook of Reading Research* (pp. 353–394). New York: Longman.

Bohn-Gettler, C. M., Olson, O. (2019). *Analyzing Verbal Protocols: Thinking Aloud during Reading in Cognitive and Educational Psychology*. London: Sage.

Gibson, E. J., Levin, H. (1975). *The psychology of reading*. Cambridge: MIT Press.

Kintsch, W. (1980). Learning from Text, Levels of Comprehension, or Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics, 9*, 87–98.

Rayner, K., Pollatsek, A. (1989). *The psychology of reading*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Schiefele, U. (2009). Situational and Individual Interest. In *Handbook of Motivation at School* (pp. 197–222). New York: Routledge.

Solnyshkina, M. I. (2023). Text content variables as a function of comprehension: Propositional discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, *27* (4), 938–956.

Sundt, A., Eastman, T. (2019). Informing Website Navigation Design with Team-Based Card Sorting. *Journal of Web Librarianship*, *13* (1), 37–60.

Thain, M. (2018). Distracted Reading: Acts of Attention in the Age of the Internet. *Digital Humanities Quarterly*, *12* (2). Электронный ресурс http://digitalhumanities.org/dhq/vol/12/2/000393/000393.html.

van Dijk, Teun A. (2014). *Discourse and knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vuorinen, P. T. E., Tatler, B. W., Keller, F. (2024). Tracking e-reading behavior: uncovering the effects of task context, electronic experience, and motivation. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/380066372_Tracking_e-reading_behavior_uncovering_the_effects_of_task_context_electronic_experience_and_motivation.

Статья поступила в редакцию 2 августа 2024 г.;
рекомендована к печати 23 ноября 2024 г.

Контактная информация:

Кожемякин Евгений Александрович — д-р филос. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0003-2991-1011, ekozhemyakin@hse.ru

Тяжлов Ян Игоревич — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0002-8403-0711, tyazhlov@bsuedu.ru

Белоедова Анна Викторовна — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0002-9766-270X, beloedova@bsuedu.ru

Дубровская Татьяна Викторовна — д-р филол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0003-0044-6056, gynergy74@gmail.com

Readers' interest in the structural components of the scientific Internet text: The experience of multimodal research*

E. A. Kozhemyakin[1,2], Ya. I. Tyazhlov[1,3], A. V. Beloedova[1], T. V. Dubrovskaya[1, 4]

[1] Belgorod National Research University,
85, ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russian Federation
[2] HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation
[3] Kosygin Russian State University,
1, ul. Malaya Kaluzhskaya, Moscow, 119071, Russian Federation
[4] Penza State University,
40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russian Federation

For citation: Kozhemyakin E. A., Tyazhlov Ya. I., Beloedova A. V., Dubrovskaya T. V. (2025). Readers' interest in the structural components of the scientific Internet text: The experience of multimodal research. *Media Linguistics*, *12* (1), 4–21. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.101 (In Russian)

The article presents the results of an experiment aimed at determining the characteristics and objects of user interest in the elements of a scientific Internet text as a sign of active perception of its content and correct understanding. User interest is treated in the article as a direct marker of active perception of scientific Internet text and can be understood as a condition of correct understanding of the content of the material. On the basis of the multimodal approach and the author's complex methodology (experiment using videoculographic analysis, UX-methodologies, semi-structured interview and comparative analysis) the data on operational user actions in relation to the text and verbal reflection on its content and formal properties were obtained, which made it possible to draw conclusions about the peculiarities of perception and understanding of the text by different groups of users. The article discusses the nature of the effects of affordances on the algorithms for working with the content of the text. The authors conclude about the correlation between the nature of interaction with the scientific Internet text, the user's precedent experience and some material and semiotic properties of the text. The greatest interest of users is illustrations syncretically integrated into the text of the article, and pop-up comments that explain or clarify semantic fragments of the text or complex terminology. The smallest interest for readers is the annotation of the article and keywords. The authors conclude about the conservative scenario of digital reading of scientific articles, in which users mainly expect such elements of a scientific Internet text as annotations and keywords to be embodied like the "offline". The authors formulate the hypothesis that the semantic effects that occur because of the performing or imperfect of operational actions can vary from the features of the focus of interest to constructing a specific semantic model of the perceived text.

Keywords: scientific text, scientific Internet text, user interest, user experience, interaction with the text.

References

Alexander, P. A., Jetton, T. L. (2000). Learning from text: A multidimensional developmental perspective. *Handbook of Reading Research*, *3*, 285–310.

Ababkova, M. Yu., Rozova, N. K. (2022). Eye Tracking as a Tool for Evaluating Electronic Presentations by Russian and Foreign Students. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsyi*, *4* (68), 106–121. (In Russian)

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00109, "Reception and interpretation of scientific text on the Internet: a multimodal approach", https://rscf.ru/project/23-28-00109/).

Anisimov, V. N., Fedorova, O. V., Latanov, A. V. (2016). Parameters of eye movements when reading sentences with local and global syntactic ambiguity. In Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (Eds), *Sed'maia mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke* (pp. 685–686). Svetlogorsk: Insitut psikhologii RAN Publ. (In Russian)

Baker, L., Brown, A. L. (1984). Metacognitive Skills and Reading. In *Handbook of Reading Research* (pp. 353–394). New York: Longman.

Beloedova, A. V., Dubrovskaya, T. V., Kozhemyakin, E. A., Tyazhlov, Ya. I. (2023). Reception of a scientific web text: an experimental survey. *Neofilolgiia*, *9* (4), 940–958. (In Russian)

Beloedova, A. V., Tyazhlov, Ya. I. (2023). Scientific text on the Web: communicational and typological features. *Media Linguistics*, *10* (4), 450–477. (In Russian)

Belopolskiy, V. I. (2007). Age changes in reading speed in terms of static and dynamic text representation. *Voprosy psikhologii, 4*, 24–45. (In Russian)

Bohn-Gettler, C. M., Olson, O. (2019). *Analyzing Verbal Protocols: Thinking Aloud during Reading in Cognitive and Educational Psychology*. London: Sage.

Broyan, I. V., Ogneva, N. F. (2022). Tools of empathy in design thinking. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, *2* (59), 82–87. (In Russian)

Bulatova, E. V., Alekseeva, A. S., Lomatidze, O. V. (2016). Experimental methods for analysis of creolized texts reception. In *Aitreking v psikhologicheskoi nauke i praktike* (pp. 228–233). Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russian)

Gibson, E. J., Levin, H. (1975). *The psychology of reading*. Cambridge, MIT Press.

Galaganova, S. G., Martynova, A. A. (2022). Cognitive psychology and digital business: perspective of interaction. *Chelovecheskii kapital*, *3* (159), 23–40. (In Russian)

Demareva, V. A., Golubinskaya, A. V., Golubin, R. V. (2021). Psychophysiological markers of epistemic states: problem statement. *Vestnik psikhofiziologii*, *3*, 133–135. (In Russian)

Eydlin, V. I. (2012). On the correlation of reception and comprehension of the text. *Voprosy psikhologii*, *1*, 25–35. (In Russian)

Kozhemyakin, E. A., Dubrovskaya, T. V. (2024). Genre of a scientific article on the Internet: Structural and semiotic transformation. *Zhanry rechi*, *1* (41), 66–78. (In Russian)

Kompaniets, V. S., Lyz', A. E. (2018). Opportunities and perspectives for research experience research methods application. *Informatizatsiia i sviaz', 4*, 7–11. (In Russian)

Korbut, A. (2018). "Sorry, I cannot understand it": ways of dealing with non-understanding in human-robot interaction. *Laboratorium: zhurnal sotsialnykh issledovanii, 3*, 57–78. (In Russian)

Korneev, A. A., Matveeva, E. Y., Akhutina, T. V. (2020). Eye movements in primary schoolchildren with different levels of reading skills. *Fiziologiia cheloveka*, *46* (3), 5–14. (In Russian)

Kintsch, W. (1980). Learning from Text, Levels of Comprehension, or Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics, 9*, 87–98.

Lebedeva, M. Yu., Veselovskaya, T. S., Kupreshchenko, O. F. (2020). Features of perception and understanding of digital texts: interdisciplinary view. *Perspektivy nauki i obrazovania, 46* (4), 74–98. (In Russian)

Lebedeva, M. Yu. (2022). Strategies of Reading Digital Texts for Performing Educational Reading Tasks: Study Based on the Think-Aloud Protocols. *Voprosy obrazovaniya, 1*, 244–270. (In Russian)

Lezer, F. (1980). *Rational reading.* Moscow: Pedagogika Publ. (In Russian)

Nazarov, Yu. V. (2021). UX-design as designing for people. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGPHU imeni S. G. Stroganova, 3-2*, 53–66. (In Russian)

Piotrovskaya, L. A., Trushchelev, P. N. (2020). What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks. *Russian Journal of Linguistics*, *24* (4), 991–1016. (In Russian)

Prantsova, G. V., Romanocheva, E. S. (2015) *Modern strategies of readimg: theory and practice. Meaningful reading and working with texts.* Moscow: Forum Publ. (In Russian)

Rybanov, A. A. (2021). Quantitative assessment of mismatch between user and interface designer mental models in developing mobile application navigation menu structure. *Yuzhno-Sibirskiy Nauchniy Vestnik, 1* (35), 19–24. (In Russian)

Samokhina, M. M. (2010). Young readers on the Web (sociologist observations). *Novoye literaturnoye obozreniye*, *102*, 300–307. (In Russian)

Rayner, K., Pollatsek, A. (1989). *The psychology of reading*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Schiefele, U. (2009). Situational and Individual Interest. In *Handbook of Motivation at School* (pp. 197–222). New York: Routledge.

Solnyshkina, M. I. (2023). Text content variables as a function of comprehension: Propositional discourse analysis. *Russian Journal of Linguistics*, *27* (4), 938–956.

Sundt, A., Eastman, T. (2019). Informing Website Navigation Design with Team-Based Card Sorting. *Journal of Web Librarianship*, *13* (1), 37–60.
Tyazhlov, Ya. I. (2023). Illustrating the scientific text on the Web. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Predyavlenie nauchnogo znaniya v dialoge media: konteksty, tekhnologii i yazykovye tekhniki (Seriya "Yazyk v koordinatakh massmedia")* (pp. 212–220). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
Thain, M. (2018) Distracted Reading: Acts of Attention in the Age of the Internet. *Digital Humanities Quarterly*, *12* (2). Retrieved from http://digitalhumanities.org/dhq/vol/12/2/000393/000393.html.
van Dijk, Teun A. (2014). *Discourse and knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
Vuorinen, P. T. E., Tatler, B. W., Keller, F. (2024). Tracking e-reading behavior: uncovering the effects of task context, electronic experience, and motivation. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/380066372_Tracking_e-reading_behavior_uncovering_the_effects_of_task_context_electronic_experience_and_motivation.
Vorobyova, T. L. (2021). The transformation of the reading model in a digital culture. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniie, 27*, 126–138. (In Russian)
Zalevskaya, A. A. (2001). *Text and its comprehension.* Tver: Tver State University Publ. (In Russian)
Zimnyaya, I. A. (2001). *Linguopsychology of speech activity.* Moscow: MODEK Publ. (In Russian)

Received: August 2, 2024
Accepted: November 23, 2024

Authors' information:

Evgeny A. Kozhemyakin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; https://orcid.org/0000-0003-2991-1011, ekozhemyakin@hse.ru
Yan I. Tyazhlov — PhD in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-8403-0711, tyazhlov@bsuedu.ru
Anna V. Beloedova — PhD in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-9766-270X, beloedova@bsuedu.ru
Tatyana V. Dubrovskaya — Dr. Sci. in Philology, Professor; https://orcid.org/0000-0003-0044-6056, gynergy74@gmail.com

УДК 811.142 Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Корпусный анализ в определении структуры метафорических фреймов: на материале номинаций страха в греческих медиатекстах*

Ю. В. Кожуховская[1,2], *С. С. Бурдыко*[1]

[1] Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
[2] Таврическая духовная семинария,
Российская Федерация, 299045, Севастополь, ул. Древняя, 3/11

Для цитирования: Кожуховская Ю. В., Бурдыко С. С. (2025). Корпусный анализ в определении структуры метафорических фреймов: на материале номинаций страха в греческих медиатекстах. *Медиалингвистика*, *12* (1), 22–42. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.102

Статья посвящена исследованию характера реализации номинаций страха — одной из наиболее ярко выраженных в медиатекстах эмоций, и их метафоризации, что способно отразить взаимосвязь языкового сознания и социокультурных процессов. Применение корпусного подхода позволяет проследить актуальные тенденции в изменении значения лексических единиц и установить особенности фигурального словоупотребления. Первый этап исследования включал изучение словарных дефиниций выделенных номинаций, содержащих сему страха, после этого результаты оценивались с точки зрения их непосредственной реализации в текстах. Материалом послужил корпус греческого языка (медиатексты). Результатом стало определение ядерно-периферийной структуры номинативного поля, а также характера метафоризации социальных страхов, выделенного с помощью фреймового анализа. Способность к оперированию переносным значением в языкознании фиксируется в когнитивных метафорах, состоящих из области-цели, в данном случае одной из номинаций страха, и области-источника, для которой в статье установлены несколько типов ее формирования. Как правило, область-источник следует из названия слота, который занимает номинация страха, в том числе из сочетания названий слота и фрейма (*ужас — это восприятие картины*: фрейм *картина*, слот *восприятие*). Однако наименования могут варьироваться в зависимости от различного заполнения одного и того же слота (*паника — это триллер* и *паника — это хоррор*: фрейм *фильм*, слот *жанр*). Третий вариант возможен в случаях, когда страх заполняет слот состояния, объекта или субъекта, в этом случае область-источник может именоваться названием фрейма (*паника — это болезнь*: фрейм *болезнь*, слот *состояние*) или содержать его название, которое варьируется в зависимости от реализации других слотов фрейма.

Ключевые слова: фрейм, когнитивная метафора, корпус, страх, новогреческий язык.

Постановка проблемы

Страх — одна из наиболее распространенных эмоций, языковая реализация которой регистрируется в текстах СМИ, отражающих текущую социокультурную ситуацию. Язык, как и информационное пространство, динамичен и видоизменя-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, https://rscf.ru/project/23-78-01227/, «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

ется в первую очередь фигуральный компонент, выраженный в языке в когнитивных или концептуальных метафорах. В связи с этим актуальным направлением является изучение концептуального содержания лингвокультуры с учетом контекстуальных факторов. З. Кёвечеш называет метафору не только концептуальной, но и в той же мере контекстуальной [Kövecses 2022]. Контекстуальное исследование в отдельных работах осуществляется на базе лингвистических корпусов текстов. Достоинство корпусного подхода заключено в возможности извлечения метафорических выражений на основе большого количества материалов из большого массива данных и, как следствие, в сильной эмпирической основе [Deignan 2005]. Контексты классифицируются на ситуационный, дискурсивный, концептуально-когнитивный и телесный [Kövecses 2015], именно последний свойственен базовым (прототипическим) эмоциям, таким как страх [Kövecses 2020].

Однако эмоция страха, кроме лексемы *ο φόβος*, непосредственно его репрезентирующей в новогреческом языке, имеет ряд других номинаций, выражающих, например, тревогу, опасение или панику, которые содержат сему страха, но не относятся к прототипическим эмоциям. Реализация более сложных эмоций, выходящих за рамки животного мира, обусловливается социально. В связи с социальной реализацией З. Кёвечеш [Kövecses 2022] выделяет концептуально-когнитивный контекст, отражающий интересы определенной группы людей. На основе этих интересов и формируется метафорическая система языка. Цель статьи — проследить функционирование номинаций страха, а также степень их метафоризации в текстах СМИ на материале корпуса греческого языка.

История вопроса

Семантические структуры соотносятся с когнитивными областями, где областью (domain) может являться любой вид концептуализации (например, перцептивный опыт) [Langacker 2006]. Структуру когнитивной метафоры обычно представляют в виде двух областей: источника и цели. В области-источнике содержится концепт, исходящий из опыта, а в области-цели — абстрактное понятие. З. Кёвечеш отмечает, что когнитивная метафора может включать в себя любую из конструкций (иначе говоря, не только область, но и фрейм, схему, сценарий, ментальное пространство), которые, как и когнитивная метафора, отражают процессы восприятия человеком мира [Kövecses 2022].

Исследование концептов и, в частности, когнитивных метафор осуществляется на основании двух основных подходов: интроспективного и корпусного [Oster 2012: 333]. Поиск в корпусе более эффективен за счет большего числа контекстов, однако, как отмечает Ю. Остер, ограничение этого метода заключается в том, что поиск не отобразит всех результатов за счет того, что часть выражений фигуральные, т. е. не называют искомого слова [Oster 2010: 731]. А. Стефанович подошел к вопросу с другой стороны: он предложил начинать работу с корпусом не с области-источника, а с области-цели — обозначить лексему, которая относится к области-цели, и таким образом выявить всю совокупность метафорических выражений, частью которых является искомое слово [Stefanowitsch, Gries 2006]. Ограничение такого подхода — большой объем корпусов, которые в подобных исследованиях обрабатываются лишь частично. Другое направление корпусных исследований не

касается метафоры и затрагивает вопрос разграничения значений словарных единиц, когда демонстрируется обусловленность использования определенного слова контекстом, т. е. невозможность замены синонимом при их едином ядерном значении [Sayyed, Al-Khanji 2019].

В свою очередь, целый ряд исследований посвящен проблематике, располагающейся на стыке когнитивной лингвистики и медиалингвистики. Одним из актуальных вопросов является медиатизации когнитивных терминов. Так, в рамках корпусного исследования продемонстрировано, что «в медийном дискурсе формируются новые значения и системные связи терминов» [Куликова 2024]. Из когнитивных структур в центр внимания попадают не только концепты, но и фреймы, а именно механизмы фреймирования, оказывающие систематическое воздействие на подписчиков (телеграм-канала) [Кушнерук 2022]. Когнитивные стратегии воздействия в целом представляются одной из частотных и насущных тем в исследованиях медиадискурса [Семынина 2013].

Описание методики исследования

Данное исследование исходит из корпусного подхода и сочетает изучение лексического значения в зависимости от контекста и процессы метафоризации. Материалом послужил Корпус греческого языка[1]. Корпус насчитывает 37,5 млн словоупотреблений и включает газетные публикации и в меньшей степени тексты художественной литературы [Архангельский, Кисилиер 2018: 55], что дает возможность проверить выбор номинаций для передачи эмоции страха в зависимости от функционального стиля. Однако в выборке метафорического словоупотребления учитывались только тексты СМИ для исключения авторских художественных метафор.

Особенность наполнения корпуса — тексты, созданные в период греческого экономического кризиса (статьи в основном датируются 2007–2013 гг.). Тем не менее, несмотря на превалирование экономической тематики как отражение содержания социального сознания в отдельный период, экономический контекст не является доминирующим для большинства номинаций; более того, прослеживается их разделение на сферы употребления. Проверка полученных данных и их дополнение осуществлялись по медиатекстам интернет-пространства (Google.gr).

Для выделения номинаций, содержащих сему страха, и разграничения их значений использовался компонентный анализ. Оценка корреляции между словарным значением и реализацией выделенных номинаций в текстах производилась для установления актуального значения не только лексем с выделенными дифференциальными семами, но и слов, для которых в словарях не приведена дифференциация значений (η τρεμούλα — το τρέμουλο и η ανατριχίλα — το ανατρίχιασμα). Важным преимуществом корпусного подхода является возможность количественной оценки результатов [Oster 2012: 334]. С учетом этого одна из задач исследования — оценить частотность каждой из номинаций в корпусе.

С целью определения тенденции к реализации номинаций в фигуральном значении произведен анализ когнитивных метафор. Первичный поиск осуществлялся

[1] *Corpus of Modern Greek*. Электронный ресурс http://web-corpora.net/GreekCorpus.

по номинации в области-цели, а на втором этапе — в сочетании с маркерами, которые могут указывать на метафорическое употребление (например, предлог в как возможный маркер области-источника *вместилище*). Отдельно проверялась сочетаемость с частями речи. Так, фигуральное значение во многих случаях формируют глаголы как в активном, так и в пассивном залоге в сочетании с номинацией эмоции.

Другая задача — выявить, какие слоты заполняются фигуральным содержанием и как они соотносятся с метафоризацией страха. В исследованиях реализации социальных страхов прослеживается взаимосвязь когнитивных метафор со строением фреймов. Так, для изучения использования одного из медицинских препаратов в рамках культурно доступного повествования соответствующий медиадискурс структурирован на четыре типа (спортивный и т. д.), каждый из которых выстраивался вокруг трех центральных метафорических фреймов [Coveney, Nerlich, Martin 2009: 489]. В основе такого разделения разработанный на материале английского языка фрейм *страх*, в ядре которого находятся слоты *чувствующий субъект* (тот, кто испытывает страх), *выразитель* (внешнее проявление), *стимул* (то, что вызывает страх) и *тема* (область проявления)[2]. Для определения слота *тема* выделены типы дискурса, в которых фиксируется каждая из номинаций страха.

Для выявленных когнитивных метафор определялись фрейм и слот, заполненный одной из лексических единиц страха, а в случае высокой степени метафоризации выделялись дополнительные слоты, содержимое которых представляло интерес для нахождения механизмов генерации переносного значения. Заключительный этап — формирование ядерно-периферийной структуры концепта СТРАХ в греческом лингвокультурном сознании исходя из результатов компонентного и корпусного анализа.

Анализ материала

В новогреческом языке *страх* на основе данных словаря А. А. Иоаннидис [Иоаннидис 1983] представлен двумя существительными: *ο φόβος* и *ο τρόμος*. Исходя из данных словаря И. П. Хорикова, М. Г. Малева [Хориков, Малев 1993: 792], первое значение лексемы *ο φόβος* — «страх, боязнь, испуг», второе — «боязнь, опасение, тревога». В свою очередь, по определению Й. Бабиньетиса [Μπαμπινιώτης 2002] *ο φόβος* — это крайне неприятное чувство, возникающее у человека в присутствии или при мысли о реальной или воображаемой опасности или угрозе. Лексема *ο τρόμος* в первом значении — «испуг, страх, ужас», во втором — «дрожь» [Хориков, Малев 1993]. В соответствии с Й. Бабиньетисом [Μπαμπινιώτης 2002: 1798] его первичное значение определяется как сильное и внезапное чувство страха и паники. Таким образом, лексема *ο τρόμος* более эмоционально окрашена, чем *ο φόβος*, так как ужас является высшей степенью страха. Тем не менее страх в новогреческом языке не ограничивается двумя номинациями.

Для уточнения значений синонимичных слов используется компонентный анализ лексико-семантического поля (ЛСП) *страх*. С точки зрения структуры лексико-семантическое поле образуется «пересечением интегральных и дифференциаль-

[2] *FrameNet*. Электронный ресурс http://framenet.icsi.berkeley.edu.

ных сем, из которых каждая делит все семантическое поле на субполя по числу семантических компонентов» [Шафиков, Варуха 2012: 147]. Исследования страха на материале других европейских языков установили классификацию страха на чувство, состояние и поведение [Голованивская 2009], а также по принципу интенсивности (от слабой степени страха к сильной), психологической глубины, длительности, внешних проявлений и причин (в том числе нереальность причины) [Аминова 2020; Берестнев 2019; Бугакова 2018; Голованивская 2009]. Кроме того, отмечается разделение по признаку принадлежности к миру животных или человеку: страх присущ любому живому существу, тогда как боязнь и ужас — только человеку [Голованивская 2009]; во втором случае страх, например экзистенциальный, получил широкую концептуализацию в философии. Выделенные семы фиксируются и для новогреческого языка, исходя из универсальной природы страха: эмоция, психологическое состояние (в том числе психологические расстройства), чувство трепета (страх совместно с восхищением и глубоким уважением), интенсивность, устойчивость (постоянность), домысел (как причина страха) и внешняя реакция на источник страха. Некоторые семы представлены как пары дихотомий (например, внезапность как противоположность устойчивости), а слабая степень страха противопоставляется интенсивности (в таблице обозначена знаком «–» для семы *интенсивность*). Результаты компонентного анализа показаны в табл. 1.

Количественный анализ употребления номинаций страха представлен на рис. 1. График демонстрирует высокую частотность леммы φόβος в текстах корпуса. За ней с существенным отрывом следуют άγχος («тревога»), τρόμος («ужас») и πανικός («паника»). Для сравнения результатов вторым столбиком приведена статистика по данным поисковой системы.

Рисунок 2 демонстрирует результаты контекстуального анализа. Для номинации φόβος установлен весь спектр возможных контекстов, поэтому анализ фокусируется на разграничении сфер употребления других номинаций страха[3].

Лемма άγχος («тревога») по числу вхождений (1009) превышает ужас и панику, однако не все из них содержат сему *страх*. Номинация в первую очередь связана с медицинским и психологическим дискурсом, тем не менее в корпусе преобладает спортивный дискурс. В тексах спортивного характера тревога соседствует со страхом (φόβος) и нервозностью (νευρικότητα), при этом превалируют отрицательные конструкции при обсуждении хода игры (δεν έχουμε άγχος) и тревога олицетворяется. Исходя из того, что это существительное среднего рода, тревога может восприниматься как живое существо с меньшим уровнем сознательности: ее можно прогнать (διώξτε το άγχος, το γκολ έδιωξε το άγχος), или она может уйти сама (έφυγε ένα άγχος).

Менее распространено функционирование лексической единицы в политическом и экономическом дискурсе. Для первого характерно сочетание с уточняющими эмоциями и состояниями, такими как паника. В экономическом дискурсе тревога связана с кредитным кризисом, при этом отмечена взаимосвязь двух дискурсов, когда экономическая тревога превращается (μεταβλήθηκε) в политическую

[3] Выдержки из медиатекстов, на основе которых осуществлено выявление слотов для всех обозначенных в статье фреймов, представлены в аналитическом каталоге авторов статьи «Когнитивные метафоры в греческой языковой картине мира», доступном по ссылке https://cognitive-metaphor.ru/fear.

Таблица 1. **Компонентный анализ ЛСП *страх* в новогреческом языке**

Семы / Номинации	эмоция	психологическое состояние / расстройство	чувство трепета	интенсивность	устойчивость	домысел (причина страха)	внешняя реакция на источник страха
Ο φόβος (страх)	+						
Ο τρόμος (ужас)	+	+		+			
Ο πανικός (паника)		+		+	+		+/–
Η αδημονία (волнение)	+				+	+/–	
Το άγχος (тревога)	+	+		+/–	+		
Η ταραχή (потрясение, беспорядок)	+/–			+	+/–		
Ο ενδοιασμός (опасение)	+/–				+	+	
Το δέος (благоговейный страх)	+		+				
Η τρεμούλα / το τρέμουλο (дрожь от страха / страх)	+/–				+		+
Το ανατρίχιασμα / η ανατριχίλα (содрогание от ужаса)	+/–			+	–		+
Το ρίγος (дрожь)				+	+		+
Η κατατονία (ступор)		+		+	+		+

(*тревога — это субстанция*) исходя из ее способности менять форму и переходить из одного состояния в другое (свидетельства этой метафоры в других дискурсах: γεμάτοι άγχος — «полные страха», υψηλότερο επίπεδο άγχους — «наивысший уровень тревоги»). Однако большей частью внимание направлено на личный опыт и связь с концептом будущего, которое респонденты видят с сильной тревогой и стрессом (έντονο άγχος και στρες). При этом страна концептуализируется как полотно (что, возможно, восходит к мифопоэтическим корням), когда одна из возрастных групп людей (21–35 лет) поддерживает ее социальную ткань (*страна — это полотно*). Распространенному в текстах словосочетанию άγχος για το μέλλον («тревога за будущее») сопутствует неуверенность (αβεβαιότητα). Более подробно когнитивные метафоры с тревогой в области-цели, выделенные на основе медиатекстов, и их взаимосвязь с фреймовой структурой приведены в табл. 2.

Высокие результаты показывает лемма πανικός (903), которая характеризуется высокой степенью интенсивности. Дополнительно ее усиливают определения μεγάλος («большая»), απόλυτος («полная»), но паника может быть и неоправданной (αδικαιολόγητο). Наряду с этим ей сопутствует сильный страх (έντονος φόβος), большая тревога (μεγάλο άγχος) или ужас (με τρόμο και πανικό), в единичных случаях — катастрофа (καταστροφή). Определения паники свидетельствуют,

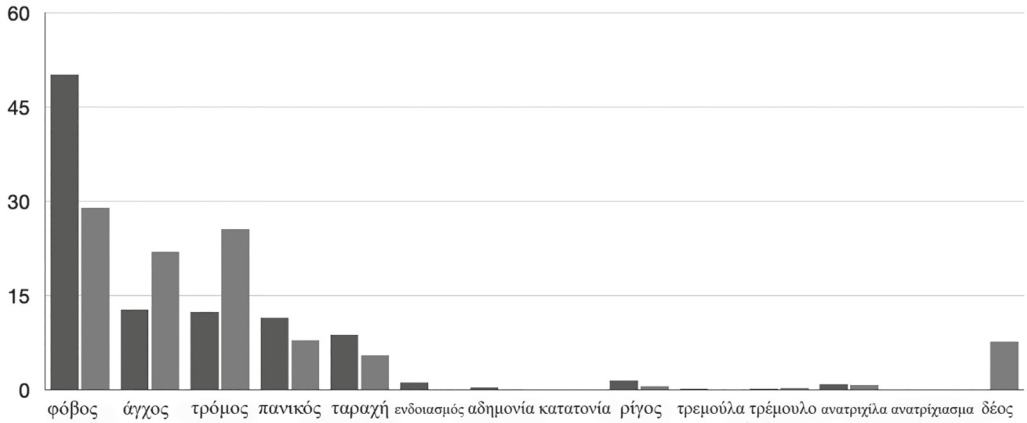

Рис. 1. Частотность употребления номинаций страха по данным корпуса греческого языка и поисковой системы (Google)

что это явление массовое, коллективное (μαζικός, συλλογικός). Частыми спутниками паники в текстах корпуса являются хаос (χάος) и беспорядки (οχλαγωγία). Происходит разграничение паники по сферам: τραπεζικός («банковская»), χρηματοπιστωτικός («финансовая»), τεχνολογικός («технологическая»), в частности ιντερνετικός («интернетная»), что очерчивает тенденцию перемещения паники в виртуальное пространство.

Паника олицетворяется, так же как и страх [Кожуховская 2024], приобретая характеристики буйного, неконтролируемого человека или существа (τον πανικό δεν κατεύνασε — *это не усмиряло панику*, να διώξει το αίσθημα πανικού — *прогнать чувство паники*), наиболее распространено в этом контексте сочетание с глаголом πιάνω («хватать»). Однако паника не просто живое существо, у нее есть своя воля (ο πανικός επέστρεψε στις αγορές — *паника вернулась на рынки*), она может выйти из-под контроля, воцариться, главенствовать (формы επικράτησε, επικρατούσε, κυριαρχεί), как, например в метафоре *паника — это правитель* (υπο το κράτος πανικού — *под властью паники*), где объектом выступает абстрактное явление или общность людей (например, еврозона). Однако фиксируется и искусственное культивирование паники (την τεχνητή καλλιέργεια πανικού), что уточняется в метафоре *паника — это растение*. В целом метафоризация паники (так же как тревоги и ужаса) широко представлена в медиатекстах (список основных когнитивных метафор приведен в табл. 3).

Лемма ταραχή также достаточно многочисленна (693), однако семы «смятение», «душевное потрясение» фиксируются преимущественно в художественной литературе. В текстах СМИ номинация употребляется, как правило, во множественном числе в значении «беспорядки», которым сопутствует страх, являющийся дальней семой. Один из индикаторов реализации семы «страх» — сочетание с соответствующим прилагательным (φοβερές ταραχές) или существительным φόβους ταραχών («страх беспорядков»).

Метафорическое употребление определяет беспорядки как неподдающееся контролю явление (ξέσπασαν ταραχές) или, наоборот, как процесс, которым можно манипулировать за счет его искусственного создания (δημιουργούν ταραχές).

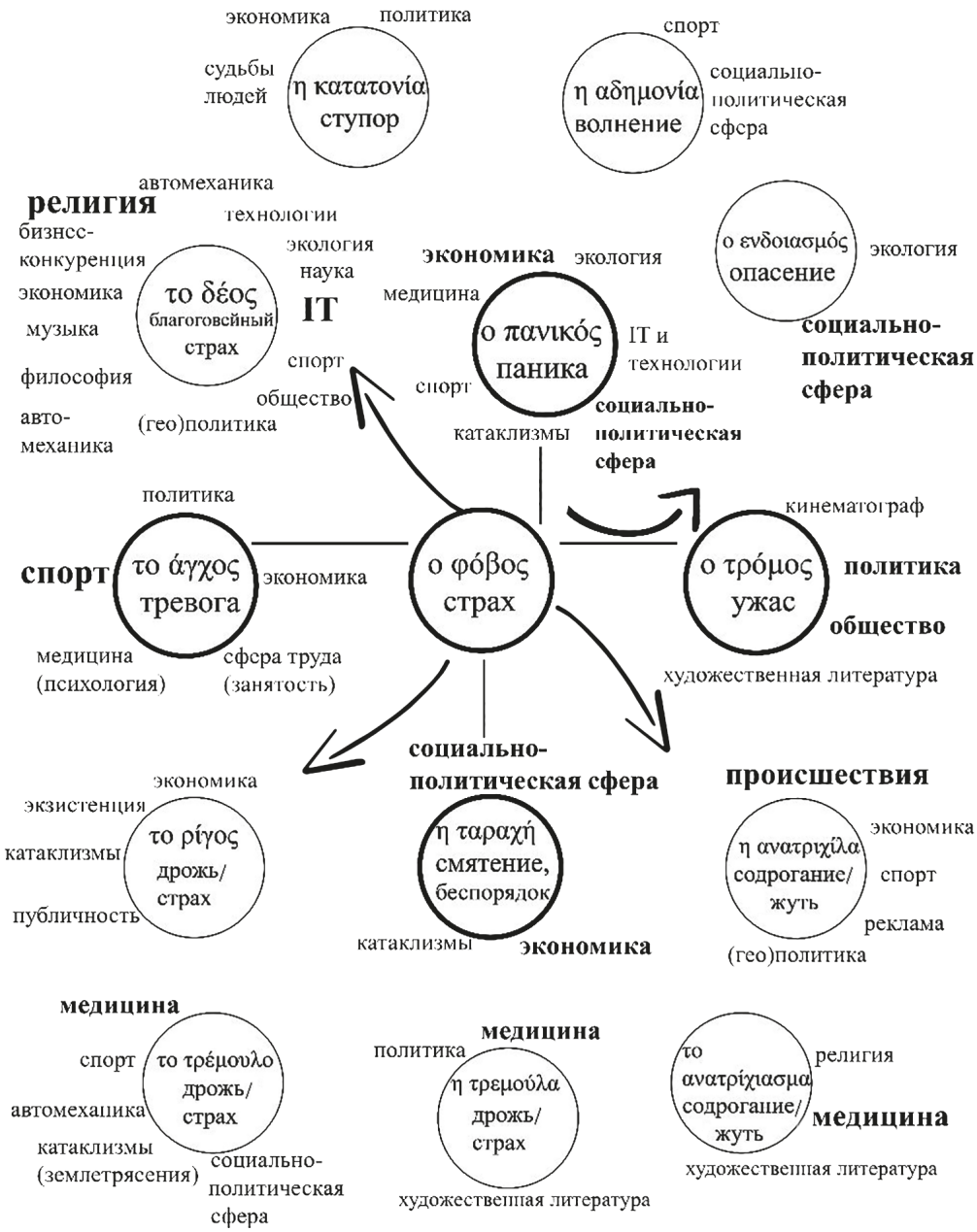

Рис. 2. Результаты контекстуального анализа для номинаций страха

Таблица 2. **Соотношение когнитивных метафор и структуры фреймов *тревога, дрожь/страх, смятение/беспорядок, содрогание/ужас, опасение***

Фрейм	Слот, который заполняет эмоция (дополнительные слоты)	Когнитивная метафора
το άγχος (тревога)		
ограниченная область	предмет	Тревога — это предмет, привнесенный в ограниченную область
	субъект	Тревога — это движение из ограниченной области
вместилище	содержимое (жидкость)	Тревога — это жидкость
погода	природные явления	Тревога — это стихия/ветер
соревнование	соперник	Тревога — это соперник
	награда	Тревога — это награда
власть	правитель	Тревога — это правитель. Связь: фрейм *движение по маршруту*
театральное представление	объект	Тревога — театральное представление
сопровождение	спутник	Тревога — это спутник
творение	объект	Тревога — это рукотворный объект
собственность	объект	Тревога — это собственность
восприятие	объект	Тревога — это видимый предмет
контроль	пациенс	Тревога — это контролируемая сущность
центр — периферия	субъект	Тревога — это движение к центру
вертикаль	субъект	Тревога — это продвижение к вершине
движение по траектории	препятствие	Тревога — это препятствие
	субъект (социальная общность), место назначение (победа), багаж	Тревога — это багаж
вождение	водитель	Тревога — это водитель
игра	игровая площадка	Тревога — это игровая площадка
терапия	субъект (музыка), болезнь	Тревога — это болезнь
το ρίγος (дрожь/страх)		
ограниченная область	предмет, субъект (выход из еврозоны)	Страх — это предмет, вносимый в ограниченную область. Связь: фрейм *нация*
поединок/борьба	противник	Дрожь от страха — это противник в поединке
жизненный цикл растения	семя, место (еврозона)	Страх — это засевание семян
создание объекта	субъект	Страх — это создание объекта

Фрейм	Слот, который заполняет эмоция (дополнительные слоты)	Когнитивная метафора
путешествие / движение по траектории	субъект	Страх — это путешественник
η ταραχή (смятение, беспорядок)		
ограниченная область	область	Беспорядки — это ограниченная область
борьба	противник	Беспорядки — это противник
власть	правитель	Смятение/беспорядки — это правитель
восприятие	объект	Беспорядки — это видимые предметы
движение по траектории	начало, путь, точка назначения	Беспорядки — это движение по траектории
создание объекта	субъект	Беспорядки — это создание объекта
эпидемия	объект	Беспорядки — это эпидемия
опасность	объект	Беспорядки — это опасные предметы
η ανατριχίλα (содрогание/жуть/ужас)		
ограниченная область	предмет	Ужас — это предмет, вносимый в ограниченную область
погода	природные явления	Ужас — это холод
действие	объект, субъект (предположение)	Ужас — это действие, вследствие предположения
картина	восприятие	Ужас — это восприятие картины
το ανατρίχιασμα		
свет/темнота	освещенность	Ужас — это темнота
το τρέμουλο (дрожь/страх)		
процесс поселения	субъект, место (абстрактное понятие), предпосылка (воспоминания)	Ужас — это поселяющийся субъект
ο ενδοιασμός (опасение)		
собственность	объект	Опасение — это предмет/собственность
движение по траектории	препятствие	Опасение — это препятствие

За пределами корпуса ταραχή нередко употребляется в контексте природных явлений (землетрясения).

Другие номинации малочисленны. Лемма ενδοιασμός насчитывает 96 вхождений, большинство из которых относятся к социополитическому контексту, в том числе в связи с опасениями по поводу окружающей среды. Опасения, как правило, кто-то выражает (εξέφρασαν / έχουν εκφράσει) или отражает (αποτυπώνει), однако распространены и отрицательные конструкции (χωρίς ενδοιασμούς και φόβο — *без*

Таблица 3. **Соотношение когнитивных метафор и структуры фреймов *ужас, паника, волнение, ступор/кататония***

Фрейм	Слот, который заполняет эмоция (дополнительные слоты)	Когнитивная метафора
ο τρόμος (ужас)		
ограниченная область	объект	Ужас — это предмет, положенный в ограниченную область
вместилище ресурсов	субъект	Ужас — субъект во вместилище ресурсов
погода	многолетний режим погоды	Ужас — это климат
поединок/борьба	противник	Ужас — это противник в поединке
власть	правитель	Ужас — это правитель
театральное представление	сцена	Ужас — театральное представление
жизненный цикл растения	семя (ужас), слот — *рост*	Ужас — это семя, Ужас — это растение
сопровождение	спутник	Ужас — это спутник
фильм	сценарий	Ужас — это сценарий фильма
создание картины	объект, холст (лицо)	Ужас — это картина
восприятие	объект	Ужас — это видимый предмет
ο πανικός (паника)		
ограниченная область	субъект	Паника — это субъект в ограниченной области. Паника — это субъект, покидающий ограниченную область
вместилище	вместилище	Паника — это вместилище
погода	многолетний режим погоды	Паника — это климат
	природные явления	Паника — это стихия/ветер
поединок/борьба	противник	Паника — это противник в поединке (с ножом). Паника — это буйное существо
власть	правитель, место (абстрактное понятие)	Паника — это правитель
театральное представление	сцена	Паника — театральное представление
жизненный цикл растения	семена	Паника — это семена. Паника — это растение
сопровождение	спутник	Паника — это спутник
фильм	жанр	Паника — это триллер. Паника — это хоррор
творение	объект	Паника — это рукотворный объект
совещание	советник	Паника — это советник

Фрейм	Слот, который заполняет эмоция (дополнительные слоты)	Когнитивная метафора
движение по траектории	субъект	Паника — это движущийся по траектории субъект
	объект	Паника — это движение
контакт	субъект, второй участник коммуникации (Греция)	Паника — это человек, идущий на контакт
путешествие	место (местность), субъект (правительство)	Паника — это место путешествия (местность)
болезнь	состояние	Паника — это болезнь
груз	вес	Паника — это груз
море	волна	Паника — это море. Паника — это морская волна
игра	объект, правила	Паника — это игра
вертикаль	субъект	Паника — это устремление вверх
хозяйственно-экономическая деятельность	объект	Паника — это товар
	субъект	Паника — это производитель
η αδημονία (волнение)		
вертикаль	субъект	Волнение — это продвижение к вершине / устремление вверх
η κατατονία (ступор, кататония)		
вместилище	вместилище	Ступор — это вместилище
движение по траектории	предстоящий отрезок пути	Ступор — это предстоящий отрезок пути
нация	состояние, субъект (государство)	Государство — это кататоник

опасений и страха). Во всех случаях ενδοιασμός предполагает более слабую интенсивность, чем страх, и употребляется в случаях, когда неприемлемо упоминание страха, как, например, отсутствие опасений, а не страха в контексте единства и национального понимания.

Лексема αδημονία лишь некоторыми значениями («тревога, волнение») связана со страхом. Источники включают медиатексты социополитического содержания, в которых значение «волнение» использовано по отношению к массам (στη Θεσσαλονίκη η αδημονία είχε κορυφωθεί — в *Салониках волнения достигли апогея*), однако номинация зафиксирована и в художественных текстах, в которых подразумевается душевное волнение. В целом в текстах СМИ преобладают значения, не связанные со страхом: «нетерпение», «рвение», «ажиотаж».

Несмотря на малочисленность результатов для номинации κατατονία («ступор, катанония»), слово ярко метафоризируется на основе семы *психическое расстройство*. Результаты вне корпуса демонстрируют высокую степень метафоризации кататонии в контексте экономической и социально-политической жизни

разных стран мира, включая ее олицетворение (η κατατονία έχει επανέλθει σε όλα τα στρατόπεδα — *кататония вернулась во все лагеря*).

Ряд номинаций отличает сема проявления страха на физическом уровне — *дрожь*. В корпусе новогреческого языка лемма τρεμούλα («дрожь/страх») имеет всего 12 вхождений (все только в художественной литературе). За пределами корпуса она в основном фиксируется в текстах медицинского характера (τρεμούλα στα χέρια — *тремор в руках*), реже олицетворяется политическая единица, которая характеризуется взволнованностью; дрожь может относиться и к абстрактному или массовому чувствующему субъекту (министерство, избиратели и т. д.).

Для леммы τρέμουλο в корпусе наблюдается большая социальная направленность реализации. Прямое значение непосредственно связано с переживаниями, например то τρέμουλο στη φωνή («дрожь в голосе») сопутствует воспоминаниям, в том числе коллективным, связанным со сложными историческими периодами (геноцид армян в Малой Азии, гражданская война в Греции 1946–1949 гг.), где превалирует сема *горечь*. Вне корпуса преобладает тремор в медицинском смысле. Выделены контексты неисправности автомобиля и сейсмическая активность. Переносное значение фиксируется редко, например τρέμουλο στη Ρεάλ — *дрожь в Реале*, когда персонифицируется футбольный клуб.

Лемма ρίγος («дрожь, лихорадка») более многочисленна, но, в отличие от номинаций τρεμούλα и τρέμουλο, не имея значения «страх» в словарях, ρίγος активно метафоризируется. В первую очередь метафоризация происходит за счет олицетворения стран, рынков, правительства или еврозоны. Вместе с тем дрожь испытывает и массовый субъект (например, население планеты). Из основных предпосылок можно выделить общественную огласку, банкротство (и прочие экономические факторы), землетрясения, а также экзистенциальные предпосылки.

В дополнении к семе физического проявления страха в лексемах ανατρίχιασμα и ανατριχίλα отмечена сема интенсивности, но отсутствует сема устойчивости. Первая из номинаций крайне малочисленна и в корпусе зафиксирована только в художественных текстах. За пределами корпуса лексема употребляется преимущественно в прямом значении в медицинских текстах. Среди причин содроганий выступают беспокойство, ностальгия, грусть, сострадание, прикосновение к прекрасному, где отсутствует сема страха. Она актуализируется за счет сочетаемости с φόβος и τρόμος (ένα ανατρίχιασμα φόβου — *содрогание от страха*).

Более многочисленной является номинация ανατριχίλα (68 вхождений), отмеченная в источниках как публицистического, так и художественного характера; преобладает и фиксируемость компонента «страх» в составе ее семантики. Исходя из контекстов употребления, это интенсивная эмоция, реализующаяся в текстах в значении «жуть». Так, самая сильная степень страха сравнивается с дрожью, предвещающей смерть. Более того, лексема используется в заголовках как средство привлечения внимания адресата: совместно с номинацией гнева — ανατριχίλα και οργή и шока — σοκ και ανατριχίλα. Наиболее частотная конструкция προκαλεί ανατριχίλα — *вызывает мурашки* реализуется в контексте состояния экономики, геополитики, пересмотра политических взглядов, спорта, рекламы (например, школы вождения мотоциклов).

Для леммы δέος («благоговейный страх») в корпусе примеры отсутствуют. Тем не менее в интернет-дискурсе прослеживается многообразие контекстов словоупо-

требления. Кроме религиозного контекста, слово встречается, например, в текстах философско-экзистенциального (δέος για τη ζωή — *трепет перед жизнью*), научно-популярного (επιστημονικό δέος — в журнальной статье о новых данных о строении черепа морского тираннозавра) и спортивного характера. Высокой частотностью отличается фразеологизм αντίπαλον δέος — *страх перед противником*. Вместе с тем реализуется и значение, не связанное со страхом, например трепет в сфере музыки. Номинация δέος также функционирует как часть речевого воздействия в СМИ. В заголовки публикаций часто вынесены сочетания σοκ και δέος («шок и трепет») и έκπληξη και δέος («удивление и трепет»), особенно в сферах экономики, политики, здравоохранения, ИИ.

Результаты выделения когнитивных метафор для каждой из номинаций страха, их соотношение со структурой фреймов представлены в табл. 2, 3.

Результаты исследования

Результаты компонентного, корпусного, контекстуального, частотного и фреймового анализа позволили построить ядерно-периферийную структуру номинативного поля концепта СТРАХ в новогреческом языке. Значение во многом моделируется контекстом, и корпус выступает средством уточнения сем. Так, тревога в медицинском, экономическом и спортивном контекстах несет разную смысловую нагрузку.

В ядре исходя из высокой численности и степени метафоризации выделены ο φόβος («страх»), το άγχος («тревога») и лексемы, передающие высокую интенсивность страха, — ο τρόμος («ужас») и ο πανικός («паника»). В приядерную зону входят το δέος («благоговейный страх») и η ταραχή («душевное потрясение», но и «беспорядок»), которые находятся дальше от ядра и имеют менее высокую частотность употребления по сравнению с ядром концепта. К периферии относятся η αδημονία («волнение»), ο ενδοιασμός («опасение» — самая слабая по интенсивности форма, когда неприемлемо употребление ο φόβος), η κατατονία («ступор») и номинации различных типов дрожи, для которых вторым значением выступают «боязнь», «страх» или «ужас»: το ρίγος, το τρέμουλο, η τρεμούλα, η ανατριχίλα, το ανατρίχιασμα. Функционирование номинаций дрожи значительно различается по выделенным дискурсам. Для το τρέμουλο, η τρεμούλα (второе менее распространено) превалирует медицинский контекст, в то время как το ρίγος, не имея значения «страх» в словарях, фиксируется в экономике и ряде других сфер по отношению к абстрактным понятиям. *Содрогание от ужаса* наиболее часто реализуется в номинации η ανατριχίλα, среди контекстов по численности выделяются происшествия в одной из социальных групп и в других дискурсах, а номинация το ανατρίχιασμα малочисленна и в первую очередь отмечена в медицинском контексте.

К этноспецифическому типу страха можно отнести лексему το δέος. Несмотря на слабовыраженные процессы метафоризации, номинация фиксируется в сильных позициях текстов, таких как заголовки, отличается совместным употреблением с многочисленными словами-спутниками и представленностью в большом числе дискурсов. Такую роль обусловливает смежность с религиозным дискурсом, который занимает первостепенное значение в греческой лингвокультуре, что в итоге определяет отношение ко всему спектру жизненных явлений и концептуализацию мира греческим лингвосознанием с благоговейным трепетом.

Реализация когнитивных метафор, в которых область-цель содержит понятия, сигнифицирующие страх, концентрируется вокруг определенных концептуальных кластеров. При этом из рассматриваемых областей-целей одной из наиболее подверженных процессам метафоризации является паника. Так, для паники в медиатекстах характерна высокая степень проявленности пространственных метафор, для которых перенос значения основывается на идее движения и путешествия. Путь обретает комплексную реализацию, а в основе его структуры находятся компоненты, такие как субъект путешествия или путешественник: *паника — это движущийся по траектории субъект* (πανικό που ακολούθησε στις… — *паника, которая последовала в…*, ο πανικός επέστρεψε στις αγορές — *паника вернулась на рынки*); компонент пути: *паника — это путь* (έχει επιλέξει το δρόμο του πανικού — *выбрал путь паники*); компонент места: *паника — это место путешествия* или *местность* (σε κατάσταση πανικού έχουν περιέλθει πλέον κυβέρνηση και οικονομικό επιτελείο — *в состоянии паники сейчас находятся правительство и финансовый персонал*, где этимология глагола περιέρχομαι — *доходить* восходит к έρχομαι — *идти*) и другие компоненты.

Метафорическая реализация паники актуализирует не только горизонтальную, но и вертикальную траекторию движения в контексте текстов СМИ со значением усиления, увеличения. Метафора *паника — это устремление вверх* или *паника — это скалолаз* происходит из первичного значения глагола κλιμακωθεί — *взбираться*, например, на гору: είχε κλιμακωθεί ο πανικός στις αγορές — *паника на рынках усилилась* (букв. «взобралась, вскарабкалась»).

Идея пространства тесно связана с границами, когда социальные явления заключаются в определенные пределы, что на уровне когнитивной метафоры реализуется, с одной стороны, в области-источнике *вместилище* (σε πανικό βρίσκονται — *они находятся в панике*), с другой — как *предмет во вместилище* (ο πανικός στο κομματικό — *паника в партии*). Символика границы актуализируется и в смежной области-источнике *ограниченное пространство*: *паника — это комната* или *ограниченное пространство со стенами* (άγγιζε τα όρια του πανικού — *коснулся границ паники*).

Наравне с идеей пути к наиболее частотным в медиатекстах относится олицетворение паники, при этом реализуются не только распространенные в других языках метафоры (например, *паника — это человек, идущий на тактильный контакт*: ο πανικός άγγιξε και την Ελλάδα — *паника коснулась и Греции*), но и не относящиеся к частотным, такие как *паника — это садовник*: ο πανικός έκοψε μαχαίρι τα επιτόκια — *паника снизила процентные ставки* (букв. «срезала ножом»).

На фоне активной роли паники как агенса когнитивный признак «неподконтрольности» паники, отражающий характер социальных феноменов, находит выражение в метафоризации явлений природы и природных стихий, реализуемых в областях-источниках: *семена* (σπέρνουν τον πανικό — *они сеют панику*), *климат* (κλίμα πανικού — *атмосфера: «климат» паники*), *ветер*, *буря* (ο πανικός καταλάγιασε — *паника утихла*), *море* или *морская волна* (κύμα πανικού — *волна паники*).

Вместе с тем фиксируется амбивалентность отдельных тематических групп, как, например, группа «творение» или производимый человеком продукт, когда паника выступает как *рукотворным объектом* (πανικός δημιουργήθηκε — *паника была создана*), так и *творцом* или *производителем*: *паника — это производитель* (είναι προϊόν πανικού — *продукт паники*). В области-источнике в рамках этого кон-

цептуального кластера может находиться *театральное представление* (οι σκηνές πανικού — *сцены паники*), кинематографические жанры: *триллер* (δημιουργούν θρίλερ πανικού — *создают триллер паники*), *хоррор* (σκηνικό τρόμου και πανικού — *сцена ужаса и паники*).

Аксиологическая оценка области-источника в первую очередь предполагает негативную коннотацию и выражается как в форме состояний: συμπτώματα πανικού — *симптомы паники* (*паника — это болезнь*), — так и в форме материальных предметов: το βάρος του πανικού — *вес паники* (*паника — это груз* или *тяжелый предмет*).

Выводы

В целом в медиатекстах ярко реализована концептуализация страха, однако неоспорима и обусловленность реализации определенной части речи в зависимости от жанра. Корпусное изучение прилагательных, выражающих страх (на материале английского языка) показало, что они практически отсутствуют в научных текстах, слабо выражены в публицистике и преобладают в художественной литературе [Sayyed, Al-Khanji 2019: 132–133] за счет своей экспрессивной функции. Наше исследование существительных в новогреческом корпусе свидетельствует о широкой представленности номинаций страха и высокой частотности отдельных из них в публицистических текстах. Более того, в медиатекстах зафиксированы активные процессы метафоризации страха.

Анализ текстов корпуса показал реализацию метафорического содержимого слотов. Иными словами, фигуральное употребление моделируется структурой метафорических фреймов, что реализуется в случаях, когда слот заполнен абстрактным понятием или его содержание в прямом значении относится к другому слоту или фрейму. Степень метафоризации зависит от числа слотов, в которых наблюдается перенос значения. Так, когнитивная метафора *тревога — это багаж* (με λιγότερο άγχος έφτασε στη νίκη η Μίλαν — *с меньшей тревогой добрался до победы Милан*) относится к фрейму *путешествие*, где слот *субъект* заполнен футбольным клубом (непредметное понятие — социальная единица), *место назначения* — победой, а *багаж* — тревогой. Что касается соответствия структуры метафоры и фрейма, области-цели когнитивных метафор соответствует определяемая эмоция, а область-источник относится к одному из элементов структуры фрейма. Выделены несколько типов формирования области-источника когнитивной метафоры. Часто она следует из названия слота, который занимает номинация страха (*опасение — это препятствие*: фрейм *движение по траектории*) или сочетание слота и фрейма (*ужас — это восприятие картины*: фрейм *картина*, слот *восприятие*). Однако если реализуется слот состояния, объекта или субъекта, область-источник может именоваться названием фрейма (*паника — это болезнь*: фрейм *болезнь*, слот *состояние*) или содержать его название, которое варьируется в зависимости от реализации других слотов фрейма: *тревога — это движение из ограниченной области* и *тревога — это предмет, привнесенный в ограниченную область* (фрейм *ограниченная область*, слот *объект*). И наконец, вариация метафор фиксируется в пределах одного слота в зависимости от его заполнения: *паника — это триллер* и *паника — это хоррор* (фрейм *фильм*, слот *жанр*).

Таким образом, несмотря на совпадение фреймов для разных номинаций страха, их содержание дифференцируется за счет различной реализации слотов и их заполнения, вследствие этого различается список метафор. Так, фрейм *погода* свойственен для ужаса, паники, тревоги и содрогания от ужаса (η ανατριχίλα): метафоры *ужас* (ο τρόμος) / *паника — это климат*, *тревога / паника — это стихия (ветер)*, *ужас* (η ανατριχίλα) — *это холод*. При этом все они исходят из физического опыта или наблюдений: содрогание от ужаса связано с ощущением холода, а паника — это состояние, поэтому область-источник отражает устойчивость признаков погодных явлений, т. е. климат. Кроме того, реализация метафор моделируется контекстуальной обусловленностью: для тревоги, превалирующей в спортивном дискурсе, подобно стихии (ветру) естественно сгибать игрока во время матча.

С точки зрения фреймового анализа контекст или тип дискурса обусловливает реализацию слота *тема*, который может определять характер метафорического фрейма. В случае с тревогой в текстах спортивных СМИ установлен фрейм *соревнование*, где тревога выступает соперником (вне контекста значения лексемы αντίπαλος — *противник, оппонент* могут относиться к нескольким фреймам). Однако фрейм не всегда задается темой, как в случае с приведенной выше метафорой *тревога — это багаж*, для которой фрейм *путешествие* происходит от глагола движения (вне контекста вероятнее реализация более обобщенной области-источника *собственность* со слотом *ноша*).

Типология метафоризации эмоциональных концептов на материале других языков обобщена в виде областей-источников: 1) что-то внутри тела; 2) сила (например, противник); 3) болезнь/безумие; 4) объект; 5) место, вместилище [Oster 2010], которые также прослеживаются в греческом языке. В проанализированных медиатекстах наиболее частотны фреймы для разных номинаций страха, на основе которых моделируются когнитивные метафоры: *ограниченная область*, *вместилище*, *поединок/борьба*, *власть* и *погода*. При этом общее число выделенных фреймов значительно выше.

Если страх как базовая эмоция в первую очередь концептуализируется исходя из физического опыта, хоть и не ограничивается им [Кожуховская 2024], то для более сложных эмоций и состояний, содержащих сему *страх*, преимущественно фиксируются социальные предпосылки процессов метафоризации. При этом первый тип также представлен. Например, область-источник *противник*, которую можно соотнести с этимоном *удар*, выделенным для отдельных номинаций страха, актуализируется для ужаса, паники, тревоги и дрожи от страха. На последующей стадии социальной концептуализации в текстах СМИ реализуется область-источник *театральное представление* (для тревоги, ужаса и паники; общеизвестна театральность как характерная черта ряда дискурсов, среди которых политический), а область-источник *производитель* и *товар* (для паники) — результат метафорического осмысления хозяйственно-экономической деятельности человека. Последний тип метафор фиксируется и в других языках. Так, выделенная в немецкой лингвокультуре метафора *страх — это собственность* [Oster 2012: 346] также ярко проявляется в корпусе новогреческого языка.

В целом панике, ужасу, тревоге, беспорядкам свойственно воцаряться в социальной общности людей (область-источник *правитель*). Однако наиболее рас-

пространена (для всей совокупности проанализированных номинаций) обратная ситуация, когда социальная единица заполняет слот *чувствующий субъект*, *способный испытывать страх*, и социальная структура, в том числе государство, уподобляются не просто живому организму, а человеку, так как в формировании метафоры участвуют эмоции и состояния, неприсущие представителям животного мира. Когнитивная метафора *социальная единица / государство — это человек, испытывающий страх* — одна из ярких характеристик текстов СМИ греческого коммуникативного ареала, прежде всего она характерна для физических состояний, среди которых все номинации дрожи и ступор.

Другая группа метафор отражает этноспецифику в концептуализации страха, среди таких метафор *паника — это место путешествия* и *паника — это море* на фоне реализации в медиатекстах образа корабля-государства, одного из наиболее значимых для греческой лингвокультуры.

Литература

Аминова, Ф. Ш. (2020). Лексикографический анализ концепта «страх» в английском языке. *Известия Академии наук Республики Таджикистан*, *2* (259), 121–128.

Архангельский, Т. А., Кисилиер, М. Л. (2018). Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, *XXII* (1), 50–59.

Берестнев, Г. И. (2019). Семиотика страха: смерть, игра, черный юмор. *Человек*, *30* (1), 154–172.

Бугакова, Н. В. (2018). Лексические средства репрезентации эмоционального концепта «страх (peur)» во французском языке. *Известия ВГПУ*, *1* (278), 131–135.

Голованивская, М. К. (2009). *Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских*. М.: Языки славянских культур.

Иоаннидис, А. А. (1983). *Русско-новогреческий словарь*. М.: Русский язык.

Кожуховская, Ю. В. (2024). Базовый концепт СТРАХ в новогреческом языке: аспект метафоризации физических состояний. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, *46* (1), 53–58.

Куликова, В. А. (2024). Медиатизация когнитивных терминов: корпусное исследование. *Медиалингвистика*, *11* (2), 162–180.

Кушнерук, С. Л. (2022). Фреймирование предвыборной политической ситуации в дискурсе телеграм-канала. *Медиалингвистика*, *9* (3), 220–236.

Семынина, О. А. (2013). Когнитивные стратегии воздействия в медиадискурсе. *Вестник Оренбургского государственного университета*, *11* (160), 67–71.

Хориков, И. П., Малев, М. Г. (1993). *Новогреческо-русский словарь*. М.: Культура и традиции.

Шафиков, С. Г., Варуха, И. В. (2012). Семантическая структура предикатов страха в английском, русском и французском языках. *Вестник Челябинского государственного университета*, *13* (267), 147–151.

Coveney, C. M., Nerlich, B., Martin, P. (2009). Modafinil in the media: Metaphors, medicalisation and the body. *Social Science & Medicine*, *68*, 487–495.

Deignan, A. (2005). *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.

Kheovichai, B. (2005). Metaphorical scenarios in business science discourse. *Ibérica*, *29* (2), 155–178.

Kövecses, Z. (2015). How does context produce metaphors? A contextualist view of conceptual metaphor theory. In J. Daems, E. Zenner, K. Heylen, D. Speelman, H. Cuyckens (Eds), *Change of Paradigms — New Paradoxes* (pp. 109–116). Berlin; München; Boston: Mouton de Gruyter.

Kövecses, Z. (2020). Emotion concepts in a new light. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, *Special issue*, 42–54.

Kövecses, Z. (2022). Some recent issues in conceptual metaphor theory. In M. Prandi, M. Rossi (Eds), *Researching Metaphors. Towards a Comprehensive Account* (pp. 29–41). New York: Routledge.

Langacker, R. W. (2006). Cognitive Grammar. In D. Geeraerts (Ed.), *Cognitive Linguistics: Basic Readings* (pp. 29–68). Berlin: Mouton de Gruyter.

Oster, U. (2010). Using corpus methodology for semantic and pragmatic analyses: What can corpora tell us about the linguistic expression of emotions? *Cognitive Linguistics*, *21*, 727–763. https://doi.org/10.1515/cogl.2010.023
Oster U. (2012). "Angst" and "fear" in contrast: A corpus-based analysis of emotion concepts. In M. Brdar, I. Raffaell, M. Žic Fuchs (Eds), *Cognitive Linguistics between Universality and Variation* (pp. 327–355). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Press.
Sayyed, S. W., Al-Khanji, R. R. (2019). A Corpus-Based Analysis of Eight English Synonymous Adjectives of Fear. *International Journal of Linguistics*, *11* (1), 111–138. https://doi.org/10.5296/ijl.v11i1.14297
Stefanowitsch, A., Gries, S. (2006). *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
Μπαμπινιώτης, Γ. Δ. (2002). *Λεξικό της νέας ελληνικής γλωσσάς: Με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων*. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας [Бабиниотис, Г. (2002). Словарь современного греческого языка с комментариями по правильному словоупотреблению. Афины: Kentro Lexikologias].

Статья поступила в редакцию 5 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 18 ноября 2024 г.

Контактная информация:

Кожуховская Юлия Витальевна — канд. филол. наук, доц., ст. преп.;
https://orcid.org/0000-0002-6057-5821, jv-k@mail.ru
Бурдыко Софья Сергеевна — лаборант-исследователь;
https://orcid.org/0009-0004-6091-1751, sophia35burdyko@gmail.com

Corpus analysis in determining the structure of metaphorical frames: A case study of nominations of fear in Modern Greek media texts*

Yu. V. Kozhukhovskaya[1,2], *S. S. Burdyko*[1]

[1] V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
4, pr. Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russian Federation
[2] Taurida Theological Seminary,
3/11, ul. Drevnyaya, Sevastopol, 299045, Russian Federation

For citation: Kozhukhovskaya Yu. V., Burdyko S. S. (2025). Corpus analysis in determining the structure of metaphorical frames: A case study of nominations of fear in Modern Greek media texts. *Media Linguistics*, *12* (1), 22–42. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.102 (In Russian)

The article focuses on the study of realization of nominations of fear — one of the most pronounced emotions in media texts, and their metaphorization, that reflect interrelation between linguistic consciousness and sociocultural processes. The corpus analysis enables to specify lexical meaning in the context and to set the features of figurative word usage that are at the core of linguoculture under study. The first stage of the research included the selection of nominations that contain the seme of fear, the analysis of dictionary definitions, including component analysis. Following that the results were assessed from the perspective of their usage in the texts; the material was the Corpus of Modern Greek (media texts). The results demonstrate the central (ο φόβος, το άγχος, ο τρόμος and ο πανικός), semi-peripheral and peripheral zones of the nominative field of fear, as well as ethnospecific type of fear (το δέος) that dominates in Modern Greek linguistic culture. Frame analysis contributed to structure

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-78-01227, https://rscf.ru/project/23-78-01227/, "The linguocognitive aspect of the issue of ethnic and national identity (based on the material of the Modern Greek language)" at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

of cognitive metaphors, the source domains of which contain one of the nominations of fear. The study sets several types of target domain. Most commonly it follows from the name of the slot that is occupied by the fear nomination, including combination of slot and frame names (*Horror is the perception of a picture*: frame *picture*, slot *perception*). However, the target domains may vary for different emotions and states of fear (or for the same emotion), depending on the different content of the same slot (*Panic is a thriller* and *Panic is a horror*-movie: frame *film*, slot *genre*). The third option with the target domain entitled with the name of the frame is possible in cases, when fear fills the slots of subject, object or state (*Panic is a disease*: frame *disease*, slot *state*).

Keywords: frame, cognitive metaphor, corpus, fear, Modern Greek.

References

Aminova, F. Sh. (2020). Lexicographic analysis of the concept "Fear" in English language. *Izvestiia Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan*, *2* (259), 121–128. (In Russian)

Arkhangel'skii, T. A., Kisilier, M. L. (2018). Greek language corpora: achievements, aims and objectives. *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, *XXII* (1), 50–59. (In Russian)

Babiniotis, G. (2002). *Dictionary of Modern Greek with comments on the correct word usage*. Athens: Kentro Lexikologias. (In Modern Greek)

Berestnev, G. I. (2019). The semiotics of fear: death, play, black humour. *Chelovek*, *30* (1), 154–172. (In Russian)

Bugakova, N. V. (2018). Lexical means of representing the emotional concept "fear (peur)" in French. *Izvestiia VGPU*, *1* (278), 131–135. (In Russian)

Coveney, C. M., Nerlich, B., Martin, P. (2009). Modafinil in the media: Metaphors, medicalisation and the body. *Social Science & Medicine*, *68*, 487–495.

Deignan, A. (2005). *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing.

Golovanivskaia, M. K. (2009). *Mentality in the mirror of language. Some basic world-view concepts of the French and Russians*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian)

Ioannidis, A. A. (1983). *Russian-Modern Greek dictionary*. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)

Kheovichai, B. (2005). Metaphorical scenarios in business science discourse. *Ibérica*, *29* (2), 155–178.

Khorikov, I. P., Malev, M. G. (1993). *Modern Greek — Russian vocabulary*. Moscow: Kul'tura i traditsii Publ. (In Russian)

Kövecses, Z. (2015). How does context produce metaphors? A contextualist view of conceptual metaphor theory. In J. Daems, E. Zenner, K. Heylen, D. Speelman, H. Cuyckens (Eds), *Change of Paradigms — New Paradoxes* (pp. 109–116). Berlin; München; Boston: Mouton de Gruyter.

Kövecses, Z. (2020). Emotion concepts in a new light. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, *Special issue*, 42–54.

Kövecses, Z. (2022). Some recent issues in conceptual metaphor theory. In M. Prandi, M. Rossi (Eds), *Researching Metaphors. Towards a Comprehensive Account* (pp. 29–41). New York: Routledge.

Kozhukhovskaya, Y. V. (2024). The basic concept of FEAR in Modern Greek language: aspect of metaphorization of physical states. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, *46* (1), 53–58. (In Russian)

Kulikova V. A. (2024). Mediatization of cognitive terms: A corpus study. *Media Linguistics*, *11* (2), 162–180. (In Russian)

Kushneruk S. L. (2022). Framing of pre-election political situation in the Telegram channel discourse. *Media Linguistics*, *9* (3), 220–236. (In Russian)

Langacker, R. W. (2006). Cognitive Grammar. In D. Geeraerts (Ed.), *Cognitive Linguistics: Basic Readings* (pp. 29–68). Berlin: Mouton de Gruyter.

Oster, U. (2010). Using corpus methodology for semantic and pragmatic analyses: What can corpora tell us about the linguistic expression of emotions? *Cognitive Linguistics*, *21*, 727–763.

Oster, U. (2012). "Angst" and "fear" in contrast: A corpus-based analysis of emotion concepts. In M. Brdar, I. Raffaell, M. Žic Fuchs (Eds), *Cognitive Linguistics between Universality and Variation* (pp. 327–355). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Press.

Sayyed, S. W., Al-Khanji, R. R. (2019). A Corpus-Based Analysis of Eight English Synonymous Adjectives of Fear. *International Journal of Linguistics*, *11* (1), 111–138.
Semynina O. A. (2013). Cognitive effect strategies in media discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, *11* (160), 67–71. (In Russian)
Shafikov, S. G., Varukha, I. V. (2012). Semantic structure of fear predicates in English, Russian and French languages. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, *13* (267), 147–151. (In Russian)
Stefanowitsch, A., Gries, S. (2006). *Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Received: March 5, 2024
Accepted: November 18, 2024

Authors' information:

Yulia V. Kozhukhovskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Senior Lecturer; https://orcid.org/0000-0002-6057-5821, jv-k@mail.ru
Sophia S. Burdyko — Research Assistant; https://orcid.org/0009-0004-6091-1751, sophia35burdyko@gmail.com

СТИЛИСТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 81.42

Метафорический код языка военкоров в Telegram: расшифровка смысловых символов

П. В. Горбань

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Горбань П. В. (2025). Метафорический код языка военкоров в Telegram: расшифровка смысловых символов. *Медиалингвистика*, *12* (1), 43–58.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.103

Главная цель статьи — определить основные тематические категории и смысловые символы, используемые военкорами для передачи информации о СВО на Украине и политических процессах вокруг конфликта. Актуальность исследования заключается в необходимости понимания и анализа метафорического кода, являющегося одним из ключевых элементов коммуникации военкоров с аудиторией и способного оказывать существенное влияние на восприятие вооруженных конфликтов. Проблематика статьи выражается в сложности расшифровки и понимания метафорического кода, особенно для непрофессионалов в области языкознания. Проведено исследование публикаций трех российских военных корреспондентов за период с февраля 2022 по январь 2023 г. Среди общего массива публикаций отобраны те, в которых авторская позиция прослеживается наиболее отчетливо. Представлена расшифровка наиболее ярких метафор из проанализированных текстов. Основным методом исследования выбран контент-анализ, дополненный содержательным анализом публикаций. На основании результатов исследования автор приходит к выводу о наличии нескольких основных тематических категорий, используемых военкорами в своих публикациях: военные действия и конфликты; политические соглашения и договоры; патриотизм и национальная идентичность; измена и обман; потенциал и перспективы развития; ресурсные и экономические вопросы. Основные цели использования метафор — создание эмоционального отклика; формирование сочувствия к жертвам и участникам боевых действий; усиление воздействующей функции и запоминаемости информации; предупреждение о возможных последствиях конфликта и мобилизация аудитории на активные действия; формирование негативного образа противника.

Ключевые слова: военкоры, средства выразительности, метафора, Telegram, СВО.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Постановка проблемы

Язык и его стилистика приобретают новые смыслы в современном информационном обществе, где новые медиа выступают в роли неотъемлемой части повседневной жизни аудиторий. В то время как официальные СМИ сдерживают возможности журналистов посредством форматов или лимитов эфирного времени, новые медиа открывают новое пространство для взаимодействия журналистов с аудиторией. Метафоры — один из излюбленных приемов корреспондентов, позволяющий не только донести сложную информацию понятным эмоциональным языком, но и выделиться на общем информационном фоне и установить личностную связь с аудиторией.

Актуальность исследования метафорического кода языка военкоров в Telegram связана с тем, что данный вид коммуникации — новое и малоизученное явление. Анализ используемых метафорических символов и их последующая расшифровка помогут специалистам в области лингвистики и филологии лучше понять специфику языка новых медиа и его основные особенности.

Цель исследования — выявить основные метафорические конструкции, используемые военкорами в авторских Telegram-каналах, и расшифровать их возможное смысловое значение. Для достижения поставленной цели автор стремится решить следующие задачи:

1) изучить основные теоретические аспекты метафоры и ее роль в коммуникации;

2) проанализировать символы и смыслы, закодированные в языке военкоров в публикациях в авторских Telegram-каналах;

3) выявить основные цели использования метафор при освещении вооруженного конфликта.

История вопроса

Степень научной разработанности проблемы. На сегодняшний день в научном сообществе представлен ряд исследований, посвященных отношению населения России и союзных государств к проведению СВО на Украине, исторических параллелях между СВО на Украине и Первой и Второй мировыми войнами, геополитическим и дипломатическим изменениям на мировой арене. Гораздо реже встречаются лингвистические исследования по данной тематике, что свидетельствует о недостаточной проработанности проблемы в рамках актуального вооруженного конфликта. Среди исследований можно выделить тематику информационных войн и противодействия новой холодной войне. Эти исследования не относятся к разделам лингвистики и филологии и не проводят детального анализа деятельности профессиональных журналистов в новых медиа и информационном пространстве, а принадлежат к другим наукам (преимущественно истории и политологии) и исследуют механизмы, тактики и стратегии ведения информационных войн. Несмотря на очевидную значимость, научные исследования, посвященные анализу метафор в авторских Telegram-каналах военкоров, остаются недостаточно разработанными.

Новизна исследования. Исследование направлено на анализ специфического контекста — публикаций российских военкоров в Telegram в период действующе-

го вооруженного конфликта. Уделяется особое внимание использованию журналистами средств выразительности, в частности метафор — мощного инструмента коммуникации, позволяющего посредством образов и ассоциаций передать аудитории содержательно сложные и эмоционально концентрированные смыслы. Исследование учитывает социокультурный контекст, что дает представление о том, какие образы наиболее значимы для аудитории с точки зрения журналистов и могут влиять на повестку дня и общее восприятие конфликта. Методы анализа и интерпретации текстов могут быть применимы не только в контексте спецоперации на Украине, но и в других конфликтных ситуациях.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под метафорой понимается «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Ярцева 1990: 296]. Специалист в сфере медиакоммуникаций Л. В. Балахонская определяет метафору как «употребление слова в переносном значении на основе сходства двух предметов или явлений (по форме, цвету, функции и т. п.)» [Балахонская, Сергеева 2019: 19]. По мнению автора, удачная метафора усиливает речевое воздействие и активизирует восприятие. Филолог Г. Г. Хазагеров определяет метафору как «троп сходства» [Хазагеров 2024: 51], полагая, что «в школьном толковании метафоры мало что изменилось по сравнению с ее классическим пониманием. Все изменения связаны с трактовкой второго плана метафоры» [Хазагеров 2024: 72].

Известный исследователь Н. Д. Бессарабова внесла огромный вклад в изучение лингвистики, в частности метафор в журналистике и политическом дискурсе [Бессарабова 1985]. Ученый утверждает, что метафоры в этих сферах часто используются как средство манипуляции общественным мнением. Они помогают формировать определенные ассоциации и эмоциональные реакции у аудитории. Н. Д. Бессарабова подчеркивает важность концептуальных метафор, структурирующих наше мышление и восприятие мира. В политическом дискурсе такие метафоры могут создавать рамки для интерпретации событий и явлений. Особое внимание автор обращает на то, что метафоры несут идеологическую нагрузку и могут способствовать укреплению или подрыву определенных идеологических позиций [Бессарабова 2015].

Для понимания функциональных особенностей метафоры важна работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004], в которой отмечается возрастание роли метафоры в политическом дискурсе в ситуациях кризиса. Э. В. Будаев поддерживает мысль исследователей и говорит, что «в современных политических условиях сложился своего рода интердискурс, поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы» [Будаев 2008: 91]. Подробно мысли относительно политической метафорологии автор раскрывает в монографии «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов 2006], предпринимая попытку обобщить и классифицировать современные исследования в области политической метафоры. Основные теоретические концепции метафоры могут быть найдены в сборнике под редакцией Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской, которые отмечают, что «создавая образ и апеллируя к во-

ображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом» [Арутюнова, Журинская 1990: 10].

Лингвист М. Н. Кожина трактует метафору как «слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства. Однако при этом обычно различают метафоры общеязыкового характера (стертые или окаменелые), метафоры, сохраняющие "свежесть", и метафоры собственно поэтические, которые отличаются индивидуальным характером» [Кожина 2006: 458]. Исследователь убеждена, что процесс создания неповторимой метафоры требует наличия образности восприятия мира и особого таланта. Троп имеет неодинаковую функциональную активность в разных сферах общения. «При этом "точкой отсчета" является лексика нейтральная, т. е. лишенная экспрессивной окраски. Нейтральная лексика служит фоном, на котором проявляется экспрессивно-эмоциональная характеристика книжных и разговорных слов» [Кожина 2006: 457].

Лингвист А. П. Сковородников понимает метафору как «способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии» [Иванов, Сковородников, Ширяев 2003: 324]. «Метафора широко распространена во всех стилях и жанрах речи, которые призваны воздействовать на эмоции адресата — ораторском, политическом, публицистическом и других дискурсах» [Иванов, Сковородников, Ширяев 2003: 326].

Многочисленные исследования современного медиапространства свидетельствуют об особой метафоричности, свойственной аналитической публицистике. Оценочный смысл подобранной для комментариев и публикаций лексики свидетельствует об использовании специфической авторской «призмы», применяемой для выражения собственного мнения по интерпретации фактов, событий и мнений. Метафора выступает одним из наиболее экспрессивных тропов, поскольку позволяет автору сравнивать абсолютно различные предметы, свойства и явления, давая возможность отразить собственную картину мира. По мнению исследователя С. В. Ляпун, «востребованность метафоры в аналитических жанрах во многом обусловлена тем, что эти языковые единицы не только реализуют стратегию убеждения, но и участвуют в создании необходимого перлокутивного эффекта, нередко сопряженного с манипулятивным воздействием» [Ляпун 2021: 240].

Филолог А. Д. Васильев, исследуя манипулятивное использование слов в текстах российских СМИ, анализирует цели и средства словесных игр [Васильев 2013]. Первичной функцией языка автор определяет воздействующую, считая, что она охватывает всех носителей данного языка, вне зависимости от их желания. Л. В. Балахонская также отводит особое место манипулятивному эффекту речевого воздействия, определяя его как специфическую разновидность речевого воздействия, в основе которого лежит использование особенностей языка для скрытого влияния на адресата в интересах говорящего [Балахонская, Сергеева 2019]. Исследователь А. Н. Байкулова отмечает, что персуазивные сценарии применяются не только для реализации информативной функции СМИ или функции убеждения, но и в форме манипулятивного воздействия, тем самым играя огромную роль в медиатизации массового адресата. «Зарождаясь в спонтанной первичной коммуникации, в СМИ персуазивные высказывания становятся элементом сознательно применяемого инструментария информирования/дезинформирования и аргументации» [Байкулова 2017: 37].

Важное место в понимании вопроса занимает дескриптивная теория метафоры, предложенная А. Н. Барановым [Баранов 2014], базирующаяся на когнитивной теории метафоры и предполагающая уникальный терминологический аппарат. Лингвист В. Н. Телия отмечает, что «языковая картина мира создается красками так называемой конкретной лексики и опредмечиванием процессуальных значений» [Телия 2006]. Исследователь Е. В. Стоянова определяет метафору как неотъемлемый механизм познавательной деятельности, инструмент постижения гипотетического, неявного и нового знания, средство осознания, объяснения и понимания [Стоянова 2015: 61].

Сегодня метафоры играют ключевую роль не только в традиционных СМИ, но и в новых медиа, которые стремительно развиваются в современном информационном пространстве. Теоретическое осмысление метафоры позволяет глубже понять механизмы формирования общественного мнения и манипуляции информацией. Новые медиа, включая онлайн-платформы, социальные сети и блоги, существенно изменили ландшафт журналистики, предоставив авторам возможность быстрого распространения информации и прямого контакта с аудиторией. Ряд исследователей приходят к мнению об увеличении субъективности и оценочности в текстах, которые ранее традиционно исключали голос автора и его личностную составляющую. «Новости, мнения и эмоции становятся неотличимыми друг от друга во время политических кризисов, создавая “аффективные новостные потоки”» [Агнистикова 2022: 87]. С одной стороны, подобный подход опасен для поддержания фактологичности новостных материалов. С другой — приводит к усилению диалогичности транслируемой информации и, как следствие, возрастанию интереса аудитории к общественно-значимым событиям.

Потребитель транслируемого новыми медиа контента сегодня выступает осью коммуникационного процесса. Признаком современной коммуникационной среды можно назвать «уход от присущей традиционным медиа периодичности к распространению информации в режиме реального времени. На смену ежемесячных, еженедельных и даже ежедневных СМИ приходят непрерывно обновляющиеся онлайн-издания. Новые медиа предлагают аудитории интерактивный обмен новостями и мнениями» [Бирюкова, Новгородова, Кичкина 2021: 137]. Подобная тенденция привела к усилению борьбы за внимание аудитории, что в мире избыточной информации представляет собой дополнительную сложность для редакций традиционных СМИ.

Ученый В. Н. Филиппов относит к преимуществам новых медиа интерактивность и возможность коммуникации в режиме реального времени в любое время суток; персонализацию контента и возможность точной сегментации целевой аудитории; мультимедийность и возможность использования любых форматов для трансляции информации; глобальность коммуникации; неограниченность объема распространяемой информации, разнообразие ее форматов и жанров; неограниченный срок жизни информации [Филиппов 2021: 111–113].

Большой массив современных исследований посвящен проблеме информационной войны. Политолог А. В. Манойло [Манойло 2003] отмечает оперативность как важный фактор ведения информационной деятельности и выдвигает его важнейшей задачей по достижению информационного превосходства. Политолог О. А. Мельникова [Мельникова 2021] говорит об использовании информации

и новых технологий как орудия достижения превосходства в различных сферах общественной жизни. Ученый-политолог П. Лайнбарджер [Лайнбарджер 2023] обобщает пятилетний опыт работы в статусе специалиста американских пропагандистских учреждений и приходит к основному выводу, что психологическая война характеризуется полной неопределенностью, не вписывается в обычные концепции войны, при этом имеет критическое значение и ведется до начала, в течение и после окончания боевых действий. Основными методами ведения информационно-психологического воздействия исследователь А. Я. Касюк [Касюк 2021: 24] считает метод внушения, основывающийся на слове и языке.

Описание методики исследования

Эмпирической базой исследования выступают публикации трех военкоров — Евгения Поддубного, Александра Коца и Александра Сладкова — в авторских Telegram-каналах за период с февраля 2022 по март 2023 г. Все три автора являются сотрудниками официальных СМИ и имеют многолетний опыт освещения вооруженных конфликтов в статусе непосредственных свидетелей событий.

За указанный временной промежуток военкорами было сделано 12 042 уникальные публикации (без учета репостов), из них 5210 — публикации с ярко-выраженной авторской позицией. Для последующего детального лингвистического анализа отобрана 71 публикация. Маркерами определения авторской позиции будем считать:

1) включение в публикации оценочной лексики, например эмоционально-окрашенных эпитетов, наречий и глаголов с положительной или отрицательной коннотацией;

2) использование специфичных приемов и синтаксических конструкций, например инверсии, синтаксического параллелизма, риторического вопроса и др.;

3) использование иронических или саркастических выражений для создания дополнительного смыслового плана или иносказательного выражения идей.

Основным выбран метод контент-анализа, дополненный содержательным анализом публикаций военкоров. Также применена расшифровка общекультурных символов.

Суммарно тремя военкорами за анализируемый период использовано 63 метафоры (Е. Поддубный — 18 примеров, А. Коц — 22, А. Сладков — 23). Как правило, в публикациях метафора используется в связке с другими средствами выразительности, например иронией, парцелляцией и повтором.

Анализ материала

Метафоры позволяют передавать сложные концепции и эмоции посредством ассоциаций и сравнений, играя важную роль в создании эффекта эмоциональной и информационной насыщенности текстов. Прием помогает воздействовать на аудиторию, способствуя активизации воображения и возникновению таких эмоций, как гордость, страх, сочувствие, злость. Декодирование метафоры происходит на субъективном для аудитории уровне и является индивидуальным процессом, который может различаться у разных представителей аудитории в зависимости от их знаний, жизненного опыта, общего понимания контекста и намеков.

В проанализированных текстах метафора, как правило, используется с саркастическим или ироническим оттенком. Чаще всего метафору можно найти в публикациях А. Коца, которому также свойственна наибольшая образность в текстах. Военкоры используют простые для расшифровки метафоры, чтобы точно быть понятыми своей аудиторией. В анализируемых примерах журналисты используют метафоры для наглядности описываемых событий и формирования определенных эмоциональных настроений, что также может быть связано с желанием склонить аудиторию к авторской точке зрения или заставить взглянуть на ситуацию под иным углом.

Минские соглашения *были* ***мертворожденным проектом****, цель которых была только в том, чтобы Киев их не выполнял*[1].

Автор высказывает мысль о том, что документы, которые создавались и подписывались с целью урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины, изначально были нежизнеспособны. Используется аналогия с рождением ребенка, который после появления на свет сразу умирает. Автор говорит о том, что Минские соглашения были созданы с целью показать действия и намерения решить конфликт, но в действительности никакие реальные шаги для помощи предприняты не были. Метафора вызывает чувство безнадежности и разочарования, также гнев или негодование по поводу того, что значительные усилия и ресурсы были потрачены на заведомо безуспешный проект. Военкор также стремится подчеркнуть бесполезность Минских соглашений и, вероятно, обвинить тех, кто принимал участие в их разработке и продвижении. Метафора может быть направлена на попытку призвать аудиторию к критическому восприятию этих соглашений и людей, которые их поддерживали. Автор подчеркивает, что Минские соглашения не были честной попыткой урегулирования конфликта, а скорее стратегическим ходом.

Вас выведут в тыл, доукомплектуют, переоденут и накормят, *и вы* ***станете пушечным мясом*** *НАТО. Придет время —* ***сгорите в печке для приготовления пирога желаний Запада****. Ждите*[2].

Военкор использует метафоры с целью вызвать у аудитории чувства страха, ужаса, негодования и жалости. Основная мысль, транслируемая аудитории, — солдаты рассматриваются как расходный материал в руках циничных политиков и военных стратегов: украинцы будут принесены в жертву с целью реализовать определенные идеи и цели в интересах НАТО и Запада. Также может быть проведена аналогия с подготовкой и обучением солдат перед боевыми действиями. «Вы станете пушечным мясом НАТО» — украинцы будут использованы в роли жертв в интересах НАТО. «Сгорите в печке для приготовления пирога желаний Запада» — украинцами готовы пожертвовать ради достижения интересов Запада. Выбор средств выразительности направлен на то, чтобы вызвать у аудитории отвращение к западной политике и сочувствие к солдатам, чья судьба предрешена — обычные люди будут использованы и уничтожены ради циничных интересов западных лидеров.

---

[1] Коц, А. Слушал выступления членов Совета безопасности… *Kotsnews*. 21.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/28954.

[2] Сладков, А. Владимир Александрович, вы тормозите… *Сладков+*. 21.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/Sladkov_plus/4796.

За то, что ***вколачивали в землю детей*** *Донбасса*[3].

Образ «вколачивания в землю» вызывает сильное чувство ужаса, привлекая внимание аудитории к серьезности ситуации. Упоминание детей, ассоциирующихся с невинностью и беззащитностью, вызывает сочувствие и жалость к жертвам насилия. Вместе с тем метафора направлена на порождение чувства гнева по отношению к тем, кто совершал подобные действия. В конечном итоге военкор может стремиться привлечь внимание к необходимости действий по защите невинных жертв и мобилизовать общественность.

Конечно, я отделяю ту Украину, которая осталась родной и братской, от ***Украины****, что* ***превратилась в послушную злую карлицу, которая ради медяка готова поджечь дом соседей.*** *Но и демилитаризация касается только этой карлицы*[4].

Автор намеренно разделяет Украину на две части: первая — родная и братская, вторая — злая и подчиненная. Это помогает направить негативные чувства только на определенную часть страны. Прилагательные «злая» и «послушная» наделяют метафору негативной коннотацией, подчеркивая подчиненность этой части Украины внешним силам и интересам. В разговорной речи «карлик» используется в значении «человек неестественно маленького роста»[5]. Также образ можно трактовать как указание на отклонение от нормы в связке со страной, теряющей свои территории. Военкор использует прием персонификации, придавая неживому свойства живого существа. Украина предстает в образе послушной, т. е. подчиненной и делающей то, что ей говорят. Медяк — это медная монета. В контексте также может символизировать небольшую материальную награду, которую страна хочет получить в качестве выгоды, а «поджечь дом соседей» — олицетворение вреда, который может быть причинен другим людям. Военкор разделяет Украину на две части, чтобы аудитория могла легко идентифицировать «своих» и «чужих». Прием помогает укрепить чувство солидарности с одной частью страны и враждебность к другой.

Украина. Что за люди, ***куда ни глянь — всем должны! Теперь надо платить по счетам***[6].

Метафора описывает ситуацию, в которой страна оказывается в подчинении или зависимости от других стран или организаций, перед которыми необходимо выполнять обязательства.

Знаете, когда ***хирург вскрывает гнойный нарыв — это грязно, мерзко, течет и воняет. И именно такой «нарыв» сейчас вскрывают силы ЛДНР и РФ*** *на территории 404.* ***Будет больно, будет температура, нужны будут «антибиотики», но… пока есть шанс спасти «пациента»***[7].

---

[3] Поддубный, Е. Восемь лет Киев воевал с Россией… *Поддубный |Z|O|V| edition*. 24.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/epoddubny/8094.

[4] Поддубный, Е. Восемь лет Киев воевал с Россией… *Поддубный |Z|O|V| edition*. 24.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/epoddubny/8094.

[5] Карлик. Определение слова. *Толковый словарь Ожегова*. Электронный ресурс https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10753.

[6] Сладков, А. Украина. Что за люди, куда ни глянь — всем должны. *Сладков+*. 26.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/Sladkov_plus/4878.

[7] Коц, А. #РусскийШепот, Полтава. *Kotsnews*. 28.02.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/29286.

Посредством развернутой метафоры автор описывает ситуацию, когда силы ЛДНР и РФ проводят действия на территории Украины, вызывающие нарушение привычного порядка с целью наладить ситуацию, когда «ненормальное» (т. е. конфликт) становится повседневностью. Образное выражение «вскрытие гнойного нарыва» показывает действия, являющиеся неприятными и обнажающими скрытое. Для решения проблемы придется пройти через боль и приложить усилия, но все еще есть возможность спасти ситуацию и восстановить мир. Сравнение военных действий с хирургическим вмешательством создает образ необходимого и неизбежного действия для устранения проблемы. Силы ЛДНР и РФ представлены как хирурги, которые пытаются спасти «пациента» (Украину) от «болезни», что создает положительный образ этих сил как действующих во благо.

*Я с **ужасом смотрю** на обманутые поколения моей страны, **на молодых людей, которым комфорт и Apple Pay дороже гордости и справедливости**. С «творческой интеллигенцией» все понятно. Но вот ребята 18+, которые **вновь готовы променять Родину на жвачку и джинсы**. Я оправдываю тех, кто позволил в 1991-м развалить страну, наивностью, но этих-то как оправдать?*[8]

Метафора описывает чувство тревоги и разочарования военкора относительно молодого поколения России, которое, по его мнению, отказалось от высоких идеалов и национальной гордости в пользу материальных благ. Сравнение также подчеркивает, что молодое поколение ставит материальные блага (жвачка и джинсы, ассоциирующиеся с западной культурой потребления) выше нравственных принципов и национальной идентичности. Тревогу за будущее страны автор пытается передать и аудитории, призывая ее вернуться к истинным ценностям. Автор признает, что способен оправдать тех, кто допустил развал СССР, но не может понять молодое поколение, совершающее аналогичные ошибки.

*С этими переговорами **мы снова попадаем в какие-то зыбучие украинские пески**. Ну договорились с властями по гуманитарным коридорам, а толку-то, если эти власти не контролируют ситуацию на земле*[9].

Метафора описывает сложность ситуации, в которой оказываются участники переговорного процесса. Можно говорить о том, что словосочетание «зыбучие украинские пески» символизирует непредсказуемость и непостоянство обстановки на Украине, а также угрозу и опасность. Цель использования — усиление ощущения безвыходности и бесполезности переговорного процесса, так как, по мнению военкора, любые договоренности с украинской властью не имеют смысла. Журналист стремится показать бессмысленность достигнутых договоренностей, не ведущих к реальным результатам.

*Даже украинские пропагандисты признают, что с Бучей все пошло не по плану. Хотели сделать красиво, но **людоедам не хватило взаимодействия**. Сами себя раскрыли*[10].

---

[8] Поддубный, Е. Я с ужасом смотрю на обманутые поколения моей страны… *Поддубный |Z|O|V| edition*. 01.03.2022. Электронный ресурс https://t.me/epoddubny/8302.

[9] Коц, А. С этими переговорами мы снова попадаем… *Kotsnews*. 05.03.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/29578.

[10] Поддубный, Е. Даже украинские пропагандисты признают… *Поддубный |Z|O|V| edition*. 04.04.2022. Электронный ресурс https://t.me/epoddubny/9396.

Использование термина «людоед» («тот, кто употребляет в пищу человеческое мясо»[11]) направлено на дегуманизацию украинских сил и организаторов событий в Буче, позволяя военкору представить их как жестоких и безжалостных существ, лишенных человеческих качеств. Дегуманизация противника способствует усилению недоверия и презрения к нему. Впечатление о серьезности провала операции в Буче усиливает комментарий, что даже те, кто поддерживает украинскую политику, признают провал своих действий. Журналист стремится вызвать у аудитории такие негативные эмоции, как гнев, отвращение и презрение, и подтвердить правильность своей позиции.

Как бы то ни было, у законсервированного Лисичанского НПЗ есть серьезный потенциал. После перезапуска он сможет снабжать топливом не только весь Донбасс, но и освобожденные территории. Это к ***вопросу о*** *«****ярме****», который* ***мы****, по мнению* ***людей с хорошими лицами****,* ***повесили себе на шею***[12].

Журналист стремится опровергнуть критику оппонентов, показывая, что Лисичанский НПЗ имеет значительный потенциал. Упоминание, что после возобновления работы завод сможет поставлять топливо не только на Донбасс, но и на другие освобожденные территории, говорит об общем потенциале. Автор стремится создать позитивный образ будущего на освобожденных территориях, подчеркивая их возможности для развития. Закавычивание говорит о несогласии автора с мнением «людей с хорошими лицами», которые могут быть обозначены как политические или общественные деятели.

…срывали российские флаги в Купянске, Изюме, Балаклее. Срывали русские флаги в русских городах. Тут ***медведь не мог не проснуться***[13].

Метафора указывает на то, что Россия не могла оставаться безучастной и продолжать игнорировать нарушение ее территориальной целостности. Медведь в данном контексте символизирует Россию, а его «просыпание» означает активную реакцию и вмешательство, т. е. принятие ответных мер на происходящее.

«Что я тут делаю? Зачем меня сюда послали?» — будешь ты задаваться вопросами в минуты уныния. Вокруг — разрушенные дома, ***порезанные осколками деревья****,* ***паутина окопов****,* ***местные жители, как тени*** *передвигающиеся по улице, которую каждый день накрывает кассетными зарядами «Ураган». Посмотри на этот город, деревню и представь свою родную улицу. Она может стать такой*[14].

Автор добивается от аудитории осознания тяжести и реальности боевых действий, пробуждения чувства ответственности и вовлеченности, сочувствия к солдатам и предупреждает о возможных последствиях. Журналист стремится создать эмоциональный отклик и мобилизовать аудиторию на действия по предотвращению разрушений в собственных городах. Слова «Что я тут делаю? Зачем меня сюда послали?» символизируют состояние недоумения и уныния, когда человек ока-

---

[11] Людоед. Определение слова. *Толковый словарь Ожегова*. Электронный ресурс https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13593.

[12] Коц, А. Кстати, взятием Лисичанского нефтеперерабатывающего завода… *Kotsnews*. 01.07.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/34096.

[13] Поддубный, Е. Российское военно-политическое руководство делало все возможное, чтобы мобилизации не было. *Поддубный |Z|O|V| edition*. 21.09.2022. Электронный ресурс https://t.me/epoddubny/12420.

[14] Коц, А. Тут меня подписчик спрашивает, зачем нам наступать… *Kotsnews*. 28.09.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/36071.

зывается в опасной и непривычной для себя ситуации. Сравнение разрушенного города с родной улицей читателей направлено на личное вовлечение и осознание того, что вооруженный конфликт может прийти в их собственные дома и коснуться каждого.

Мобилизация на Руси** — больше, чем мобилизация. Это **жесткий экзамен для народа[15].

Метафора описывает мобилизацию как сложное и серьезное испытание для всей нации. Мобилизация в России воспринимается не просто как организационный процесс, но как серьезный экзамен на прочность для всего народа. Подобное сравнение подчеркивает значимость и сложность ситуации, требующей от общества высокой степени сплоченности, стойкости и готовности к преодолению трудностей. «Жесткий экзамен» может подразумевать как военную мобилизацию, так и мобилизацию ресурсов и усилий страны и населения для преодоления кризисных ситуаций.

*Самое страшное, что **для Киева все только начинается**. Вот эта темень, холод квартир, **отсутствие такого понятия, как завтра**, вы этого хотели, когда громили Российское посольство?*[16]

Автор указывает на то, что ситуация, с которой столкнулся Киев, только начинает развиваться и идти в сторону ухудшения для жителей города. Выражение «темень, холод квартир» указывает на условия и негативные последствия для горожан, неудобства, с которыми придется сталкиваться в повседневной жизни. Фраза «отсутствие такого понятия, как завтра» символизирует неопределенность и неуверенность в будущем, когда сегодняшний день может стать последним. Это может относиться как к экономическим и политическим перспективам, так и к общей непредсказуемости ситуации.

*Это и есть народное единство. А кто **откололся** в **ходе** «**битвы**» **при Верхнем Ларсе или** «**Великого казахстанского похода**» — ну так они никогда с нами и не были, чего по ним ориентироваться. Главное, что мы — вместе. С чем вас сегодня и поздравляю*[17].

Автор указывает на людей, которые не поддержали страну в трудный момент, отвернулись от общего дела и предпочли эмиграцию в соседние страны — Грузию и Казахстан. По мнению военкора, эмигрировавшие жители никогда не были частью единого народа, не разделяли ценности и идеалы страны, т. е. никогда не были ее настоящими гражданами. Люди, которые остались вместе и поддерживают друг друга, — истинные примеры народного единства, а эмигрировавшие не являются ориентиром для остальных («чего по ним ориентироваться»). Их поступки или отсутствие поддержки не должны влиять на определение другими людьми своей позиции и действий. Финальная фраза «главное, что мы — вместе» подчеркивает важность единства, а также выражает гордость автора за то, что народ смог преодолеть трудности и остаться одним целым.

---

[15] Сладков, А. Мобилизация на Руси — больше, чем мобилизация. *Сладков+*. 29.09.2022. Электронный ресурс https://t.me/Sladkov_plus/6375.

[16] Сладков, А. Вот скажите, украинцы, надо было вам это всё… *Сладков+*. 03.01.2023. Электронный ресурс https://t.me/Sladkov_plus/6970.

[17] Коц, А. Сегодня много было сказано про то, что День народного единства — это странный праздник. *Kotsnews*. 04.11.2022. Электронный ресурс https://t.me/sashakots/36998.

Результаты исследования и выводы

Цифровизация общества заставляет журналистов активнее задействовать новые медиа как один из каналов своей деятельности. Так, Telegram активно использовался в период военной операции в Сирии, начавшейся в марте 2011 г. с массовых протестов, которые были частью так называемой арабской весны. На протяжении нескольких лет военные корреспонденты, гражданские журналисты и активисты использовали мессенджер для распространения информации о событиях в зоне конфликта, боевых действиях, гуманитарной ситуации и других сторонах конфликта. Telegram стал площадкой для распространения фото- и видеоматериалов, обмена информацией и координации действий, поскольку позволял обходить цензуру и ограничения свободы слова. Во время конфликта на востоке Украины в 2014 г. Telegram стал одним из основных каналов для передачи информации о событиях на местах.

В журналистике язык выступает основным инструментом передачи информации и воздействия на аудитории. В контексте военной журналистики язык приобретает особое значение, поскольку корреспонденты сталкиваются с задачей передать через текст сложные и эмоционально насыщенные события. Как отмечает лингвист Н. Д. Арутюнова, «интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека» [Арутюнова, Журинская 1990: 8].

На основе проведенного анализа можно выделить несколько основных тематических категорий, используемых военкорами в Telegram:

1) военные действия и конфликты (локальные и международные);
2) политические соглашения и договоры;
3) патриотизм и национальная идентичность;
4) измена и обман;
5) перспективы развития и потенциал;
6) ресурсные и экономические вопросы.

Основными скрытыми символами можно назвать следующие:

— испытание, проверка народа в условиях общенациональных трудностей;
— солидарность, единение и поддержка;
— потребительская культура и отсутствие патриотических ценностей;
— обнародование скрытых проблем и недостатков;
— использование людей военными лидерами стран-противников, жертвоприношение, беззащитность.

Использование эмоциональных метафор в публикациях о реалиях и жестокостях военных действий служит нескольким ключевым целям:

1) создать эмоциональный отклик;
2) вызвать сочувствие к жертвам и участникам военных действий;
3) усилить воздействие и запоминаемость сообщения;
4) предупредить о возможных последствиях конфликта и мобилизовать на действия;
5) сформировать негативный образ противника.

В первую очередь метафоры позволяют военкорам передать многоаспектные и эмоционально насыщенные ситуации, возникающие в периоды вооруженных

конфликтов; визуализировать и передать эмоциональный фон экстремальных ситуаций, физических и эмоциональных испытаний, которыми наполнена военная деятельность. Все это помогает аудитории лучше разобраться в событиях и сформировать собственное мнение о происходящем. Смешение метафоры и рациональных средств убеждения позволяет журналистам передать глубину и сложность вооруженных конфликтов, тем самым помогая аудитории лучше осознать масштаб и последствия описываемых событий. Эмоциональная насыщенность ассоциативных образов побуждает аудиторию к публичному выражению собственного мнения и стимулирует развитие дискуссий.

Метафоры позволяют передать внутреннее состояние очевидца, находящегося внутри разрушенных городов и наблюдающего последствия конфликта. Последнее также способно оказывать влияние на аудитории в других странах. В период вооруженных конфликтов в зоне соприкосновения происходит огромное число событий, требующих быстрого и точного описания. Метафоры позволяют сократить информацию и передать ее в понятной форме, что облегчает восприятие информации аудиторией. Вместе с тем повышается и эмоциональная привлекательность текстов за счет большей запоминаемости для аудитории в условиях, когда информационное пространство и так переполнено новостями.

Декодирование метафорического кода важно для более глубокого понимания и интерпретации сообщений военкоров и, как следствие, событий в рамках вооруженного конфликта. Проведенный нами анализ позволил выявить связанные с военной тематикой общие концептуальные образы и символы, используемые военкорами. Язык военных корреспондентов в Telegram многогранный и сложный. Более детальный анализ может способствовать лучшему пониманию сути событий и процессов в периоды вооруженных конфликтов и поможет усовершенствовать коммуникацию между журналистами и аудиторией. Это, в свою очередь, усилит не только журналистское сообщество, но и будет полезно для политиков и общественности для лучшего понимания и анализа информации из зон боевых действий.

Литература

Агнистикова, О. И. (2022). Усиление присутствия субъективного журналистского голоса в новостях как тренд цифровой среды. *Вестник КГУ*, *4*, 86–92.

Арутюнова, Н. Д., Журинская, М. А. (Ред.) (1990). *Теория метафоры.* М.: Прогресс.

Байкулова, А. Н. (2017). Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения). *Медиалингвистика, 1* (16), 31–39.

Балахонская, Л. В., Сергеева, Е. В. (2019). *Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учеб. пособие*. М.: Флинта.

Баранов, А. Н. (2014). *Дескриптивная теория метафоры*. М.: Языки славянской культуры.

Бессарабова, Н. Д. (1985). *Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи.* Дис. … канд. филол. наук. М.

Бессарабова, Н. Д. (2015). *Журналист и слово.* М.: Фак. журналистики МГУ.

Бирюкова, Ю. В., Новгородова, Э. А., Кичкина, Е. Г. (2021). Новые медиа как современная коммуникационная среда для взаимодействия СМИ и аудитории. *Международный научно-исследовательский журнал*, *2* (104), 137–140.

Будаев, Э. В. (2008). Метафора в политическом нарративе: эвристики современных сопоставительных исследований. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, *10* (59), 86–94.

Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. (2006). *Метафора в политическом интердискурсе*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.

Васильев, А. Д. (2013). *Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ.* СПб.: Златоуст.
Иванов, Л. Ю., Сковородников, А. П., Ширяев, Е. Н. (Ред.) (2003). *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник.* М.: Флинта; Наука.
Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, *1* (842), 22–34.
Кожина, М. Н. (Ред.) (2006). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* М.: Флинта; Наука.
Лайнбарджер, П. (2023). *Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания*. М.: Центрполиграф.
Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС.
Ляпун, С. В. (2021). Тропеическое воздействие в аналитической публицистике. В *Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: мат-лы Всерос. науч. конф., г. Майкоп, 21–23 октября 2021 г.* (с. 239–242). Майкоп: Адыг. гос. ун-т.
Манойло, А. В. (2003). *Государственная информационная политика в особых условиях*. М.: МИФИ.
Мельникова, О. А. (2021). *Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность*. М.: Гнозис.
Стоянова, Е. В. (2015). Метафора как способ осмысления современной действительности. *Медиалингвистика, 4 (*10), 60–66.
Телия, В. Н. (2006). *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*. Электронный ресурс http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml.
Филиппов, В. Н. (2021). Индустрия новых медиа в экосистемах новой реальности. *Российская школа связей с общественностью*, *22*, 109–125.
Хазагеров, Г. Г. (2024). *Четыре взгляда на троп.* М.: Флинта.
Ярцева, В. Н. (Ред.) (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 25 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Горбань Полина Викторовна — https://orcid.org/0009-0004-4276-9704,
gorban.absolem@gmail.com

Metaphorical code of the language of military journalists in Telegram: Decoding semantic symbols

P. V. Gorban

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 199991, Russian Federation

For citation: Gorban P. V. (2025). Metaphorical code of the language of military journalists in Telegram: Decoding semantic symbols. *Media Linguistics*, *12* (1), 43–58.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.103 (In Russian)

The main purpose of this article is to identify the main thematic categories and semantic symbols used by military personnel to convey information about their activities in Ukraine and the political processes around this conflict. The relevance of the research lies in the need to understand and analyze the metaphorical code, which is one of the key elements of military personnel communication with the audience and which can have a significant impact on the perception of armed conflicts. The problem of the article lies in the difficulty of deciphering and understanding the metaphorical code, especially for non-professionals in the field of linguistics. A study of the publications of three Russian war correspondents for the period

from February 2022 to January 2023 was conducted. Among the general array of publications, those in which the author's position is most clearly traced were selected. The article presents a decoding of the most striking metaphors from the analyzed texts. Content analysis was chosen as the main research method, supplemented by a meaningful analysis of military personnel publications. Based on the results of the study, the author concludes that there are several main thematic categories used by military officers in their publications: military operations and conflicts; political agreements and treaties; patriotism and national identity; treason and deception; potential and prospects for development; resource and economic issues. The main purposes of using metaphors can be called: creating an emotional response; forming empathy for victims and participants of military operations; strengthening the impact and memorability of the message; warning about the possible consequences of the conflict and mobilizing the audience for active actions; forming a negative image of the enemy.

Keywords: military journalists, metaphor, Telegram, special military operation, Ukraine.

References

Agnistikova, O. I. (2022). Strengthening the presence of a subjective journalistic voice in the news as a trend in the digital environment. *Vestnik KGU*, *4*, 86–92. (In Russian)

Arutiunova, N. D., Zhurinskaia, M. A. (Eds) (1990). *The theory of metaphor.* Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Baikulova, A. N. (2017). Influencing forecasts and scenarios in mass media political discourse (functions and means of expression). *Media Linguistics, 1* (16), 31–39. (In Russian)

Balakhonskaia, L. V., Sergeeva, E. V. (2019). *Linguistics of speech influence and manipulation: a textbook.* Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Baranov, A. N. (2014). *Descriptive theory of metaphor*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)

Bessarabova, N. D. (1985). *The pictorial and expressive possibilities of metaphors in newspaper and journalistic speech.* PhD thesis. Moscow. (In Russian)

Bessarabova, N. D. (2015). *The journalist and the word.* Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU Publ. (In Russian)

Biryukova, Yu. V., Novgorodova, E. A., Kichkina, E. G. (2021). New media as a modern communication environment for interaction between the media and the audience. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2* (104), 137–140. (In Russian)

Budaev, E. V. (2008). Metaphor in the political narrative: heuristics of modern comparative studies. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, 10* (59), 86–94. (In Russian)

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2006). *Metaphor in political interdiscourse*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ. (In Russian)

Filippov, V. N. (2021). The new media industry in the ecosystems of the new reality. *Rossiiskaia shkola sviazei s obshchestvennost'iu, 22,* 109–125. (In Russian)

Iartseva, V. N. (Ed.) (1990). *Linguistic encyclopedic dictionary.* Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ. (In Russian)

Ivanov, L. Iu., Skovorodnikov, A. P., Shiriaev, E. N. (Eds) (2003). *Culture of Russian speech: An encyclopedic dictionary-reference.* Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Kasyuk, A. Ya. (2021). Information and psychological impact in information warfare. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki, 1* (842), 22–34. (In Russian)

Khazagerov, G. G. (2024). *Four views of the trope.* Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Kozhina, M. N. (Ed.) (2006). *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)

Lainbardzher, P. (2023). *Psychological warfare. Theory and practice of processing mass consciousness.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ. (In Russian)

Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metaphors we live by.* Moscow: URSS Publ. (In Russian)

Liapun, S. V. (2021). Tropeic impact in analytical journalism. In *Shvarts i problemy razvitiia otechestvennoi literatury XX veka: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Maikop, 21–23 oktiabria 2021 g.* (pp. 239–242). Maykop: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Manoilo, A. V. (2003). *State information policy in special conditions: a monograph.* Moscow: MIFI Publ. (In Russian)

Mel'nikova, O. A. (2021). *Manipulation of public opinion and global cybersecurity.* Moscow: Gnozis Publ. (In Russian)
Stoianova, E. V. (2015). Metaphor as a way of understanding modern reality. *Media Linguistics, 4* (10), 60–66. (In Russian)
Teliia, V. N. (2006). *Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world*. Retrieved from http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. (In Russian)
Vasil'ev, A. D. (2013). *Word games: manipulative operations in media texts*. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russian)

Received: February 19, 2024
Accepted: September 25, 2024

Author's information:

Polina V. Gorban — https://orcid.org/0009-0004-4276-9704, gorban.absolem@gmail.com

УДК 81.42 Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Приемы дефинирования терминов генетики как основных элементов научно-популярного медиадискурса

Ю. В. Донскова, А. Ю. Киселева

Сеченовский университет,
Российская Федерация, 119048, Москва, ул. Трубецкая, 8/2

Для цитирования: Донскова Ю. В., Киселева А. Ю. (2025). Приемы дефинирования терминов генетики как основных элементов научно-популярного медиадискурса. *Медиалингвистика*, *12* (1), 59–76. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.104

Статья посвящена исследованию приемов объяснения специальных терминов генетики, использующихся в средствах массовой коммуникации (СМК), как основных понятийных элементов научно-популярного дискурса. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения степени понимания массовой неподготовленной аудиторией результатов применения таких приемов, а именно дефиниций, а также корректности передачи научных данных. Источниками для исследования послужили научно-популярные тексты, посвященные генетической тематике и размещенные в период 2017–2023 гг. в следующих СМК: «Медицина обо мне», «РБК Тренды», «Теории и практики», рубрика «Наука» информационного агентства ТАСС, «Биомолекула» и «Научная Россия». Первый этап исследования включал в себя выявление и классификацию приемов дефинирования терминов «генетика», ДНК, РНК, «ген», «аллель», «генетический полиморфизм», «эпигеном», «эпигенетика», «мутация» и «фенотип». Второй этап заключался в проведении анкетирования, направленного на определение понимания адресатами выявленных приемов объяснений терминов генетики. Полученные результаты: 1) выделено восемь приемов дефинирования терминов генетики (собственно дефиниция, инверсионная и ориентирующая, аналогия, метафора, комментарий, этимологизация и иллюстрация); 2) определены и сформулированы их особенности, в том числе факторы, влияющие на корректную передачу научных данных; 3) по результатам анкетирования установлены приемы, обеспечивающие наилучшее понимание дефиниций адресатами (собственно дефиниция и ориентирующая дефиниция, метафора). Таким образом, распространение в обществе достоверной научной информации в рамках СМК может быть достигнуто при соблюдении баланса между тенденцией к приближению определения к научному знанию и чрезмерным его упрощением с потерей части изначального смысла.

Ключевые слова: научная коммуникация, медицинская коммуникация, медицинский дискурс, медиадискурс, терминология.

Постановка проблемы

Медицина представляет собой специфическую сферу научного знания, характеризующуюся непрерывным развитием во многих предметных областях — кардиологии, эпидемиологии, иммунологии и аллергологии, онкологии и др. [Тархов

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

2023]. В связи с этим закономерно усиление роли средств массовой коммуникации (СМК) в распространении актуальной информации о здоровье и способах его сохранения и укрепления.

Непрерывность процесса развития медицинской науки, в свою очередь, ставит перед медицинским сообществом и журналистами, работающими в научной сфере, довольно сложную задачу — представить общественности такого рода информацию в наиболее доступной для понимания форме. Это обусловлено особенностями восприятия научных данных аудиторией, изначально не знакомой со спецификой медицинского знания. Речь идет о применении специализированных терминов в профессиональной среде [Рассолова, Галкин 2023].

Согласно В. П. Даниленко, под термином понимается слово или словосочетание «специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977: 14–15]. Корректная детерминологизация сугубо медицинских понятий в массмедиа, таким образом, призвана упрощать передачу такого рода информации за рамки круга исключительно специалистов, позволяя широкой публике ориентироваться в интересующей ее тематике [Коренева 2021].

Важным аспектом адаптации медицинского знания для широкого круга адресатов является борьба с необоснованными страхами и предубеждениями населения перед наукой [Долгов 2021]. Вышеперечисленное требует пристального внимания специалистов к фактам, их четкой эмпирической оценки и наиболее корректного «перевода» с медицинского языка на русский. В последние годы наблюдается живой интерес ученых к итогам такого рода деятельности.

Так, по результатам исследования «Оценка грамотности населения в вопросах здоровья, включая навигационную грамотность» [Шелегова и др. 2023], проведенного в 2022 г. на базе Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Минздрава РФ, средний уровень грамотности населения в вопросах здоровья составляет 67,2 балла по 100-балльной шкале. Высокий уровень способности ориентироваться в медицинской информации, положительно влияющий на качество взаимодействия с системой здравоохранения в целом, демонстрируют лишь 20,4 % опрошенных.

Сегодня в качестве одного из перспективных направлений медицинского знания можно рассматривать генетику. Немалую роль в процессе популяризации этой научной области сыграла пандемия COVID-19, актуализировав в СМК некоторые термины генетики (например, «геном» и РНК). Широкий общественный интерес к фактам и открытиям в данной научной сфере можно объяснить стремлением людей обеспечить здоровую и по возможности полноценную жизнь не только для себя (пройдя, например, генетическое обследование по выявлению повышенного риска развития ряда злокачественных новообразований или гипертонии), но и в перспективе — для будущих поколений, например в рамках генетического консультирования потенциальных родителей или пренатальной диагностики плода [Ramesh, Parvathi 2020].

Благодаря внедрению неонатальных скрининговых программ в России наблюдается повышение доступности диагностики редких (орфанных) заболеваний [Васильева и др. 2020], возникновение которых примерно в 80 % случаев связано с генетической предрасположенностью [Miller et al. 2021]. Однако результаты исследования уровня осведомленности населения о том, что такое орфанные заболевания,

проведенного Аналитическим центром НАФИ совместно с благотворительным фондом «Люди-маяки» в марте 2023 г., показали, что большинство респондентов (65 % от 1,1 тыс.) никогда о них не слышали и только 7 % опрошенных хорошо знакомы с данным понятием[1].

Таким образом, осознанное отношение к состоянию здоровья (как собственному, так и окружающих) и высокий уровень информированности населения по вопросам генетических заболеваний могут быть достигнуты путем корректной передачи научных данных массовой аудитории, не обладающей специальными медицинскими знаниями [Narci 2021].

Важное условие для этого — четкое определение вводимых в широкий обиход понятий научно-популярного дискурса, выраженных терминами. Такой подход продиктован колоссальным объемом информации, которая может содержаться в границах одного слова или словосочетания, что при «переводе» на доступный язык способно повлечь за собой искажение его понятийного содержания.

В данном случае термин и его дефиниция представляют некоторые базовые знания, необходимые для дальнейшего освоения научной информации неподготовленной аудиторией. Следовательно, они будут иметь коммуникативно эффективный результат лишь в том случае, если читатель верно понимает их значение, т. е. содержание термина можно считать раскрытым для адресата.

История вопроса

Мультидисциплинарный подход к изучению специфики объяснения для неподготовленной аудитории такого рода научной информации затрагивает различные предметные области — медиалингвистику, когнитивную лингвистику, антропологию, медицинскую социологию и другие дисциплины. Исследованием этих вопросов занимаются отечественные лингвисты А. Ю. Багиян [Багиян 2014; Багиян 2017], Н. И. Дорцуева [Дорцуева 2015; Дорцуева 2016], Е. А. Костяшина [Костяшина 2008], И. С. Пахомова [Пахомова 2019], Е. С. Степанова [Степанова 2019], О. И. Таюпова [Таюпова 2019] и др.

Анализ упомянутых источников позволил выделить некоторые общие черты научно-популярного медицинского дискурса (в том числе такой узкоспециализированной сферы, как медицинская генетика):

— собственно феномен медицинского медиадискурса, испытывающего воздействие как минимум трех социальных институтов — науки, массмедиа и общества, в свете репрезентации и популяризации науки [Таюпова 2019];

— наличие оппозиций профессиональной и непрофессиональной языковой личности [Голев, Шпильная 2021];

— когнитивно-дискурсивное пространство научно-популярного медицинского текста, а также стилистические средства, выполняющие функцию пояснения научного знания, при помощи которой раскрывается сущность изучаемого объекта [Степанова 2019];

[1] Осведомленность и заблуждения россиян об орфанных заболеваниях. *Аналитический центр НАФИ*. 03.04.2023. Электронный ресурс https://nafi.ru/analytics/osvedomlennost-i-zabluzhdeniya-rossiyan-ob-orfannykh-zabolevaniyakh/?ysclid=m60dramqxx806505113.

— функционирование профессионально маркированных концептов и концептуальной метафоры в СМК [Дорцуева 2015; Дорцуева 2016];

— деспециализация и детерминологизация как процессы, посредством реализации которых происходит адаптация сугубо научных понятий под бытовое сознание адресата [Багиян 2014].

За рубежом проблематика представления научного знания широкому кругу адресатов также анализируется через призму различных подходов: изучается как сам феномен влияния СМК на установки аудитории в отношении здоровья [Kline 2017], так и критерии оценки влияния СМК на уровень понимания обществом научной информации, в частности из области генетики [Anderson 2002]. Особый интерес представляет формирование положительного образа генетических исследований [Petersen 2001], чему в немалой степени способствуют освещение в СМК новейших открытий и доступное описание перспектив внедрения новых методов лечения и профилактики в клиническую практику. Вместе с тем СМК следует избегать однобокой интерпретации научной информации, при которой не сообщается о наличии потенциального вреда или существующих недостатков, побочных эффектов и т. п. — такая трактовка вводит читателя в заблуждение [Ostergren et al. 2015].

Отдельного внимания заслуживает проблема искажения информации и формирования ошибочного представления о базовых научных понятиях [Даев 2015], а также связанная с этим необходимость внедрения мер по просвещению населения с целью повышения уровня генетической грамотности (genetic literacy) [Lanie et al. 2004; Мацепуро 2022]. В этом ключе настороженность вызывает излишнее обращение СМК к таким фигурам речи, как метафора и аналогия, поскольку они требуют от автора медицинского текста внимательного и осторожного использования. Например, репрезентация термина *геном* через понятие «кукловод» (puppet master; см.: [Parrott et al. 2015]) убеждает читателей в абсолютности контроля генов над человеком, что может, в свою очередь, приводить к ментальным упрощениям и формированию стереотипов о генетических заболеваниях с дальнейшим возникновением негативного отношения к ним. Иллюстрацией в данном случае может послужить шизофрения, природа наследственности которой выходит далеко за рамки применения законов Менделя и процентных соотношений риска различных генетических сочетаний [Trifu et al. 2020]. При этом важно информировать общественность о том, что некоего единого «гена шизофрении» не существует — манифестация симптомов (или же их отсутствие) зависит от сложного взаимодействия примерно 180 генов, на которые воздействуют, кроме всего прочего, факторы окружающей среды [Critchlow 2019: 13–14]. Отсюда следует, что одним из основных путей решения проблемы навешивания ярлыков на людей в связи с определенными заболеваниями может являться расширение информированности населения о заболеваниях и их генетических составляющих.

Несмотря на большое количество векторов в изучении способов передачи научной информации массовому читателю, сегодня недостаточно существующих исследований для исчерпывающей оценки общих закономерностей корректного предоставления медицинского знания в СМК. Очевидна необходимость изучения приемов, используемых для объяснения специальных терминов (в данном случае генетики) как основных понятийных элементов научно-популярного медицинского дискурса.

Далее рассмотрены приемы дефинирования терминов генетики, используемые в медиасреде, и особенности их восприятия респондентами.

Описание методики исследования

Под термином будем понимать «специальную лексему, называющую общее понятие» [Гринев-Гриневич, Сорокина, Молчанова 2022].

Исследование проводилось в два этапа. Первый этап состоял в анализе медицинского медиадискурса с целью выявления и систематизации приемов дефинирования терминов генетики, а также дальнейшего исследования степени понятности составляемых дефиниций.

Последовательно были решены следующие задачи:

— изучение интернет-источников научно-популярного характера, освещающих, помимо прочих, область генетики;

— формирование списка терминов генетики с определениями, используемыми в СМК;

— выделение основных приемов объяснения научного знания для неподготовленной аудитории.

Второй этап заключался в проведении анкетирования, направленного на определение понимания адресатами приемов объяснений терминов генетики. На основании анализа ответов респондентов выделены приемы, показавшие наилучшие результаты в понимании аудиторией предложенной информации.

Материалом для исследования послужили:

1) выборка, включающая в себя десять терминов генетики («генетика», ДНК, РНК, «ген», «аллель», «генетический полиморфизм», «эпигеном», «эпигенетика», «мутация», «фенотип»), которые приведены с определениями, из шести интернет-СМК, ориентированных на просветительскую деятельность («Медицина обо мне», «РБК Тренды», «Теории и практики», «Наука» ТАСС, «Биомолекула», «Научная Россия»);

2) результаты анкетирования, направленного на оценку понимания респондентами выделенных дефиниций и соответственно приемов их составления.

Выбор источников для поиска терминов с дефинициями был обусловлен их нацеленностью на просветительскую деятельность (включая освещение генетики как научной сферы) и наличием такого параметра, как пользовательская посещаемость ресурса (по данным многофункционального сервиса PR-CY на январь 2024 г.).

Термины отобраны по следующим критериям.

Первый критерий — тематический, а именно принадлежность к сфере генетики. Встретившиеся в отобранных источниках термины с дефинициями отличались по сложности и относились к разным разделам этой научной области, что в конечном итоге позволило продемонстрировать многоаспектность необходимых для понимания аудиторией объяснений. Например, термин «генетический полиморфизм» требует от читателя знания и базового понимания таких терминов, как «ген», «аллель» и ДНК. В зависимости от контекста они также могут потребовать дополнительного пояснения, при этом основной целью автора научно-популярного текста будет сохранение изначального смысла всех понятий без перегрузки громоздкими уточнениями.

Второй критерий — частотный, подразумевающий в рамках настоящего исследования учет частоты запросов по России в месяц (данным «Яндекс.Wordstat» на январь 2024 г.). Так, выяснилось, что термин ДНК имеет максимальное количество запросов (более 1,5 млн), а «генетический полиморфизм» — минимальное (более 2 тыс.). Таким образом, в исследование были включены различные термины, име-

ющие высоко-, средне- и низкочастотные запросы. Подобный подход позволяет изучить понимание научного знания адресатами, только начинающими познавать вопросы генетики и связанной с ней терминологии, именно они вводят высокочастотные запросы. В то же время из поля изучения проблемы не исключаются адресаты с узкоспециализированными запросами, которые можно назвать низкочастотными.

Третий критерий — лингвистический [Костерина, Кондратюкова 2014], поэтому в исследование были включены:

— простые термины, например образованные путем аффиксации слова «мутация», «эпигенетика» и т. п.;

— сложные термины, т. е. двухкомпонентные, образованные путем сложения корней («фенотип»);

— терминологические словосочетания («генетический полиморфизм»);

— термины-аббревиатуры, образованные путем сложения начальных букв, которые формируют исходное словосочетание (ДНК, РНК).

Кроме того, выбор терминов для исследования был продиктован наличием доступных для понимания неподготовленной аудиторией примеров их объяснения в научно-популярной литературе [Gonick 1991; Kratz, Spock 2023]. Исследованные языковые средства не относятся к окказионализмам и профессионализмам.

Поиск по выбранным сайтам осуществляли по следующим критериям: временны́е рамки публикации или обновления статей в пределах шести лет (2017–2023 гг.), а также наличие в тексте статьи термина с определением. Выделено восемь приемов дефинирования терминов, которые проанализируем ниже.

Всестороннее рассмотрение практического применения приемов и оценка эффективности передачи научной информации подразумевают изучение восприятия объяснений целевой аудиторией и выявление наиболее понятных адресатам дефиниций (соответственно приемов их составления). С этой целью создана анонимная электронная анкета, состоящая из вводной и основной части, включающая пять и три вопроса соответственно.

Вводная часть опроса направлена на уточнение возрастного диапазона респондентов, уровня их образования, наличия медицинского образования, а также сферы трудовой деятельности. Основная часть анкеты посвящена каждому из отобранных для исследования терминов. Все вопросы этой части опроса построены на сочетании нескольких определений терминов, выявленных в ходе первого этапа исследования. Это позволило впоследствии изучить степень целесообразности применения выделенных приемов дефинирования.

Анализ материала и результаты исследования

Классификация приемов основана на анализе нескольких работ, авторы которых подробно исследуют способы введения и раскрытия значения терминов в рамках научно-популярного дискурса [Чинь 2017; Дронова 2005]. Выбор источников для составления классификации обусловлен подходом к научно-популярному дискурсу как к субдискурсу научного дискурса [Голованова 2013].

На первом этапе проведения исследования выделено 40 контекстов дефинирования терминов генетики. Авторская орфография и пунктуация сохранены во всех примерах, приведенных далее.

Собственно дефиниция

Прием заключается в составлении прямого определения термина, которое может быть упрощенным или развернутым в зависимости от таких факторов, как контекст и цель сообщения. Типы прямого определения могут отличаться в плане как содержания, так и выражения. Рассмотрим иллюстративный материал.

Традиционная ***генетика*** *— это что-то, связанное с наследованием и тому подобным*[2].

Приведено упрощенное прямое определение термина «генетика», дающее читателю минимальное представление о науке.

Мутация *— это изменение в генетической последовательности. Она может быть незначительной, например, заменой только одного блока ДНК, или нуклеотидного основания другим*[3].

Представлено упрощенное прямое определение термина «мутация», в котором не приведена минимальная классификация изменений (структурные и функциональные), перечислены не все возможные трансформации — для примера упомянута только замена (в силу наибольшей вероятности понимания аудиторией содержания слова, в отличие, например, от делеции). Кроме того, наличие сочетания «нуклеотидное основание» также может остаться за гранью понимания для читателя в том случае, если оно не было пояснено ранее.

Эпигенетика *изучает изменения активности генов, не затрагивающие структуру ДНК. Это некая сумма факторов, влияющих на экспрессию (активность) генов. Сюда могут входить стресс, образ жизни, питание, радиация и т. д. — то есть то, что влияет на нас, а также на животных и растения извне*[4].

Здесь дано развернутое прямое определение термина «эпигенетика» с пояснением понятия «экспрессия» и примерами факторов среды.

Гены *— это небольшие участки молекулы ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты), в которых закодирована информация о строении одной молекулы белка или РНК (рибонуклеиновой кислоты)*[5].

Развернутое прямое определение термина *ген* представлено с пояснениями сокращений и истолкованием термина через два других (ДНК и РНК), что может усложнить понимание текста адресатом.

Приведенные примеры относятся к дефинициям разных терминов, в то же время наглядно показано, что развернутые определения дают читателю более

---

[2] Пётр Харченко: о современной геномике, пространственной организации ткани и принципах выбора научной задачи». *Биомолекула*. 03.08.2022. Электронный ресурс https://biomolecula.ru/articles/piotr-kharchenko-o-sovremennoi-genomike.

[3] От мамы или от папы: чьих генов (и мутаций) у ребенка больше? *Медицина обо мне*. 01.03.2020. Электронный ресурс https://medaboutme.ru/articles/ot_mamy_ili_ot_papy_chikh_genov_i_mutatsiy_u_rebenka_bolshe/.

[4] Во всем виноваты эпигены? *Научная Россия*. 25.09.2021. Электронный ресурс https://scientificrussia.ru/articles/vo-vsem-vinovaty-epigeny.

[5] Что такое гены, какими они бывают и как определяют нашу жизнь. *РБК Тренды*. 18.08.2022. Электронный ресурс https://trends.rbc.ru/trends/social/62fcf1719a79475117532993.

детальное описание характеристик представленных понятий. При этом, как становится очевидно в последнем случае, составление развернутой дефиниции обусловливает трудности из-за тенденции к усложнению понимания вследствие введения дополнительных терминов, которые также могут потребовать пояснений.

Инверсионная дефиниция

В данном случае термин получает дефиницию только после развернутого описания понятия или явления.

Информация о каждом отдельном белке записана на отдельном участке молекулы ДНК, который называется ***ген***[6].

Иногда ошибки все же случаются: вместо одной буквы в ДНК появляется другая. Такие ошибки называют ***мутациями***[7].

В двух указанных случаях дефиниция частично раскрывает изначальный смысл термина, вложенный в рамки научного дискурса. Например, мутации определяются как изменения, а не ошибки [Пассарг 2020: 488].

Помимо наследственности на нашу ДНК влияет все, что происходит с нами в течение жизни. Изучением этого занимается ***эпигенетика***[8].

*На гены, передаваемые от родителей к потомству, накладывается сложный набор белков и химических веществ, определяющих способ их экспрессии, — все это известно как «****эпигеном****»*[9].

В последнем приведенном примере определение может быть понятно не всем читателям ввиду использования автором статьи для объяснения основного термина еще одного — «экспрессия», которое является многозначным.

Прием инверсионной дефиниции может быть полезен как инструмент формирования у читателя, ранее не знакомого с термином, базового представления о понятии или явлении. Его преимущество состоит в изначальном описании содержания — помещение термина в инверсионную позицию реализует переход от объяснения к нему, а не наоборот. При этом использование данного приема может быть осложнено стремлением либо к излишнему упрощению определения с искажением смысла термина, либо к его усложнению (например, объяснение одного термина через другой).

---

[6] Зачем нужны гены. *Наука ТАСС*. 09.03.2017. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/sci/6821440?ysclid=lfz6npuorm378159870.

[7] Научный альманах: информация в ДНК. *Теории и практики*. 26.07.2020. Электронный ресурс https://theoryandpractice.ru/posts/18151-nauchnyy-almanakh-informatsiya-v-dnk.

[8] Что такое эпигенетика и как она поможет нам жить дольше. *РБК Тренды*. 05.05.2023. Электронный ресурс https://trends.rbc.ru/trends/industry/6123ab8b9a79476f91a2e2de.

[9] Ученые: загрязнение окружающей среды сегодня влияет на гены правнуков. *Медицина обо мне*. 11.02.2022. Электронный ресурс https://medaboutme.ru/news/uchenye_zagryaznenie_okruzhayushchey_sredy_segodnya_vliyaet_na_geny_pravnukov/.

Ориентирующая дефиниция

Данный прием позволяет частично отразить содержание понятия через описание некоторых функций дефинируемого термина или его основных характеристик, обычно достаточных для создания общего представления в зависимости от требований контекста.

> ***Гены**, переданные от родителей, определяют не только цвет глаз, особенности телосложения или рост. Они несут в себе и многие важные вещи, определяющие здоровье*[10].

Термин определен через набор характеристик, что в рамках контекста конкретной статьи может быть вполне достаточным для понимания читателем ее дальнейшего содержания (как и в последующих примерах, описывающих применение данного приема).

> ***Ген** — самый маленький кусочек, на который можно разделить ДНК. Его можно «разобрать» на более мелкие химические элементы, но именно **ген** передается от родителей потомству как одно целое*[11].

Характеристика термина дается через уменьшительную форму слова «кусок» — «вообще часть чего-либо» [Кузнецов 2004]. Использование диминутива в данном случае может усложнить восприятие такого упрощения научного определения гена, как мельчайшей единицы наследственной информации. Далее в этом же примере термин дополнительно дефинируется через одну из своих функций.

> *В **ДНК** записана информация, позволяющая синтезировать все остальные сложно организованные молекулы*[12].

Определение дано через функции ДНК, которые включают в себя хранение, реализацию и передачу наследственной информации.

> *…**фенотип** — внешний вид клетки, который определяется **генотипом** и внешней средой*[13].

Дефиниция частично дает представление о сути термина («внешний вид клетки»), но при этом далее следует еще один термин («генотип»), который, в свою очередь, также может потребовать дополнительного пояснения.

> *Помимо генетики, есть еще и **эпигенетика** — факторы, которые определяют активность того или иного гена*[14].

---

[10] Наследственные болезни: когда обращаться к генетику. *Медицина обо мне*. 20.12.2018. Электронный ресурс https://medaboutme.ru/articles/nasledstvennye_bolezni_kogda_obrashchatsya_k_genetiku/.

[11] Что такое гены, какими они бывают и как определяют нашу жизнь. *РБК Тренды*. 18.08.2022. Электронный ресурс https://trends.rbc.ru/trends/social/62fcf1719a79475117532993.

[12] Стресс от бабушки, супермышцы и запасные органы. Что такое эпигенетика и как она работает. *Наука ТАСС*. 05.03.2019. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/sci/6816171.

[13] Что такое эпигенетика и как она поможет нам жить дольше. *РБК Тренды*. 05.05.2023. Электронный ресурс https://trends.rbc.ru/trends/industry/6123ab8b9a79476f91a2e2de.

[14] Гены, ранний старт и нестабильная психика. Верны ли стереотипы о гениальности? *Наука ТАСС*. 14.12.2021. Электронный ресурс https://nauka.tass.ru/nauka/13185555.

В данном случае дефиниция предоставляет аудитории только часть данных, входящую в характеристику описываемого понятия, что не позволяет получить полное представление о нем.

Аналогия

*…**ген** часто сравнивают с чертежом или планом, по которому организм строит себя*[15].

Автор строит дефиницию термина на основе известных читателю ассоциаций — описания сходных или пересекающихся черт у предметов сравнения с использованием фраз по типу «[термин] можно сравнить с…», «[термин] — это своего рода …» или сравнительной частицы «как».

*Сущность **генетики** отражают весьма распространенные пословицы: «Яблоко от яблони недалеко падает», «От осинки не родятся апельсинки»*[16].

Определение такого сложного раздела науки, как генетика, в данном случае вводится посредством использования общеизвестных пословиц.

Термины и понятия, предметы или явления, представляемые в рамках дефиниции как аналогичные, должны иметь существенное соотносимое сходство по какому-либо признаку.

Метафора

*…**РНК** — это посланник, несущий инструкции ДНК к фактическому механизму производства белков в каждой клетке*[17].

Данное определение основывается на значении слова «посланник»: «дипломатический представитель одного государства в другом, рангом ниже посла; чрезвычайный и полномочный представитель» [Кузнецов 2004]. Оно может создавать у адресата ошибочное представление о термине, «уводя» его от эталонного научного определения термина РНК, сформулированное следующим образом: «Полинуклеотид, по своей структуре похожий на ДНК, но содержащий рибозу вместо дезоксирибозы» [Пассарг 2020: 494]. Разница этих определений состоит не только в степени сложности, но и в акцентах на разные аспекты понятия. В научном определении внимание сосредоточено на структурных компонентах РНК, тогда как дефинирование посредством метафоры сфокусировано на описании некоторых ее функций, которые, в свою очередь, зависят от вида упомянутой макромолекулы [Cech 2012].

---

[15] Что такое гены, какими они бывают и как определяют нашу жизнь. *РБК Тренды*. 18.08.2022. Электронный ресурс https://trends.rbc.ru/trends/social/62fcf1719a79475117532993.

[16] Наследственные болезни: когда обращаться к генетику. *Медицина обо мне*. 20.12.2018. Электронный ресурс https://medaboutme.ru/articles/nasledstvennye_bolezni_kogda_obrashchatsya_k_genetiku/.

[17] Новый процесс позволяет получить более чистую РНК. *Научная Россия*. 07.08.2021. Электронный ресурс https://scientificrussia.ru/articles/novyj-process-pozvolaet-polucit-bolee-cistuu-rnk.

*Через **эпигеном**, считающийся мостиком между внешней средой и геномом человека, мы можем существенно влиять на свои привычки*[18].

В данном примере метафора используется для создания представления о термине через слово «мост» как «о чем-либо, что соединяет, является связующим звеном между чем-либо» [Кузнецов 2004] посредством выстраивания художественного образа.

Таким образом, метафора как прием дефинирования термина при корректном составлении может привносить элементы художественного стиля в научно-популярный текст и тем самым потенциально повышать интерес читателя (как образное средство). При этом его применение сопряжено с риском искажения научной информации, что демонстрируют примеры, приведенные ранее.

Комментарий

Прием заключается во введении в последующий за термином текст краткого пояснения в скобках. Его краткость продиктована целью — не отвлекать адресата от основного повествования. Задача использования этого приема — введение нового для читателя термина или напоминание значения ему уже известного, но важного для дальнейшего восприятия текста.

*Это привело к тому, что появились **полиморфизмы** генов (разнообразие)*[19].

Использование данного приема подразумевает введение в текст вставной конструкции, обычно содержащей далеко не исчерпывающее пояснение содержания термина.

Среди генетических факторов невосприимчивости к COVID-19 ученые выявили два защитных аллеля (разные формы одного и того же гена)[20].

В данном случае определение также дается с использованием уточняющей конструкции, но содержит еще и другой термин, «ген», который может усложнить понимание текста, поскольку никак не поясняется.

Помимо шести перечисленных выше приемов, за время проведения исследования были выделены еще два:

— прием этимологизации термина, заключающийся в полном или частичном пояснении термина через его происхождение;

— прием иллюстрации, основанный на введении изображения, комикса или видеоролика, поясняющего текст.

Дальнейшее изучение таких приемов, как комментарий и иллюстрация, в рамках данного исследования не рассматривалось в силу отличия формы таких определений от остальных. Прием этимологизации не был включен в анкетирование,

---

[18] Первый эшелон в борьбе с онкологическими заболеваниями. *Научная Россия.* 23.11.2022. Электронный ресурс https://scientificrussia.ru/articles/pervyj-eselon-v-borbe-s-onkologiceskimi-zabolevaniami.

[19] Генетические факторы развития диабета. *Медицина обо мне.* 13.12.2019. Электронный ресурс https://medaboutme.ru/articles/geneticheskie_faktory_razvitiya_diabeta/.

[20] Академик РАН объяснил невосприимчивость некоторых людей к COVID-19. *РБК Тренды.* 02.08.2021. Электронный ресурс https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61074dc39a79474d6934cc37.

проведенное на следующем этапе, так как количество выявленных примеров невелико (1 эпизод):

В дословном переводе ***эпигенетика*** *означает «над-генетика»*[21].

Приставка *эпи-* (с греч. «на-, над-, сверх-») является составной частью иностранных слов, указывая на расположение поверх, выше, возле чего-либо, следование за чем-либо и т. д.

Результаты анкетирования

В анкетировании, осуществленном на втором этапе исследования, приняли участие 103 респондента разного возраста и уровня образования. Две основные возрастные группы участников опроса составили 27 человек в возрасте 25–34 лет (26,2 %) и 25 человек 55–64 лет (24,3 %).

Большинство респондентов обозначили уровень своего образования как высшее — 87 опрошенных (84,5 %); медицинское образование есть у 31 респондента (30,1 %), оконченное — у 29 человек (93,6 %), нет такового у 72 респондентов (69,9 %). Преобладающими сферами трудовой деятельности стали наука и образование у 38 опрошенных (36,8 %) и здравоохранение — у 17 человек (16,5 %).

Вопросы основной части анкеты были сформулированы таким образом, чтобы приемы не повторялись, позволяя респондентам в каждом случае выбрать наиболее понятное для них определение. Первый вопрос основной части был сформулирован следующим образом: «Выберите наиболее корректное и полное определение. *Генетика — это наука о…*» Вариант «…о закономерностях наследственности и изменчивости» выбрали 93 % респондентов; «…о способах влияния на наследственные качества будущих поколений» и «…о наследственных заболеваниях» — по 3 % опрошенных; «…о химическом составе живых клеток и организмов, а также о процессах их жизнедеятельности» — 1 % участников опроса. Вариант «…о чем-то, связанном с наследованием и тому подобным» не выбрал ни один из респондентов.

Во втором вопросе основной части анкеты респондентам предлагали выбрать из двух предложенных вариантов определение термина ДНК, субъективно вызывающее больший интерес по сравнению друг с другом: «ДНК — это носитель генетической информации» (предпочли 60 % участников опроса), «ДНК — это чертеж жизни» (выбрали 10 % опрошенных). Интересным посчитали оба варианта 30 % респондентов, никто из опрошенных не считает оба варианта неинтересными.

Последний вопрос анкеты был поставлен следующим образом: «Какое определение термина РНК (рибонуклеиновая кислота) является для Вас наиболее понятным?»: «РНК — это результат считывания гена — конкретного участка ДНК» (выбрал 21 % опрошенных); «РНК — это короткая копия ДНК» (считают 8 % респондентов); «РНК — это посланник, несущий инструкции ДНК к фактическому механизму производства белков в каждой клетке» (предпочли 17 % участников опроса); «РНК — это рибонуклеиновая кислота, в ней одна нить вместо двух» (ответили 54 % опрошенных).

---

[21] Во всем виноваты эпигены? *Научная Россия*. 25.09.2021. Электронный ресурс https://scientificrussia.ru/articles/vo-vsem-vinovaty-epigeny.

Распределение ответов респондентов более 50 % на вариант в каждом из трех вопросов позволило выявить приемы, показавшие наилучшие результаты в рамках основной части представленного анкетирования:

— собственно дефиниция с составлением как упрощенного, так и развернутого определения термина; при их использовании возникает необходимость исключения тенденции к излишнему упрощению определения с потерей части его изначального содержания и использования конструкций (например, объяснение «термин через термин»), усложняющих понимание содержания термина;

— ориентирующая дефиниция, реализующаяся через описание функции или значимой (отличительной) характеристики дефинируемого понятия как аспекта, позволяющего читателю ответить на вопросы по типу «Что делает [термин]? Зачем нужен [термин]? Какова функция [термина]» и т. п.;

— метафора, привносящая элемент художественного стиля в научно-популярный текст и тем самым повышающая интерес читателя как образное средство, а при корректном составлении облегчающее его понимание.

Полученные результаты можно объяснить уровнем образования большей части респондентов (высшее). Для более детального изучения восприятия приемов требуется дальнейшее расширение аудитории анкетирования с привлечением участников опроса с более разнородным образовательным уровнем.

Выводы

В представленном исследовании выделены и рассмотрены приемы дефинирования терминов генетики в рамках научно-популярного дискурса СМК, который обладает особенностями, обусловленными непосредственной связью с научным дискурсом. В то же время эта специфика проявляется в силу нацеленности дискурса на популяризацию научного знания, т. е. на распространение информации из определенной научной области в форме, доступной для понимания неспециалиста.

Такой подход определяет процесс адаптации научной информации к уровню понимания адресатов дискурса посредством смешения черт научного стиля и языка СМК, а также посредством применения стилистических приемов, характерных для художественного стиля, например метафоры.

Использованием в рамках научно-популярного дискурса специальной лексики, а именно терминов из сферы генетики, определяется потребность в ее объяснении. Корректно соотносящаяся с научной версией дефиниция термина дает читателям научно-популярного текста представление о нем, его функции или значимой черте. Наблюдающееся разнообразие форм определений, в свою очередь, нацелено на обеспечение понимания адресатом текста сути термина в пределах требований контекста.

Помимо этого, в ходе анализа иллюстративного материала выделены ошибки, допускаемые авторами научно-популярных текстов. Наиболее часто подобные недочеты и несоответствия научному эталону обусловлены прямо противоположными причинами: или излишней тенденцией к усложнению дефиниции и приближению ее к научной, или чрезмерным упрощением определения с частичной потерей изначально заложенного смысла. Такие искажения могут создавать у адресата некорректное представление об описываемом явлении или понятии, подразумеваемом под термином.

Подводя итог, следует подчеркнуть важность дальнейшего изучения характеристик и закономерностей функционирования научно-популярного дискурса с целью последующей разработки практических рекомендаций по корректному дефинированию научных терминов для авторов научно-популярных текстов. Это позволит избежать упомянутых ошибок в представлении научного знания, тем самым исключая его искажение и обеспечивая распространение в обществе достоверной научной информации.

Литература

Багиян, А. Ю. (2014). Особенности процесса детерминологизации английской технической терминологии в научно-популярном дискурсе (квантитативный анализ). *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, *8*, 313–316.

Багиян, А. Ю. (2017). Дискурсивные механизмы популяризации элементов научного знания: когниолингвистический аспект (на материале английского языка). *Научный диалог, 6*, 9–28.

Васильева, Т. П., Зинченко, Р. А., Комаров, И. А., Красильникова, Е. Ю., Александрова, О. Ю., Коновалов, О. Е., Куцев, С. И. (2020). Распространенность и вопросы диагностики редких (орфанных) заболеваний среди детского населения Российской Федерации. *Педиатрия им. Г. Н. Сперанского*, *99* (4), 229–237.

Голев, Н. Д., Шпильная, Н. Н. (2021). Обыденная медиакоммуникация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления. *Медиалингвистика, 8* (1), 23–34.

Голованова, Е. И. (2013). Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий. *Вестник Челябинского государственного университета, 1* (292), 32–35.

Гринев-Гриневич, С. В., Сорокина, Э. А., Молчанова, М. А. (2022). Еще раз к вопросу об определении термина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 3*, 710–729.

Даев, Е. В. (2015). О некоторых причинах и следствиях искажения научной информации на примере ГМО. *Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения, 10* (2), 775–777.

Даниленко, В. П. (1977). *Русская терминология: опыт лингвистического описания*. М.: Наука.

Долгов, А. Ю. (2021). «На этом пути возможны разные неприятности»: что специалисты говорят о медицинской генетике в России (по результатам экспертных интервью). *Праксема. Проблемы визуальной семиотики, 3* (29), 97–115.

Дорцуева, Н. И. (2015). Особенности функционирования профессионально маркированных концептов медицинского дискурса в современных СМИ. *CETERIS PARIBUS, 1*, 64–66.

Дорцуева, Н. И. (2016). Функции концептуальной метафоры в текстах научно-популярного медицинского дискурса. *Universum: филология и искусствоведение, 11* (33), 3.

Дронова, Г. Е. (2005). Способы объяснения термина в академической лекции. *Известия Уральского государственного университета, 39*, 207–220.

Коренева, О. Б. (2021). Открытый доступ к глобальной медицинской информации в массмедиа: специализированный перевод и русско-немецко-испанская терминология. *Медиалингвистика, 8* (1), 90–98.

Костерина, Ю. Е., Кондратюкова, Л. К. (2014). Критерии и принципы отбора терминов. *Омский научный вестник*, *1* (125), 133–137.

Костяшина, Е. А. (2008). Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала. *Вестник Томского государственного университета, 306*, 7–10.

Кузнецов, С. А. (Ред.) (2004). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.

Мацепуро, Д. М. (2022). Оценка уровня генетической грамотности у студентов различных профилей подготовки: пилотное исследование. *Правовое регулирование геномных исследований и практического использования их результатов в России: сборник статей* (с. 63–69). Томск: Том. гос. ун-т.

Пассарг, Э. (2020). *Наглядная генетика*. М.: Лаборатория знаний.

Пахомова, И. С. (2019). Специфика медицинского дискурса (на материале аутентичных текстов по нейрохирургии). *Филология и человек, 3*, 158–165.

Рассолова, Е. Н., Галкин, К. А. (2023). Взаимодействие гражданской науки с обществом: особенности и противоречия. *Знание. Понимание. Умение, 4*, 115–125.
Степанова, Е. С. (2019). Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса. *Вестник Томского государственного педагогического университета, 4* (201), 95–101.
Тархов, К. Ю. (2023). Приоритетные направления развития медицинской науки в мире. *Здоровье мегаполиса, 4* (2), 120–139.
Таюпова, О. И. (2019). Медиамедицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики). *Российский гуманитарный журнал, 8* (5), 352–360.
Чинь, Х. Х. (2017). Способы введения и раскрытия значения терминов в текст (на материале русского и английского языков). *Гуманитарные научные исследования*, *5* (69). Электронный ресурс https://human.snauka.ru/2017/05/23954.
Шелегова, Д. А., Лопатина, М. В., Чигрина, В. П., Самофалов, Д. А., Медведев, В. А., Тюфилин, Д. С., Концевая, А. Н., Деев, И. А., Драпкина, О. М., Кобякова, О. С. (2023). *Оценка грамотности населения в вопросах здоровья, включая навигационную грамотность*. Электронный ресурс https://mednet.ru/images/materials/statistika/2023/med_gr_v6.pdf.
Anderson, A. (2002). In search of the Holy Grail: Media discourse and the new human genetics. *New Genetics and Society, 21* (3), 327–337.
Cech, T. R. (2012). The RNA Worlds in Context. *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*, *4* (7), 6742–6742.
Critchlow, H. (2019). *The Science of Fate*. London: Hodder & Stoughton.
Gonick, L. (1991). *The Cartoon Guide to Genetics*. Updated Edition. New York: Harper Perennial.
Kline, K. (2017). Popular Media and Exposure to Health and Risk Messages. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Электронный ресурс https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-330.
Kratz, F. R., Spock, L. (2023). *Genetics for Dummies*. Hoboken: John Wiley & Sons.
Lanie, A. D., Jayaratne, T. E., Sheldon, J. P., Kardia, S. L. R., Anderson, E. S., Feldbaum, M., Petty, E. M. (2004). Exploring the Public Understanding of Basic Genetic Concepts. *Journal of Genetic Counseling, 13* (4), 305–320.
Miller, E. G., Woodward, A. L., Flinchum, G., Young, J. L., Tabor, H. K., Halley, M. C. (2021). Opportunities and pitfalls of social media research in rare genetic diseases: a systematic review. *Genetics in Medicine, 23* (12), 2250–2259.
Narci, M. (2021). Changes and New Trends in Health Communication. In *Communication and Technology Congress*. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/353603317_Changes_and_New_Trends_in_Health_Communication/.
Ostergren, J. E., Dingel, M. J., McCormick, J. B., Koenig, B. A. (2015). Unwarranted Optimism in Media Portrayals of Genetic Research on Addiction Overshadows Critical Ethical and Social Concerns. *Journal of Health Communication, 20* (5), 555–565.
Parrott, R., Worthington, A., Smith, R., Chadwick, A. (2015). *Communicating about Genes, Health, and Risk. Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Электронный ресурс https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-8.
Petersen, A. (2001). Biofantasies: Genetics and medicine in the print news media. *Social Science & Medicine, 52* (8), 1255–1268.
Ramesh, A., Parvathi, V. (2020). Prenatal diagnosis: A connotation on genetic counseling being indispensable. *Indian Journal of Public Health, 64* (1), 83.
Trifu, S. C., Kohn, B., Vlasie, A., Patrichi, B. E. (2020). Genetics of schizophrenia (Review). *Experimental and Therapeutic Medicine, 20* (4), 3462–3468.

Статья поступила в редакцию 12 мая 2024 г.;
рекомендована к печати 26 октября 2024 г.

Контактная информация:

Донскова Юлия Викторовна — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0001-8002-603X, mehetabel@mail.ru
Киселева Анна Юрьевна — ассистент; https://orcid.org/0009-0002-5421-455X, kiselyova.anna33@gmail.com

Methods of defining genetic-related terms as the main elements of the popular science media discourse

Y. V. Donskova, A. Yu. Kiseleva

Sechenov University,
8/2, ul. Trubetskaya, Moscow, 119048, Russian Federation

For citation: Donskova Y. V., Kiseleva A. Yu. (2025). Methods of defining genetic-related terms as the main elements of the popular science media discourse. *Media Linguistics*, *12* (1), 59–76. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.104 (In Russian)

This article deals with the methods for explaining special genetic-related terms used in the media as the main concept elements of popular science discourse. The relevance of the chosen topic is due to the need to study the understanding degree of such methods by a non-specialized audience, as well as to estimate the correctness of scientific data transmission. The study sources included popular scientific texts about genetics published in the following media during 2017–2023: "Meditsina obo mne", "RBK Trendy", "Teorii i praktiki", the heading "Nauka" of the TASS news agency, "Biomolekula" and "Nauchnaia Rossiia". The first stage included the identification and classification of defining methods for the following terms: "genetics", DNA, RNA, "gene", "allele", "genetic polymorphism", "epigenome", "epigenetics", "mutation" and "phenotype". At the second stage the questionnaire was engaged. It was aimed at assessing the recipients' understanding of identified defining methods for explaining the genetic-related terms. The results obtained included: 1) eight methods for defining genetic-related terms (the definition itself, the inversive definition, the orientating definition, the analogy, the metaphor, the commentary, the etymologization and the illustration); 2) identification and description of their main features (including factors influencing the correct scientific data transmission); 3) recognition of the methods which ensure the best understanding of definitions by the audience (based on the results of the survey: the definition itself, the orienting definition and the metaphor). The authors conclude that the distribution of reliable scientific information via mass media can be achieved by maintaining a balance between two tendencies: to bring the definition closer to the scientific one and to oversimplify it. The latter only leads to a partial loss of the original meaning.

Keywords: scientific communication, medical communication, medical discourse, media discourse, terminology.

References

Anderson, A. (2002). In search of the Holy Grail: Media discourse and the new human genetics. *New Genetics and Society*, *21* (3), 327–337.

Bagiyan, A. Yu. (2014). Features of the process of determinologization of English technical terminology in popular scientific discourse (quantitative analysis). *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, *8*, 313–316. (In Russian)

Bagiyan, A. Yu. (2017). Discursive mechanisms of popularization of elements of scientific knowledge: a cognolinguistic aspect (based on the material of the English language. *Nauchnyi dialog*, *6*, 9–28. (In Russian)

Cech, T. R. (2012). The RNA Worlds in Context. *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*, *4* (7), 6742–6742.

Critchlow, H. (2019). *The Science of Fate*. London: Hodder & Stoughton.

Gonick, L. (1991). *The Cartoon Guide to Genetics*. New York: Harper Perennial.

Golev, N. D., Shpil'naia, N. N. (2021). Ordinary media communication as a socio-speech sphere: The problem statement and the boundaries of manifestation. *Media Linguistics, 8* (1), 23–34. (In Russian)

Golovanova, E. I. (2013). Professional discourse, subdiscourse, the genre of professional communication: correlation of concepts. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, *1* (292), 32–35. (In Russian)

Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, Je. A., Molchanova, M. A. (2022). Reconsidering the Definition of the Term. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 13, 710–729. (In Russian)

Chin', H. H. (2017). Methods of introducing and disclosing the meaning of terms in the text (based on the material of the Russian and English languages). *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, *5* (69). Retrieved from https://human.snauka.ru/2017/05/23954. (In Russian)

Daev, E. V. (2015). On some causes and consequences of distortion of scientific information on the example of GMOs. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ih resheniia*, *10* (2), 775–777. (In Russian)

Danilenko, V. P. (1977). *Russkaia terminologiia: opyt lingvisticheskogo opisaniia*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Dolgov, A. Ju. (2021). "There may be various troubles along the way": what experts say about medical genetics in Russia (based on the results of expert interviews). *Praksema. Problemy visual'noi semiotiki*, *3* (29), 97–115. (In Russian)

Dorcueva, N. I. (2015). Functioning features of professionally labeled medical concepts in modern media. *CETERIS PARIBUS*, *1*, 64–66. (In Russian)

Dorcueva, N. I. (2016). The functions of a conceptual metaphor in the texts of popular scientific medical discourse. *Universum: filologiia i iskusstvovedenie*, *11* (33), 3. (In Russian)

Dronova, G. E. (2005). The ways to explain a term at an academic lecture. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, *39*, 207–220. (In Russian)

Koreneva, O. B. (2021). Open access to global health information in mass media: Specialized translation and Russian-German-Spanish terminology. *Media Linguistics*, *8* (1), 90–98. (In Russian)

Kosterina, Ju. E., Kondratjukova, L. K. (2014). Criteria and principles for the selection of terms. *Omskii nauchnyi vestnik*, *1* (125), 133–137. (In Russian)

Kostjashina, E. A. (2008). Functional interaction of scientific, medical and popular scientific discourses in the text space of a popular scientific medical journal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, *306*, 7–10. (In Russian)

Kline, K. (2017). Popular Media and Exposure to Health and Risk Messages. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Retrieved from https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-330.

Kratz, F. R., Spock, L. (2023). *Genetics For Dummies*. Hoboken: John Wiley & Sons.

Kuznetsov, S. A. (Ed.) (2004). *The Great Explanatory Dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)

Lanie, A. D., Jayaratne, T. E., Sheldon, J. P., Kardia, S. L. R., Anderson, E. S., Feldbaum, M., Petty, E. M. (2004). Exploring the Public Understanding of Basic Genetic Concepts. *Journal of Genetic Counseling*, *13* (4), pp. 305–320.

Miller, E. G., Woodward, A. L., Flinchum, G., Young, J. L., Tabor, H. K., Halley, M. C. (2021). Opportunities and pitfalls of social media research in rare genetic diseases: a systematic review. *Genetics in Medicine, 23* (12), 2250–2259.

Macepuro, D. M. (2022). Assessment of the genetic literacy level among students of various training directions: a pilot trial. *Pravovoe regulirovanie genomnykh issledovanii i prakticheskogo ispol'zovaniia ikh rezul'tatov v Rossii: sbornik statei* (pp. 63–69). Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Narci, M. (2021). Changes and New Trends in Health Communication. In *Communication and Technology Congress*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/353603317_Changes_and_New_Trends_in_Health_Communication/.

Ostergren, J. E., Dingel, M. J., McCormick, J. B., Koenig, B. A. (2015). Unwarranted Optimism in Media Portrayals of Genetic Research on Addiction Overshadows Critical Ethical and Social Concerns. *Journal of Health Communication*, *20* (5), 555–565.

Passarge, E. (2020). *Nagliadnaia genetika*. Moscow: Laboratoriia znanii Publ. (In Russian)

Pahomova, I. S. (2019). The specific features of medical discourse (based on authentic texts on neurosurgery). *Filologiia i chelovek*, *3*, 158–165. (In Russian)

Parrott, R., Worthington, A., Smith, R., Chadwick, A. (2015). Communicating about Genes, Health, and Risk. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Retrieved from https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-8.

Petersen, A. (2001). Biofantasies: genetics and medicine in the print news media. *Social Science & Medicine 52* (8), 1255–1268.

Rassolova, E. N., Galkin, K. A. (2024). Interaction between civil science and society: Specific features and contradictions. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, *4*, 115–125. (In Russian)
Ramesh, A., Parvathi, V. (2020). Prenatal diagnosis: A connotation on genetic counseling being indispensable. *Indian Journal of Public Health*, *64* (1), 83.
Stepanova, E. S. (2019). Linguocognitive features of popular scientific medical discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, *4* (201), 95–101. (In Russian)
Shelegova, D. A., Lopatina, M. V., Chigrina, V. P., Samofalov, D. A., Medvedev, V. A., Tjufilin, D. S., Koncevaja, A. N., Deev, I. A., Drapkina, O. M., Kobjakova, O. S. (2023). *Assessment of public health literacy, including navigation literacy*. Retrieved from https://mednet.ru/images/materials/statistika/2023/med_gr_v6.pdf. (In Russian)
Tarhov, K. Ju. (2023). Global priority directions for the development of medical science. *Zdorov'e megapolisa*, *4* (2), 120–139. (In Russian)
Tajupova, O. I. (2019). Mass media medical discourse as an object of linguistic research (based on the material of modern German magazine periodicals). *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, *8* (5), 352–360. (In Russian)
Trifu, S. C., Kohn, B., Vlasie, A., Patrichi, B. E. (2020). Genetics of schizophrenia (Review). *Experimental and Therapeutic Medicine*, *20* (4), 3462–3468. https://doi.org/10.3892/etm.2020.8973
Vasilieva, T. P., Zinchenko, R. A., Komarov, I. A., Krasilnikova, E. Yu., Aleksandrova, O. Yu., Konovalov, O. G., Kutsev, S. I. (2020). Prevalence and issues of diagnosis of rare (orphan) diseases among the child population of the Russian Federation. *Pediatriia imeni G. N. Speranskogo*, *99* (4), pp. 229–237. (In Russian)

Received: May 12, 2024
Accepted: October 26, 2024

Authors' information:

Yulia V. Donskova — PhD in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-8002-603X, mehetabel@mail.ru
Anna Yu. Kiseleva — Assistant; https://orcid.org/0009-0002-5421-455X, kiselyova.anna33@gmail.com

УДК 81.42 Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Манипулятивный функционал вторичной номинации в сетевом дискурсе*

Л. В. Рацибурская, Е. Н. Широкова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Для цитирования: Рацибурская Л. В., Широкова Е. Н. (2025). Манипулятивный функционал вторичной номинации в сетевом дискурсе. *Медиалингвистика*, *12* (1), 77–94.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.105

Представлен полиаспектный (когнитивно-дискурсивный, прагмалингвистический, структурно-семантический, словообразовательный) анализ языковых знаков вторичной номинации как средства ведения информационной войны. Материалом исследования, впервые введенным в научный оборот, послужили лексические и словообразовательные новации в текстах блогов и Telegram-каналов, освещающих события СВО и объединенных общностью тематики, аксиологических установок коммуникантов, их активным взаимодействием друг с другом, нацеленностью на изменение картины мира адресата. В результате проведенного исследования выявлены характерные черты анализируемых языковых знаков вторичной номинации, обусловленные спецификой дискурса, в котором они функционируют: частотность, тесная корреляция с актуальными политическими и экономическими событиями, негативная оценочность, направленная на оппонента противостояния, манипулятивная функция, быстрый переход индивидуально-авторских номинаций в статус узуальных речевых средств участников дискурса. Рассмотрены когнитивно-дискурсивные механизмы создания индивидуально-авторских знаков вторичной номинации: гиперболизация на основе манипулятивного приема замены *модуса возможности* на *модус неизбежности* с целью актуализации концептуальной зоны «неизбежная смерть»; моделирование анахроний, базирующихся на концептуальном совмещении реалий современной Украины с реалиями гитлеровской Германии, событиями ВОВ и деятельностью хунты; номинации на основе метонимии, внутренней формой которых выступают когнитивные признаки, наносящие урон имиджу конкретных политиков. Доказана роль метафоризации и метонимизации в реализации манипулятивных когнитивно-дискурсивных приемов информационно-психологического воздействия. Описаны словообразовательные средства, участвующие в формировании коннотативных значений индивидуально-авторских знаков вторичной номинации, определяемых интенциями авторов как акторов информационной войны. В ходе исследования использовались когнитивно-дискурсивный, коммуникативно-прагматический, структурно-семантический методы, а также методы контекстуального и словообразовательного анализа.

Ключевые слова: вторичная номинация, метафоризация, словообразование, информационная война, сетевой дискурс.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, https://rscf.ru/project/23-28-00368/.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Постановка проблемы

Гипероним «сетевой дискурс» является удобным инструментом анализа различных типов дискурса, поскольку позволяет моделировать объект описания на основании признаков, выделяемых в зависимости от целей исследования. В качестве таких признаков выступают сфера и функции коммуникации, тематика, ценностно-смысловая доминанта дискурса [Ахнина, Куриленко 2015; Бушуев 2022], общность языка и коллективной цели коммуникантов (например, социокультурная адаптация в новой стране, сохранение национально-культурной и языковой идентичности участников сетевого диаспорального дискурса) [Орлова, Ван 2024: 7, 10], интенции коммуникантов, тематика, правовой статус, жанровая реализация [Зайцева 2021].

При этом актуальным является исследование жанрового своеобразия сетевого дискурса [Карасик 2018; Карасик 2019; Щурина 2020] и его лингвопрагматических характеристик [Гапутина 2023; Карасик 2023], в том числе конфликтогенности сетевого дискурса, так как «именно социальные сети стали киберунифицированной площадкой вербализованной агрессии, которая проявляется весьма разнообразно» [Трофимова 2022: 77].

Наряду с этим нельзя не отметить тот факт, что в определенных сегментах сетевого дискурса вербализованная агрессия выступает как важнейший инструмент ведения информационных войн. Такая корреляция обусловлена пересечением целей речевой агрессии и информационной войны, предполагающих «языковое воздействие на когнитивные схемы интерпретации действительности» [Кушнерук, Курочкина 2020: 98]. К речевым средствам воздействия относятся индивидуально-авторские знаки вторичной номинации, коннотативные значения которых в полной мере определяются интенциями авторов, выступающих в качестве акторов информационной войны. Целью работы является описание таких знаков вторичной номинации в прагмалингвистическом и когнитивно-дискурсивном аспектах.

История вопроса

В научной литературе XXI в. термин «сетевой дискурс» используется для обозначения комбинации разных типов дискурса интернет-коммуникации, обладающих специфическими чертами, которые обусловлены каналом и способом коммуникации, типом взаимоотношения участников, поликодовостью и полимодальностью, гипертекстовой организацией. Среди конституирующих признаков сетевого дискурса исследователи отмечают общение в социальных сетях, широкий круг коммуникантов, размывание границ между приватной и публичной коммуникацией, объединение элементов личностного и статусного типов дискурса [Карасик 2018: 153], быстроту реагирования на общественные вызовы, интерактивность [Блинова 2019: 81], реализацию в блогах и социальных сетях, неофициальность [Орлова, Ван 2024: 7].

Феномен социальных сетей — актуальный объект междисциплинарных исследований в последнее десятилетие. В частности, в коллективной монографии «Социальные сети: комплексный лингвистический анализ» в трех томах последовательно рассматривается коммуникация социальных сетей в социолингвистическом, лингвокогнитивном, дискурсивном, лингвоперсонологическом, речежанровом и лингвоконфликтологическом аспектах [Голев 2021; Голев 2022]. В зарубежной лингвистике

социальные сети изучаются как эффективное средство ведения информационной войны, а также кибервойн [Straub 2019: 2], одним из аспектов которых является осуществление психологического воздействия на сообщества людей посредством семантических атак с целью разжигания конфликтов и дестабилизации ситуации в обществе [Libicki 1995: 77–83]. При этом отмечается роль социальных сетей как проводников дезинформации, чему способствует распространение слухов, переключение внимания пользователей с жизненных реалий на эмоциональные регистры, формирование оппозиции «свои — чужие». Все это, в свою очередь, приводит к наполнению социальных сетей эмоционально заряженными сообществами [Young 2021: 3]. Последнее обусловливает актуальность выявления механизмов результативного манипулятивного воздействия на эмоции людей с целью достижения политических целей, в том числе для определения социальной идентичности разных групп общества и формирования образа врага [McDermott 2020: 3–4].

Наряду с этим на материале разных типов дискурса исследуется информационное политическое противоборство в дискурсологическом и лингвистическом аспектах [Васильев 2014; Копнина, Еремина 2023; Кушнерук 2020; Сковородников 2017; Сковородников 2019; Сковородников 2020; Сковородников 2021; Сковородников, Копнина 2016]. В частности, осуществляется описание языковых метафор с целью «выявления механизмов информационно-психологического воздействия» [Калинин 2023: 126]; анализируются особенности функционирования военной лексики и лексики войны в медийном пространстве [Голованова 2023], в региональном речевом дискурсе Донбасса [Курмакаева 2023]; манипулятивный потенциал новообразований социальных сетей [Мельник 2022; Рацибурская 2023]; исследуются лексико-фразеологические новации, в том числе знаки вторичной номинации, как специализированные аксиологические средства [Сковородников, Копнина 2022], являющиеся «одновременно и оружием, и следствием информационно-психологических войн», среди которых частотны негативаторы — «единицы с негативной функцией: политические ярлыки, инвективы, террибилятизмы, симулятизмы, оценочные коннотаты и негативаторы-эфмемизмы» [Копнина, Кошкарова, Сковородников 2021: 383, 397]; рассматриваются приемы языковой игры как средство дискредитации оппонента [Плотникова 2015].

Исследование лингвистических аспектов ведения информационной войны особенно актуально в связи с вызовами последних лет. Новизна данной работы заключается в описании когнитивно-дискурсивных и языковых механизмов реализации манипулятивной функции гиперболизации на основе приема замены *модуса возможности* на *модус неизбежности*; в выявлении способов моделирования анахроний, направленных на дискредитацию мишени противостояния; в осуществлении полиаспектного (когнитивно-дискурсивного, прагмалингвистического, словообразовательного, структурно-семантического) анализа языковых знаков вторичной номинации как средства ведения информационной войны.

Описание методики исследования

Материалом исследования послужили блоги в социальных сетях, а также сообщения в Telegram-каналах, освещающие события СВО и политико-экономическое противостояние сторон-участников конфликта. Основанием для объединения

этого материала в единый дискурс стали его тематика, общность аксиологических установок коммуникантов, их активное взаимодействие друг с другом, нацеленность на изменение картины мира адресата с опорой на формирование ценностно значимой оппозиции «свои — чужие» (стороны-участники конфликта; англосаксы — остальной мир).

Анализируемые знаки вторичной номинации фиксировались с момента формирования сегмента сетевого дискурса, освещающего события СВО (февраль 2022 г.), в течение 2022–2024 гг. Выбор электронных источников языкового материала обусловлен их тематикой, а также популярностью у русскоязычной аудитории, что определялось по количеству подписчиков и просмотров. Всего проанализировано 726 вербальных и поликодовых текстов.

Среди речевых особенностей анализируемого сетевого дискурса следует отметить частотность использования индивидуально-авторских знаков вторичной номинации, выступающих как средство «кодирования и выражения социально значимого речевого смысла, интепретированного и “переплавленного” в когнитивно-дискурсивном “котле”» [Алефиренко 2009: 33]. Причем постоянное взаимодействие и репосты участников дискурса приводят к тому, что удачные индивидуально-авторские новации быстро становятся частотными и приобретают статус узуальных речевых средств в данном сегменте сетевого дискурса.

При анализе материала исходим из того, что авторы медиатекстов описываемого дискурса являются акторами информационной войны, а прагматика создаваемых ими знаков вторичной номинации заключается «в причинении урона субъекту оппозиции информационно-психологической войны» [Кушнерук, Курочкина 2020: 99].

Описание материала осуществлялось в несколько этапов:

— выявление манипулятивных когнитивно-дискурсивных приемов ведения информационной войны (гиперболизация на основе замены *модуса возможности* на *модус неизбежности*; моделирование негативно-оценочных анахроний; метонимизация, актуализирующая признаки, наносящие урон имиджу конкретных политиков);

— рассмотрение языковых средств реализации данных приемов.

Исследование проводилось с помощью методов когнитивно-дискурсивного, коммуникативно-прагматического, структурно-семантического анализа, а также контекстуального и словообразовательного анализа.

Анализ материала и результаты исследования

С целью изменения ценностной картины мира адресата в анализируемом дискурсе активно используется стратегия речевой агрессии, реализуемая с помощью тактики вторичной номинации. Частотность таких номинаций связана с тем, что именно слово — важнейшее языковое средство воздействия в информационных войнах, а конкретно его семантика, имиджеобразующая, аксиологическая и культурная функции [Васильев, Подсохин 2016: 12]. Рассмотрим языковые и когнитивно-дискурсивные механизмы создания таких знаков вторичной номинации.

1. Гиперболизация, в основе которой лежит манипулятивный прием замены *модуса возможности* на *модус неизбежности,* направленный на актуализацию кон-

цептуальной зоны «неизбежная смерть»: *Под Авдеевкой для них все очень и очень плохо и дальнейшее упорство здесь сопряжено с огромными потерями и с далеко не очевидным результатом. Тем не менее политическое решение принято и* ***тысячи украинских солдат им приговорены к смерти…***[1]

На языковом уровне этот прием реализуется с помощью созданных на основе игровых способов словообразования дисфемизмов, актуализирующих ассоциативные связи с концептом «смерть»: *Солдат ВСУ против* ***насильственной могилизации*** *населения Украины…*[2]; *Американские «Абрамсы» скрываются от участия в боевых действиях куда успешнее аборигенов, регулярно отлавливаемых* ***могилизаторами*** *Хунты…*[3]*; В Харькове убит второй ТЦКшник. На этот раз отцом, сына-астматика которого* ***могилизировали*** *несмотря на диагноз*[4]; *Оказывается, ему просто не давали выбрать подразделение, где можно будет* ***могилизироваться***[5].

Наряду с этим дисфемизмы создаются на основе метафорического переноса из зоны-донора «животноводство» с актуализацией метафорических моделей (1) «сельскохозяйственные животные → человек», (2) «переработка сельскохозяйственных животных → уничтожение людей», (3) «руководство ВСУ → работники скотобойни». При этом характерное для метафоризации изменение категориальных и концептуальных связей языкового знака направлено на переоценку ценностных компонентов концепта «воин» путем замены семантического компонента «человек» на компонент «животное» и соответственно на формирование негативно-оценочного прагматического значения знака вторичной номинации, например: *На видео вы не увидите ни «Абрамсов», ни «Леопардов» ни прочих «Бредли», которые могли бы броней прикрыть. А только людей, которых* ***Зе-мясники*** *сейчас* ***отправят в мясорубку***[6]; *Сырский известен тем, что никогда не считал потери. Солдаты ВСУ называют его* ***мясником.*** *В ближайшее время* ***мясник отправит*** *новую порцию* ***украинских солдат на переработку*** *ради западных, в первую очередь британских, интересов*[7]; *Здесь военнослужащий ВСУ, которому казалось бы «в масть», чтобы ему в помощь упыри* ***из*** *ТЦК нагнали побольше* ***«мяса»,*** *возмущается*[8]; *Кто-то из руководства МВС по Днепропетровской области пришел заставить местных полицейских выполнить* ***наказ пана-атамана*** *ввиду отсутствия желающих умирать за британские интересы, отправить на* ***«мясокомбинат» (фронт) 35 голов*** *из состава местной полиции <…> Как видим,* ***«бараны»*** *не согласны умирать и* ***блеют,*** *что они не пойдут, потому что это якобы не по закону. Странные, ей Богу. А что же они не вспоминали о законе, когда паковали других несчастных для*

---

[1] Война на Украине (12.02.24): Авдеевка — ВСУ будут драться до конца... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13225.

[2] Солдат ВСУ против насильственной могилизации населения Украины... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12995.

[3] Американские «Абрамсы» скрываются… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21719?single.

[4] В Харькове убит второй ТЦК шник. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12719.

[5] Пока мы тут спали… *Насправді*. Электронный ресурс https://t.me/naspravdiinfo/88425.

[6] Стервятники... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12875.

[7] Там же.

[8] Солдат ВСУ: «Сказать, что меня бомбит, это значит вообще ничего не сказать». *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12648.

все того же ***мясокомбината?***[9]; *Могилизация на Украине — в* ***мясорубку*** *кинут* ***молодняк***[10]; *В общем нас сейчас это мало заботит, кто и как переставляет* ***свиней в свинарнике.*** *Наше дело* ***ЗАБОЙ****! Даешь* ***забой свинины*** *государству!* ***Мясорубка*** *продолжается*[11]; *Теперь, когда* ***бараны*** *поняли, что они* ***бараны, а живодерня*** *— это их удел, некоторые начали думать*[12].

2. Прием анахронии, направленный на формирование устойчивых ассоциативных связей между событиями разных исторических периодов. Этот прием реализуется с помощью метафор и новообразований, созданных на основе концептуального совмещения реалий современной Украины с реалиями гитлеровской Германии, событиями ВОВ и деятельностью хунты. Причем «сопровождаемая нивелированием границ между действительностью и фикцией» метафоризация «порождает ложные аналогии, усваиваемые массовым адресатом как априорное знание» [Заботкина 2023: 46]: *Никакого интервью Путина Такеру Карлсону еще нет, еще не задано ни одного вопроса и не сказано ни одного слова о* ***киевской хунте****, а СМИ* ***укрорейха*** *уже бомбит не по-детски*[13]; *Натовские инструкторы обещают эвакуировать* ***бандеровских*** *офицеров из Украины после поражения в конфликте — источник канала «Иди и смотри»*[14]; *И мобилизация женщин — вот что предлагают* ***бандеровцы*** *украинскому обескровленному народу*[15]; *И все это резко бьет по рейтингу* ***гауляйтера*** *Кличко*[16]*; Да, понятно, что* ***гауляйтеры*** *сбегут, а вот на месте пособников бы я начал задумываться над своим будущим*[17]*; Блогера Юрия Подоляку в* ***Рейхе*** *заочно приговорили еще к одному тюремному сроку — к 15 годам. По данным* ***гестаповцев СБУ****, его признали виновным в госизмене, в призывах к изменению границ и государственного строя Украины, а также в оправдании действий России*[18]; *Впрочем, сами украинцы уже давно не верят в нарративы* ***фюрера***[19]; *И еще: такого рода соглашения между марионеткой* ***укрофюрером*** *и его кукловодами не ставят их в равное положение*[20]; *Цели СВО по денацификации и демилитаризации* ***укрофашистов*** *должны быть достигнуты — и как можно скорее*[21].

---

[9] «Когда нацисты пришли за тобой, защищать тебя было... уже некому». *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13021.

[10] Могилизация на Украине — в мясорубку кинут молодняк. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12882.

[11] В общем нас сейчас это мало заботит… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22150.

[12] Геноцид украинцев: не будь БАРАНОМ, не иди за КОЗЛАМИ. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс t.me/yurasumy/12812.

[13] *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22357.

[14] *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21546.

[15] Пропагандоны Зеленского отрабатывают свое «бабло». *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12710.

[16] Киев — авария коллектора с фекалиями: случайность или «жабогадюкинг»? *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12443.

[17] Нынешним гауляйтерам и их пособникам на Украине на заметку... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12621.

[18] Блогера Юрия Подоляку в Рейхе заочно приговорили ещё к одному тюремному сроку — к 15 годам. *Александр Семченко*. Электронный ресурс https://t.me/AleksandrSemchenko/32720.

[19] На пути к «Сотке». *Юрий Пашолок*. Электронный ресурс https://dzen.ru/a/Zd6jubsPOzl-pFPT.

[20] МИД Италии разъяснил, что соглашение по безопасности с Украиной не будет юридически обязывающим документом… *СЛУЦКИЙ*. Электронный ресурс https://t.me/slutsky_l/2490.

[21] Ровно 10 лет назад в Киеве произошел государственный переворот… *СЛУЦКИЙ*. Электронный ресурс https://t.me/slutsky_l/2484.

Слова с препозитивной частью *укро-*, *нарко-*, в которых доминирует сема «фашизм», составляют большую группу новообразований. Причем значительную активность в деривационных процессах проявляет препозитивная часть *укро-*, которую, видимо, можно квалифицировать как префиксоид: ***Укровермахт*** *подтягивает новые силы в надежде выполнить указания коллективного Запада*[22]; *Майдана из-за военнопленных этих на территории, оккупированной* ***укрорейхом****, не будет и быть не может*[23]; *В селе Щуровое* ***укронацисты*** *обустроили крупный склад гуманитарной помощи*[24]; *Еще одну причину убийства хунтой своих военнопленных выдвинул журналист, сопредседатель координационного совета ОП России по интеграции новых регионов Александр Малькевич: «Я понимаю, что это сложно для нормальных людей, но попытайтесь встать на позицию* ***укронацистов и наркофюрера*** *Зеленского»*[25]; *…в ставке* ***наркофюрера и хуторалиссимуса*** *в начале февраля 2022 все было не так*[26]; *Роспуск обычных полицейских формирований во всех странах ЕС с передачей их функций немецким и* ***укробандеровским*** *полицаям с учетом их совместного исторического опыта*[27]; *Однобокие формулировки, угрозы, шантаж «санкционной дубиной», реабилитация* ***укрофашистской*** *хунты и ни слова о ее военных преступлениях против мирных российских граждан — вот итог заседания G7*[28].

В подобных случаях негативная оценочность ярко выражена, и новообразования с такой оценкой вызывают резкое неприятие у тех членов социума, которые имеют негативное представление о фашистских реалиях. Нацистский образ Украины представлен и в новообразованиях с суффиксоидом *-стан*, *-лянди(-я),* а также в сложном новообразовании на основе контаминации производящих *Бандера* и *Украина* с трансформацией последнего в *окраину*: *Тут отдельные тупоголовые вояки из* ***Бандеростана*** *договорились до того, что лучший метод борьбы с Россией — это уничтожение переданными Западом ракетами большой дальности наших пусковых установок по всей территории России*[29]; *Вообще-то для пользы дела было бы неплохо, чтобы неугомонные французы отправили пару полков в* ***Бандерляндию***[30]*;*

---

[22] Ситуация в Херсонской области на утро 09.11.2022. *Кирилл Стремоусов*. Электронный ресурс https://t.me/Stremousov_Kirill/698.

[23] Майдана из-за военнопленных этих на территории, окуппированной укрорейхом, не будет и быть не может... *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22012.

[24] Под Краматорском наши партизаны совершили очередную диверсию. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12997.

[25] Еще одну причину убийства хунтой своих военнопленных выдвинул журналист, сопредседатель координационного совета ОП России по интеграции новых регионов Александр Малькевич… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22142.

[26] Комик, подавшийся в политики, «птенец» гнезда Сороса и Пинчука, верный холоп англосаксонского хозяина, начинает разогрев аудитории на предмет «Стамбул-2, Минск-3» с заунывной песни свидомита «А нас то за шо?». *Насправді*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/23485.

[27] Год близится к завершению. Пора делать прогнозы?.. *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/427.

[28] Заявление стран G7 — манифест двойных стандартов и «дорожная карта» по продвижению проекта «антиРоссия». *СЛУЦКИЙ*. Электронный ресурс https:// t.me/slutsky_l/2496.

[29] Тут отдельные тупоголовые вояки из Бандеростана договорились до того… *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/s/medvedev_telegram/434.

[30] Вообще-то для пользы дела было бы неплохо… *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/469.

Бывший премьер Британии Бориска Джонсон предложил принять ***Бандерокраину*** *в НАТО «без условий»*[31].

3. Номинация лиц с высоким социальным статусом на основе метонимического переноса по модели «человек → его профессия, возраст, болезнь» направлена на дискредитацию политиков и выступает как реализация «речевых тактик оскорбления, умаления достоинства», которые в социальных сетях «очень часто сопровождаются иронией, сарказмом и другими приемами высмеивания адресата» [Трофимова 2022: 78]. Значимым при этом оказывается выбор когнитивных признаков, на основании которых формируются оценочные ассоциации. В частности, при номинации Д. Байдена актуализируются признаки *старость, возрастные болезни, нарушение когнитивных функций,* например: *Ну вот! А мы-то, получается,* ***на старика*** *напраслину возводили!*[32]*; Один* ***старикан*** *с блуждающей улыбкой на лице пригласил девочек, чтобы развлечься: веселую вдовушку российского экстремиста и пока еще не вдову лидера киевской бандеровской своры… Но самое прикольное в том, что* ***дед*** *ничего и не заметил*[33]*;* ***Дедуле*** *вообще не до Техаса*[34]*; Тут же* ***Альцгеймер*** *подписывает закон о конфискации наших активов в размере 300 млрд. Сделай это,* ***старая пердила,*** *не отступай. Мы очень хотим увидеть последствия этого шага*[35]*; Не надо картинку о процветающей граде на холме портить. В строй встал и пой во славу* ***старику пердоходу!***[36]; ***Старина Джо.*** *В ожидании ухода*[37].

Прагматический эффект таких языковых знаков вторичной номинации усиливается за счет эпитетов, в значение которых входят согласующиеся оценочные семы: *В своей редакторской колонке* ***реликтовый прямоходящий дед*** *приветствовал шведов словами: «Вот они-то знают, как надо воевать!»*[38]*; Это видно по сваре в Конгрессе США, где республиканцы раз за разом отвергают попытки демократов и* ***деда на севших батарейках*** *продавить повесточку любым путем*[39]*; А неплохо так Техас зажигает! Качественно! Домашние заготовки с отсылкой* ***деда прямоходящего*** *в эротическую прогулку бодрят и вдохновляют*[40]; *Я так понял,* ***глобальный***

---

[31] Бывший премьер Британии Бориска Джонсон предложил принять Бандерокраину в НАТО «без условий»… *Дмитрий Медведев.* Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/355.

[32] Ну вот! А мы то, получается, на старика напраслину возводили!.. *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22469.

[33] Один старикан с блуждающей улыбкой на лице пригласил девочек, чтобы развлечься… *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/459.

[34] Домашние заготовки с отсылкой деда прямоходящего в эротическую прогулку бодрят и вдохновляют… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https:// t.me/Mikle1On/22043.

[35] Специально, под приезд щеневмерльца из галушкинского каганата… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21610.

[36] Бывшей губер штата Арканзас вопиет… *Праведный напалм*. Электронный ресурс https:// t.me/pravednyi_napalm/13175.

[37] Старина Джо. В ожидании ухода. *СерпомПо*. Электронный ресурс https://t.me/SerpomPo/25762.

[38] А сегодня НАТО стало сильнее, чем когда-либо… *Коза кричала*. Электронный ресурс https://t.me/kozakrichala/34290.

[39] Нас всех интересует послание, озвученное Путиным во время двухчасовой беседы с американских политическим обозревателем… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https:// t.me/Mikle1On/22411.

[40] А неплохо так Техас зажигает! Качественно! *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22043.

дед *решил помогать Израилю столько, сколько потребуется?*[41]; *А Карлсону теперь возвращаться к* ***самоходному деду,*** *разговаривающему с потусторонним миром*[42].

Кроме того, для создания знаков вторичной номинации с наведенной оценкой используется признак *профессия, далекая от политики: И вот теперь безумная Еврокомиссия во главе с* ***неистовым гинекологом*** *требует принять на сохранение Бандерокраину и ради этого сделать остальным слабым союзницам коллективный аборт. Отрезать их от каких-либо субсидий ЕС, перераспределив их в пользу Киева*[43]; *Вон кто за* ***кровавого клоуна*** *подержался, тот или в отставку, или в больничку с раком простаты…*[44]; *Отсюда истерика* ***кокаинового клоуна*** *с целью отказа от избрания президента пока еще существующей страны*[45].

Наряду с этим многообразную словообразовательную картину представляют новообразования, характеризующие лиц, защищающих интересы Украины и имеющих отношение к украинской нацистской идеологии. Так, при номинации проукраинских политиков используются суффиксы со значением невзрослости, явно снижающие образ политика, а также суффиксы со значением лица, неодериваты с которыми указывают на последователей определенного политика: ***Хунтёнок*** *Данилов: «Выборы мы проведем уже тогда, когда одержим победу в этой войне». То есть никогда…*[46]; *Разбирать и анализировать слова* ***хунтят*** *— все равно, что анализировать психологию магнитофона*[47]; *А в том, что после снесения основ морали и нравственности неизбежно начинается членство, не сомневаются ни* ***хунтята,*** *ни* ***брюсселята***[48]; *Причем именно этот фактор в некоторых ключевых штатах может стать решающим в поражении* ***«байденистов»***[49].

В неодериватах на базе собственных имен встречается собирательный суффикс *-в(-а)*: *На фото — сравнительный график вложений денег в* ***бандерву*** *нашими заклятыми непартнерами*[50].

Нередко обыгрываются модели отчеств, фамилий, в том числе украинизмы: ***Козак Байденюк*** *и его сосед по палате Остин изъявили на то высочайшее благово-*

---

[41] Я так понял, глобальный дед решил помогать Израилю столько, сколько потребуется?.. *Квадратура круга*. Электронный ресурс https://dzen.ru/b/ZSGA675WJTlsRnQl.

[42] Мне одному показалось , что Такер словил фрустрацию? *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22429.

[43] Про кандидатов в ЕС. *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/408.

[44] «Что ж ты, фраер, сдал назад?» *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21579.

[45] Вот и всё. Маски окончательно сброшены… *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/417.

[46] Хунтёнок Данилов… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22324.

[47] Киевская хунта опубликовала карту уязвимой территории России для ударов, уже одобренных руководством НАТО… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22249.

[48] Еврокомиссия начала изучать опыты хунты по разрушению собственного государства в угоду заморским покровителям… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21799.

[49] Президентские выборы в США: итоги февраля 2024... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13629.

[50] На фото — сравнительный график вложений денег в бандерву нашими заклятыми непартнерами. *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21807.

ление[51]; *По поводу* ***макронизмов*** *и отправки чешско-французских войск.* ***Макароныч*** *вчера продемонстрировал это полностью и в деталях*[52]; *Сварщики накопали кое-какой материал из жизни* ***Макароныча***[53]*;* ***Макроша*** *хочет воевать с Россией*[54]; «***Макроша?***» «***Макроняку*** *на гилляку»: все по заветам Майдана…*[55]. Фамилия французского президента Макрона вступает в контаминацию со словом *макароны*, что явно снижает образ лидера Франции: *Зарисовки* ***Макарона****-молодого красочно и выпукло дополняют его наполеоновский профиль боевого педераста!*[56]

Негативную оценочность имеют новообразования с уже отмеченной выше препозитивной частью *укро-*, коннотативные значения которых определяются окраской производящих слов: ***Укровояки*** *разорили все квартиры в пятиэтажке*[57]; *Помню, как один из* ***укропатриотов*** *удивился моему вопросу, зачем имярек идет на выборы, ведь у него нет шансов*[58]; *По-моему, Виталий Кличко очень даже органично смотрится среди* ***укробомонда***[59]; *А нет, есть еще шанс пообщаться с главным* ***укроклоуном****… Ну что ж, вожделеем…*[60]; *А мы уж как-нибудь обойдемся без европейских гастролей* ***укрошапито***[61]; *А вы заметили, как с помоечных каналов* ***укропропаганды*** *резко и наглухо исчезла тема Ил-76 с ИХ пленными на борту?*[62]

В первом случае негативная оценочность связана с производящим *вояки* с негативной оценкой: «Вояка — *ирон.* и *шутл.* Тот, кто воюет с задором, с запалом, но неумело, незадачливо» [Горбачевич 1991]. Ирония в новообразовании *укропатриоты* обусловлена окраской производящего слова и контекстом. Контекстом определяется и негативная окраска слов *укробомонд* и *укропропаганда*. В остальных случаях ироническая окраска новообразований формируется в результате актуализации потенциальных сем, объективирующих периферийные когнитивные признаки концепта *цирк*.

Приведем еще примеры, в которых негативная оценочность новообразований обусловлена оценочными производящими: *А вот это* ***киевским Зеко-помойкам***

---

[51] Злые языки говорят, что Пентагон… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21922.

[52] По поводу макронизмов и отправки чешско-французских войск… *РУССКИЙ ДНЕВНИК*. Электронный ресурс https://t.me/russdiary/26697.

[53] Сварщики накопали… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/23657.

[54] Макроша хочет воевать с Россией. *BadPolit.ru*. Электронный ресурс https://www.badpolit.ru/makrosha-hochet-voevat-s-rossiej-ch-t-d//

[55] «Макроняку на гилляку»: Все по заветам Майдана... Мир сегодня с «Юрий Подоляка». Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12975.

[56] Сварщики накопали… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/23657.

[57] Укровояки разорили все квартиры в пятиэтажке… *Ольга КирийTV*. Электронный ресурс https://t.me/okiriy/10801.

[58] Бомбардировки и бандероворюги. *Дмитрий Медведев*. Электронный ресурс https://t.me/medvedev_telegram/435.

[59] Шипилин, П. Соло клоуна в украинском цирке. *АнтиМайдан*. Электронный ресурс https://vk.com/wall-41232698_4617317.

[60] Мне одному показалось, что Такер словил фрустрацию? *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22429.

[61] Шипилин, П. В ПАСЕ Россия не вернется. *LiveJournal*. Электронный ресурс https://pavel-shipilin.livejournal.com/923750.html.

[62] Искусство обмана. *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22354.

слабо показать своему населению?[63]; *Когда первый подобный ролик появился на украинских* ***инфопомойках,*** *это было даже интересно*[64]; *Тут одного из главных* ***инфопомоечных*** *украинских блогеров Юрия Бутусова, как говорится, прорвало*[65]; *Несмотря на то что украинские* ***политпомойки*** *сделали все, чтобы это раскрутить)))*[66].

У новообразований с аффиксоидами и сложных новообразований в качестве производящих может выступать инвективная лексика, усиливающая прагматический эффект знаков вторичной номинации: *Европа орет благим матом, что Байден выкручивает им руки ценой на американский СПГ, но ни одна* ***евросволочь*** *даже не заикается про взорванные трубы «Северного потока» и находящийся прямо под боком дешевый СПГ РФ*[67]; *Втихаря науськать* ***еврошавок***[68]; *На территории* ***хохлостана*** *остался центр подготовки личного состава и технического обслуживания*[69]; *Давайте мы запомним слова этого уродца и радостно аплодирующее ему* ***евростадо*** *и будем цитировать, когда дело дойдет до ударов по Гааге и Брюсселю*[70]; *Внутринацистский* ***жабогадюкинг:*** *Или что стоит за кадровыми чистками в ВСУ*[71]; *Солдатам ВСУ есть шанс сохранить свою жизнь назло* ***Зе-мясникам*** *— вызвать «Волгу»*[72]. Инвективный характер имеют и некоторые контаминированные дериваты: ***Пропагандоны*** *Зеленского отрабатывают свое «бабло». Мобилизация с 16 лет — легко!*[73] (*пропаганда + гандон*).

Яркую негативную оценочность имеют аббревиатуры с ложной мотивировкой. В состав таких аббревиатур также могут входить инвективные слова, являющиеся важным средством манипулятивного воздействия на сознание адресата: ***Главноразводящий*** *от* ***ВСУ (военизированная секта убийц),*** *генерал Валерий Залужный провел телефонную беседу с начальником Генштаба Wojsko Polskie генералом Веславом Кукулой*[74]; *Страны НАТО наглеют постепенно, безостановочно, уверенно.*

---

[63] А вот это киевским Зеко-помойкам слабо показать своему населению? *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13077.

[64] Как работают «агитбригады» Зека: или что будут делать украинские дети после войны. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12421.

[65] Критическая ситуация в Авдеевке... (у ВСУ). *БаргуZин*. Электронный ресурс https://t.me/barguzin24/19984.

[66] Башкирия: попытка раскачать республику явно провалилась. *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/12640.

[67] Европа орет благим матом… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://tgstat.ru/channel/@Mikle1On/22310?ysclid=m62dbofchf139832906.

[68] «Реальность заключается в том, что Владимир Путин является президентом России, и США будут работать, исходя из этого», — Белый дом. *Михаил Онуфриенко Выпуски*. Электронный ресурс https://t.me/misha_anufrienko/6930.

[69] «Цветение» гераней на территории бывшей Украины вызывает аллергию не только у крупного бизнеса и гражданского населения, но и у предприятий ОПК. *Сводки ополчения Новороссии Z.O.V.* Электронный ресурс https://t.me/swodki/344386.

[70] Садовник, а по совместительству - глава дипломатии всего гадюшника ЕС Бордель… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/24406.

[71] Внутринацистский жабогадюкинг: Или что стоит за кадровыми чистками в ВСУ... *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13632.

[72] «Когда они убивали “Беркут” на Майдане, я молчал…» *Мир сегодня с «Юрий Подоляка»*. Электронный ресурс https://t.me/yurasumy/13230.

[73] Пропагандоны Зеленского отрабатывают свое «бабло». *На самом деле в Днепре*. Электронный ресурс https://t.me/NSDVDnepre/17992.

[74] Главноразводящий от ВСУ (военизированная секта убийц), генерал Валерий Залужный… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22123.

Идея нанести России максимально возможный урон руками ***военной секты уродов (ВСУ)*** *и наша робкая реакция на вмешательство НАТО делает врагов дерзкими и циничными*[75]; *Более 30 боевиков «Кракена» и добровольческого иностранного легиона, а также около 100 боевиков* ***ВСУ (военизированная секта убийц)*** *ликвидированы в Балаклее Харьковской области*[76]*; 14 апреля 2014 киевская хунта начала* ***АТО (антинародную террористическую операцию)***[77].

Наконец, еще одну группу новообразований украинской тематики представляют неодериваты на базе украинизмов. Причем наряду с активизацией созданных еще десять лет назад неологизмов *свидомый, свидомит, свидомитский* [Васильев, Подсохин 2016: 13] возникают новые, отражающие противостояние в условиях СВО: *Американцы потратили на поддержку* ***свидомых*** *200 млрд долларов*[78]; ***Щеневмерлики!*** *Вас будут грабить!*[79]*; Специально под приезд* ***щеневмерльца из галушкинского каганата*** *Латвия тоже потужно настаралась*[80]; ***Галушкин каганат****, напротив, является оплотом мира, стабильности и процветания на всем глобусе.* ***Свидомые щеневмерлики*** *обладают уникальным свойством вызывать глубокое и всестороннее отвращение к себе, своей стране, своим идеям*[81]; *Не понимаю, чего* ***свидомиты-щеневмерлики*** *так переживают из-за боевой части русских ракет*[82]*; Главнюк киевской хунты Зеленский решил, что Кубань, а также территория Ростовской, Курской, Белгородской и Брянской областей РФ —* ***цеУкраина***[83]*; Песец, как результат неудачных заявлений* ***цеевропейцев*** *и не менее неудачных попыток доказать свои слова делами*[84]. Как правило, данные новообразования созданы на базе словосочетаний с участием суффиксов и являются сложными словами. В значительной степени их манипулятивный эффект определяется семантикой словообразовательных компонентов, а также использованием близкородственных языковых кодов, которые взаимодействуют не только на уровне слова, но и на уровне предложения.

В создании негативного образа Украины и ее сторонников участвуют сложные неодериваты, негативная оценочность которых может быть наведена контекстом

---

[75] Сначала РСЗО HIMARS с ракетами ATACMS, потом британские ракеты Storm Shadow и SCALP с увеличенной дальностью полета, теперь немецкие ракеты TAURUS с дальностью действия до 500 километров. *Михаил Онуфриенко Выпуски*. Электронный ресурс https://t.me/misha_anufrienko/6371.

[76] Более 30 боевиков Кракена и добровольческого иностранного легиона… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22007.

[77] В этот день ровно 10 лет назад… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/24232.

[78] Немного занимательной математики. *Месть доброй воли*. Электронный ресурс https://t.me/Mestb_Dobroj_Voli/9639.

[79] Хунту киевскую собираются сливать по самому неблагоприятному для нее сценарию… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22137.

[80] Специально, под приезд щеневмерльца из галушкинского каганата… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21610.

[81] Свидомые щеневмерлики обладают уникальным свойством… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/22407.

[82] Русский Патриот передаёт страдания фан-клуба хунты… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/24063.

[83] Главнюк киевской хунты Зеленский решил… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/21946.

[84] Макрон надеется, что Олимпиада укрепит его имидж «Цезаря Еврозоны»… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/24397.

(1) или формируется за счет столкновения семантики составляющих компонентов (2): (1) *А в это время* ***интернет-войска*** *хунты уже взяли Белгород, Воронеж, Тулу, Москву и рванули на Урал*[85]; (2) *Тогда для чего весь этот* ***пиар-провал*** *Макрона?*[86]

Суффиксальные новообразования могут создаваться на базе синтаксических конструкций, например *нет войне: После общения с одним человеком, который разбирается в структуре и составе нынешней новой эмиграции (это те, кто рванул, когда началась СВО), узнал, что почти половина* ***поуехавших нетвойнистов*** *обосновалась не в русофобской Прибалтике, не в Старой Европе, а в братской Сербии*[87]. В неодеривате *поуехавших* в результате редеривации происходит замена префикса в исходном *понаехавших.* В таких случаях экспрессивно-негативная оценочная коннотация новообразований появляется в результате взаимодействия семантики словообразовательных моделей с их лексическим наполнением, а также определяется синтагматическими связями новообразований в предложении.

В целом негативный образ Украины формируется различными словообразовательными средствами, в частности суффиксальными словообразовательными типами, словообразовательными типами с аффиксоидами, а также различными типами сложения. Наряду с узуальными способами при создании новообразований используются неузуальные способы словообразования, в частности контаминация.

Выводы

В сетевом дискурсе, освещающем события СВО, активно используются индивидуально-авторские языковые знаки вторичной номинации с целью воздействия на сознание адресата. Для таких знаков характерна негативная оценочность, направленная на дискредитацию субъекта противостояния; корреляция с актуальными военно-политическими и экономическими событиями; частотность и переход в статус узуальных речевых средств участников дискурса. К когнитивно-дискурсивным механизмам создания таких знаков вторичной номинации относятся гиперболизация, в основе которой лежит манипулятивный прием замены *модуса возможности* на *модус неизбежности,* направленный на актуализацию концептуальной зоны «неизбежная смерть»; моделирование анахроний на основе концептуального совмещения реалий современной Украины с историческими событиями, вызывающими негативные ассоциации у носителей русской лингвокультуры. На языковом уровне эти приемы реализуются с помощью метафор и новообразований.

Большим манипулятивным потенциалом обладают номинации политических деятелей на основе метонимического переноса по модели «человек → его профессия, возраст, болезнь». В этом случае в качестве вторичных номинаций используются лексемы, внутренняя форма которых объективирует признаки, наносящие урон имиджу политика.

---

[85] А в это время интернет-войска хунты… *Мир Михаила Онуфриенко*. Электронный ресурс https://t.me/Mikle1On/23543.

[86] Президент Франции Макрон, похоже, феерически приземлился в лужу… *СЛУЦКИЙ*. Электронный ресурс https://t.me/slutsky_l/2501.

[87] После общения с одним человеком, который разбирается в структуре и составе нынешней новой эмиграции… *Захар Прилепин*. Электронный ресурс https://t.me/zakharprilepin/21730.

Новообразования, формирующие негативный имидж Украины, создаются по словообразовательным типам и моделям с суффиксами и аффиксоидами, а также по моделям сложных слов. Частотное использование при словообразовании препозитивной части *укро-* в сочетании с негативно-оценочными морфемами позволяет предположить, что в анализируемом сегменте сетевого дискурса компонент *укро-* приобретает черты префиксоида с негативной окраской. Наряду с узуальными способами активность в деривационных процессах проявляет такой способ неузуального словообразования, как контаминация. Описанные словообразовательные средства участвуют в формировании коннотативных значений индивидуально-авторских знаков вторичной номинации, определяемых интенциями авторов как акторов информационной войны.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. (2009). Медиадискурс — modus vivendi на рубеже XX–XXI вв. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение*, *4* (2), 30–33.

Ахнина, К. В., Куриленко, В. Б. (2015). Сетевой медицинский дискурс: сущность, признаки, структура. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, *1*, 76–84.

Блинова, О. А. (2019). Мультимодальность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии. *Научный диалог, 10*, 79–93.

Бушев, А. Б. (2022). Цели сетевого дискурса как основание его классификации. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, *2* (50), 86–102.

Васильев, А. Д. (2014). Прецедентные имена собственные в операциях информационной войны. *Язык и социальная динамика*, *14-1*, 93–101.

Васильев, А. Д., Подсохин, Ф. Е. (2016). Информационная война: лингвистический аспект. *Политическая лингвистика, 2* (56), 10–16.

Гапутина, В. А. (2023). Сетевой дискурс здорового образа жизни: прагмалингвистический аспект. В *Язык — текст — дискурс в новых условиях коммуникации. К 60-летию профессора Т. Б. Радбиля: сборник статей* (с. 83–89). Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского.

Голев, Н. Д. (Ред.) (2021). *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*: в 2 т. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.

Голев, Н. Д. (Ред.) (2022). *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: лингвоконфликтологический аспект.* Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.

Голованова, Е. И. (2023). Военная лексика и лексика войны в современном медийном пространстве. *Когнитивные исследования языка*, *4* (55), 302–305.

Горбачевич, К. С. (Ред.) (1991). *Словарь современного русского литературного языка:* в 20 т. Т. 2. М.: Русский язык.

Заботкина, В. И. (2023). Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиа-дискурсе. *Когнитивные исследования языка*, *4* (55), 43–47.

Зайцева, О. В. (2021). Секстинг: правовой статус, экспертная практика и особенности нарратива. В *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ:* в 2 т. Т. 1. (с. 70–91). Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.

Калинин, О. И. (2023). Метафора и информационная война. *Когнитивные исследования языка*, *4* (55), 124–127.

Карасик, В. И. (2018). Сетевой дискурс: жанровые характеристики. *Язык. Текст. Дискурс*, *16*, 152–166.

Карасик, В. И. (2019). Инструктивы в сетевом дискурсе. *Жанры речи, 2* (22), 148–153.

Карасик, В. И. (2023). Типы воздействия в сетевом дискурсе. В *Язык — речь — текст в интернет-коммуникации*: *сборник статей* (с. 49–55). Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского.

Копнина, Г. А., Еремина, Е. В. (2023). Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны. *Гуманитарные науки*, *16* (6), 895–910.

Копнина, Г. А., Кошкарова, Н. Н., Сковородников, А. П. (2021). Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы. *Русистика, 4* (19), 383–400.

Курмакаева, Н. П. (2023). Динамика регионального речевого дискурса в условиях военного противостояния. В *Язык — текст — дискурс в новых условиях коммуникации. К 60-летию профессора Т. Б. Радбиля: сборник статей* (с. 241–247). Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского.

Кушнерук, С. Л. (2020). Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса. *Политическая лингвистика, 5* (83), 12–21.

Кушнерук, С. Л., Курочкина, М. А. (2020). Информационно-психологическая война в зарубежной медиакоммуникации: взгляд дискурсолога. *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки, 7* (441), 97–105.

Мельник, А. В. (2022). Приемы искажения имен собственных в интернет-комментариях к политическим новостям. В *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: лингвоконфликтологический аспект* (с. 193–206). Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.

Орлова, О. В., Ван Юаньин (2024). Сетевой диаспоральный дискурс: определение понятия. *Вестник Томского государственного педагогического университета, 1* (231), 7–14.

Плотникова, А. М. (2015). Языковая игра как средство инвективы. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*, *1*, 127–133.

Рацибурская, Л. В. (2023). Рискогенные зоны в современном медийном словотворчестве. В *Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка* (с. 286–299). М.: Союзкнига.

Сковородников, А. П., Копнина, Г. А. (2016). Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия. *Политическая лингвистика, 1* (55), 42–50.

Сковородников, А. П., Копнина, Г. А. (2022). Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект. *Политическая лингвистика, 4* (94), 31–40.

Сковородников, А. П. (Ред.) (2017). *Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. I.* Красноярск: Сиб. фед. ун-т.

Сковородников, А. П. (Ред.) (2019). *Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. II.* Красноярск: Сиб. фед. ун-т.

Сковородников, А. П. (Ред.) (2020). *Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. III.* Красноярск: Сиб. фед. ун-т.

Сковородников, А. П. (Ред.) (2021). *Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. IV.* Красноярск: Сиб. фед. ун-т.

Трофимова, Г. Н. (2022). Конфликтные стратегии и тактики в социальных сетях. В *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: лингвоконфликтологический аспект* (с. 74–87). Кемерово: Кемеров. гос. ун-т.

Щурина, Ю. В. (2020). Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram*. *Жанры речи*, *2* (26), 155–165.

Libicki, M. (1995). *What is Information Warfare?* Washington: National Defense University; Institute for National Strategic Studies.

McDermott, R. (2020). Leadership and the strategic emotional manipulation of political identity: an evolutionary perspective. *The Leadership Quarterly*, 31. Электронный ресурс https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1048984318301310.

Straub, J. (2019). Mutual assured destruction in information, influence and cyber warfare: Comparing, contrasting and combining relevant scenarios. *Technology in Society*, *59,* 1–9.

Young, J. C. (2021). Disinformation as the weaponization of cruel optimism: A critical intervention in misinformation studies. *Emotion, Space and Society*, *38,* 1–7.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 16 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Рацибурская Лариса Викторовна — д-р филол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0002-332-050X, racib@yandex.ru

Широкова Елена Николаевна — д-р филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0002-6763-0010, shirokelena@yandex.ru

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

Manipulative functionality of a secondary nomination in a network discourse*

L. V. Ratsiburskaya, E. N. Shirokova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

For citation: Ratsiburskaya L. V., Shirokova E. N. (2025). Manipulative functionality of a secondary nomination in a network discourse. *Media Linguistics*, *12* (1), 77–94.
https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.105 (In Russian)

The article regards a polydimensional (cognitive-discursive, pragmatic-linguistic, structural-semantic, derivaional) analysis of language signs of secondary nomination as a means of conducting information warfare. The research material, which was first introduced into scientific discourse, features lexical and word-formation innovations in the blog texts and Telegram channels covering the events of the special militatry operation and united by the commonality of topics, axiological attitudes of communicants, their active interaction with each other, aiming at changing the worldview of the addressee. As a result of the conducted research, the author identified the characteristic features of the analyzed linguistic signs of the secondary nomination, due to the specifics of the discourse in which they function: frequency, close correlation with current political and economic events, negative evaluation directed at the opponent of the confrontation, manipulative function, rapid transition of individual author's nominations to the status of the usual speech means of the discourse participants. The cognitive-discursive mechanisms of creating individual author's marks of secondary nomination are considered: hyperbolization based on the manipulative method of replacing the *mode of possibility* with the *mode of inevitability* in order to actualize the conceptual zone "inevitable death"; modeling anachronies based on the conceptual combination of the realities of modern Ukraine with the realities of Nazi Germany, the events of the Second World War and the activities of the junta; nominations based on metonymy, the inner form of which are cognitive signs that damage the image of certain politicians. It is proved that metaphorization and metonymization play a role in the implementation of manipulative cognitive-discursive techniques of informational and psychological influence. The article describes the word-formation tools involved in forming connotative meanings of individual author's marks of the secondary nomination, determined by the intentions of the authors as actors of the information war. The study used cognitive-discursive, communicative-pragmatic, structural-semantic methods, as well as methods of contextual and word-formation analysis.

Keywords: secondary nomiation, metaphorization, word-building, information warfare, network discourse.

References

Alefirenko, N. F. (2009). Mediadiscourse as modus vivendi on the border of the XX–XXI centuries. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiia i iskusstvovedenie, 4* (2), 30–33. (In Russian)

Akhnina, K. V., Kurilenko, V. B. (2015). Medical net-discourse: Essence, qualities, structure. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost', 1,* 76–84. (In Russian)

Blinova, O. A. (2019). Multimodality in Online Political Discourse: Internet Memes about Scottish Independence. *Nauchnyi dialog, 10,* 79–93. (In Russian)

* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00368, https://rscf.ru/project/23-28-00368/.

Bushev, A. B. (2022). The purpose of the social net discourse as the foundation for its classification. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty, 2* (50), 86–102. (In Russian)
Gaputina, V. A. (2023). Network discourse of healthy lifestyle: pragmalinguistic aspect. In *Iazyk — tekst — diskurs v novykh usloviiakh kommunikatsii. K 60-letiiu professora T. B. Radbilia* (pp. 83–89). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo Publ. (In Russian)
Golev, N. D. (Ed.) (2021). *Social networks: complex linguistic analysis:* in 2 vols. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
Golev, N. D. (Ed.) (2022). *Social networks: complex linguistic analysis.* Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
Golovanova, E. I. (2023). Military vocabulary and vocabulary of war in the modern media space. *Kognitivnye issledovaniia iazyka, 4* (55), 302–305. (In Russian)
Gorbachevich, K. S. (Ed.) (1991). *Dictionary of modern Russian literary language:* in 20 vols. Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)
Kalinin, O. *И*. (2023). Metaphor and information warfare. *Kognitivnye issledovaniia iazyka, 4* (55), 124–127. (In Russian)
Karasik, V. I. (2018). Network discourse: genre characteristics. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, *16*, 152–166. (In Russian)
Karasik, V. I. (2019). Instructives in Network Discourse. *Zhanry rechi, 2* (22), 148–153. (In Russian)
Karasik, V. I. (2023). Types of influence in network discourse. In *Iazyk — rech' — tekst v internet-kommunikatsii* (pp. 49–55). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo Publ. (In Russian)
Kopnina, G. A., Eremina, E. V. (2023). Vectors of the development of information warfare linguistics. *Gumanitarnye nauki, 16* (6), 895–910. (In Russian)
Kopnina, G. A., Koshkarova, N. N., Skovorodnikov, A. P. (2021). Language consequences of modern psychological and information warfare in Russian mass-media: Problem definition. *Rusistika, 4* (19), 383–400. (In Russian)
Kurmakaeva, N. P. (2023). Dynamics of regional speech discourse in the context of military confrontation. In *Iazyk — tekst — diskurs v novykh usloviiakh kommunikatsii. K 60-letiiu professora T. B. Radbilia* (pp. 241–247). Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo Publ. (In Russian)
Kushneruk, S. L. (2020). Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus. *Politicheskaia lingvistika, 5* (83), 12–21. (In Russian)
Kushneruk, S. L., Kurochkina, M. A. (2020). Information and psychological war in the media: A discourse analyst's perspective. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki, 7* (441), 97–105. (In Russian)
Libicki, M. (1995). *What is Information Warfare?* Washington: National Defense University; Institute for National Strategic Studies.
McDermott, R. (2020). Leadership and the strategic emotional manipulation of political identity: an evolutionary perspective. *The Leadership Quarterly*, *31*. Retrieved from https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1048984318301310.
Mel'nik, A. V. (2022). Techniques for distorting proper names in online comments on political news. In N. D. Golev (Ed.), *Sotsial'nye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz: Lingvokonfliktologicheskii aspekt* (pp. 193–206). Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
Orlova, O. V., Wang Yuanying (2024). Network diaspora discourse: Definition of the concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1* (231), 7–14. (In Russian)
Plotnikova, A. M. (2015). Language game as a means of invective. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriia: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa, 1,* 127–133. (In Russian)
Ratsiburskaia, L. V. (2023). Risk zones in modern media word-creation. In *Sovremennyi mediatekst i sudebnaia ekspertiza: mezhdistsiplinarnye sviazi i ekspertnaia otsenka* (pp. 286–299). Moscow: Soiuzkniga Publ. (In Russian)
Shchurina, Iu.V. (2020). Speech Genres of the Russian Language Segment of Instagram* Social Network. *Zhanry rechi, 2* (26), 155–165. (In Russian)
Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2017). *Linguistics of information-psychological war.* Vol. I. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet Publ. (In Russian)
Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2019). *Linguistics of information-psychological war*. Vol. II. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet Publ. (In Russian)

* The product of the Meta company, whose activities are recognized as extremist in the Russian Federation.

Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2020). *Linguistics of information-psychological war.* Vol. III. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet Publ. (In Russian)
Skovorodnikov, A. P. (Ed.) (2021). *Linguistics of information-psychological war.* Vol. IV. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet Publ. (In Russian)
Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2016). Linguistics of information-psychological war: On substantiation and definition of the term. *Politicheskaia lingvistika, 1* (55), 42–50. (In Russian)
Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2022). Lexico-Phraseological Neologisms in the Russian Language and Speech as a Consequence of Information-Psychological Warfare: Functional-Pragmatic Aspect. *Politicheskaia lingvistika, 4* (94), 31–40. (In Russian)
Straub, J. (2019). Mutual assured destruction in information, influence and cyber warfare: Comparing, contrasting and combining relevant scenarios. *Technology in Society*, *59,* 11.
Trofimova, G. N. (2022). Conflict strategies and tactics in social networks. In N. D. Golev (Ed.), *Sotsial'nye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz: Lingvokonfliktologicheskii aspekt* (pp. 74–87). Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
Vasil'ev, A. D. (2014). Case proper names in information war operations. *Iazyk i sotsial'naia dinamika, 14-1*, 93–101. (In Russian)
Vasil'ev, A. D., Podsokhin, F. E. (2016). Information warfare: Linguistic aspect. *Politicheskaia lingvistika, 2* (56), 10–16. (In Russian)
Young, J. C. (2021). Disinformation as the weaponization of cruel optimism: A critical intervention in misinformation studies. *Emotion, Space and Society*, *38.*
Zabotkina, V. I. (2023). Cognitive mechanisms of manipulation in media discourse. *Kognitivnye issledovaniia iazyka, 4* (55), 43–47. (In Russian)
Zaitseva, O. V. (2021). Sexting: legal status, expert practice and narrative features. In N. D. Golev (Ed.), *Sotsial'nye seti: kompleksnyi lingvisticheskii analiz: monografiia:* in 2 vols. Vol. 1 (pp. 70–91). Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Received: April 18, 2024
Accepted: September 16, 2024

Authors' information:

Larisa V. Ratsiburskaya — Dr. Sci. in Philology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-332-050X, racib@ yandex.ru
Elena N. Shirokova — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-6763-0010, shirokelena@yandex.ru

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

УДК 81'33

Лингвориторическое воздействие блога в контексте реакций воспринимающей аудитории

Е. В. Ширина[1], Г. И. Мясищев[2], А. С. Батищева[2]

[1] Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
[2] Донской государственный технический университет,
Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Для цитирования: Ширина Е. В., Мясищев Г. И., Батищева А. С. (2025). Лингвориторическое воздействие блога в контексте реакций воспринимающей аудитории. *Медиалингвистика*, *12* (1), 95–111. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.106

Рассматриваются приемы речевого воздействия авторов популярных видеоблогов исторической и культурологической тематики на аудиторию интернет-пространства. Эффективность коммуникации с подписчиками блога позволяет их авторам не только формировать вокруг себя лояльную аудиторию, но и становиться «лидерами мнений». Цель исследования — определение лингвориторических приемов, при помощи которых блогеры провоцируют дискуссию и привлекают внимание к поднимаемым темам. Предметом исследования стали как высказывания блогеров и перлокутивный эффект их воздействия на аудиторию в виде комментариев в блогах, так и реакция адресатов блогов, которая была выявлена в ходе анкетирования разных возрастных групп. На первом этапе детерминирована тематика и наименование блогов. На втором этапе по результатам ответов с примерами, приведенными опрошенными, определен воздействующий механизм речи блогеров. Респондентами приведены по памяти примеры, содержащие в себе элементы воздействующей речи, характерных и запоминающихся для речевого портрета блогера слов и выражений, что показало формирование у зрителей условных реакций на воздействующую речь и априорной оценки говорящего независимо от темы и содержания последующих выступлений. Изучение языкового материала комментариев к блогам проводилось в виде одномоментной сплошной выборки всех комментариев на дату просмотра. Комментарии содержали реакции оценивания речевого поведения блогеров, стиля и характера их высказываний, прямых повторов фрагментов речи. Сравнение детерминированных единиц показало совпадение реакций на выделенные типы приемов речевого воздействия у всех групп респондентов. В ходе исследования выяснено, что воздействие на аудиторию достигается за счет не

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

только собственно лингвориторических средств, но и иных приемов. В результате исследования проанализированы и описаны реакции на речевое воздействие в блогах каждого использованного приема в каждой возрастной группе.

Ключевые слова: медиалингвистика, массмедиа, блогосфера, прагмалингвистика, риторика.

Постановка проблемы

Последние 10–15 лет исследователи гуманитарных наук все более глубоко погружаются в интернет-среду для популяризации идей и контекстного обсуждения профессиональных и социально значимых вопросов. Дискуссия, которая прежде шла на страницах печатных «толстяков» (в первую очередь литературных журналов), перешла в сеть Интернет. Ведущее место среди дискуссионных жанров занимают блоги. Исследование лингвориторических моделей воздействия блога на воспринимающую аудиторию с позиции освещения исторических и лингвокультурологических событий позволит глубже понять механизмы взаимодействия в популярном сейчас жанре интернет-коммуникации.

Целью исследования было определение способов лингвориторического воздействия блога как актуального жанра современных СМИ на пользователей сети Интернет.

Исследование проводилось комплексными методами, включавшими в себя:

1) анкетирование различных социальных групп;

2) полевые наблюдения за комментариями в блогах, выявление и анализ реакций пользователей на высказывания блогеров;

3) свободную беседу (интервью) по темам просмотренных блогов с фиксацией реакций различных пользователей.

История вопроса

История появления блогов начинается в 1994 г. Его создателем первого блога стал Йорн Баргер, назвавший свой публичный интернет-дневник Log. В 1997 г. появляется первый сервис для ведения блогов — Pyra Labs. В 1999 г. был создается знаменитый и действующий и поныне сервис LiveJournal. Однако настоящая популярность пришла к блогам только в начале 2000-х годов с развитием доступного и массового интернета в мире.

В настоящее время блоги — одна из самых популярных форм массмедиа, которая воздействует на огромную аудиторию, является существенным экономическим сегментом мирового информационного рынка и представляет особый интерес для лингвистов с позиции управления социумом средствами воздействующей речи.

В блогосфере российского сегмента сети Интернет блоги с исторической и лингвокультурологической тематикой занимают одно из ведущих мест по популярности и посещаемости. По данным сайта «Анкетолог» [Анкетолог 2020], 76 % людей хотя бы иногда читают или смотрят блоги, из них 86 % делают это, чтобы получить новую информацию, 65 % — чтобы научиться новому, 55 % — для развлечения, 50 % — для отдыха, 48 % — чтобы узнать другую точку зрения. Пользователи в 82 % предпочитают смотреть видеоблоги (из них 57 % смотрят YouTube), 69 %

нравится читать блоги в текстовом формате, 40 % любят фотоблоги, 24 % — микроблоги, 17 % слушают подкасты. Тематические блоги, в том числе исторические и историко-культурологические, пользуются популярностью почти у 31 % пользователей. На 2023 г. 63 млн человек составили аудиторию отечественной блогосферы. Таким образом, мы можем заключить, что исторические и лингвокультурологические блоги оказали лингвориторическое воздействие в среднем на 19 530 000 человек. Это значительное число, которое определяет актуальность исследования механизмов формирования массового сознания и социально-коммуникативного воздействия на людей речевыми средствами [Чёрный 2023].

Теоретическое обоснование проблемы

Воздействующие механизмы формирования поведенческих реакций пользователей сети Интернет изучаются современными учеными с разных позиций.

Базовые представления о взаимосвязи риторики культуры и истории во взаимодействии общества и индивида изложены в работах А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999], В. И. Карасика [Карасик 2002], Ю. Н. Караулова [Караулов 2004], В. В. Красных [Красных 2003], В. А. Масловой [Маслова 2010]. Рассмотрение конкретных воздействующих лингвориторических приемов с лексико-семантических позиций получило отражение в работах М. М. Бахтина [Бахтин 1979], Л. А. Введенской [Введенская, Павлова 1999], Г. Г. Хазагерова [Хазагеров, Лобанов 2004] и др. В их трудах рассмотрены взаимосвязи дискурса, контекста и лексико-семантических моделей воздействия говорящего. Вопросы прагмалингвистического характера общения рассматривались в трудах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], Г. Г. Матвеевой [Матвеева 2023], Ю. С. Степанова [Степанов 2021], где указывалось, что реализация интенций говорящего реализуется в виде комплекса воздействующих речевых единиц разного уровня, которые обусловливают реакцию получателя.

Тематический характер блогов описан в публикациях различных ученых. А. Б. Бушевым [Бушев 2009] рассмотрены особенности коммуникации в блогосфере, подчеркивается важность междисциплинарного подхода при осмыслении социальных и культурных эффектов современных воздействующих стратегий массмедиа. Эту же проблему изучали В. В. Силкин, П. Р. Акопян [Силкин, Акопян 2020], М. А. Паниковская [Паниковская 2016], В. М. Амиров [Амиров 2019]. Подробный обзор тематических особенностей историко-политических блогов отечественного сегмента интернета представлен в статье Л. Р. Хут [Хут 2014], где отмечены полярность точек зрения авторов и острая конфликтность коммуникации носителей полярных взглядов на историко-политический дискурс в сети Интернет. О. Ф. Русакова и Д. А. Максимов [Русакова, Максимов 2007] отмечают, что для блогосферы принципиально важно установление «режима правды», который действует в пределах данного речевого дискурса конкретного блога и признается блогером и его сторонниками априорным. Интервью как особый жанр ведения блога подробно рассматривается Е. Г. Лебедевой [Лебедева 2021]. В ее исследовании указывается специфичность направленности речевого воздействия в форме интернет-дневника.

Существенный опыт изучения блогосферы отметим в статьях: [Шестерина 2022; Медведева 2021].

Вопросы индивидуальности, коммуникативности, психологической зависимости, которая формируется в блогосфере между авторами, читателями и внутри авторского текста, подробно изучались И. В. Приваловой [Привалова 2020], Мехтап Йылмаз [Йылмаз 2018a; Йылмаз 2018b], Е. А. Толкачевым [Толкачев 2021], Е. В. Лазуткиной [Лазуткина 2016; Лазуткина 2017], Н. А. Гуторовой [Гуторова 2019].

Перспективность и долговременные тенденции развития блога как современного средства СМИ в воздействии на сознание человека и формировании его вкусовых, социальных, культурных и духовных предпочтений отражено в работах: [Соломатин, Соловьев 2019; Соломатин 2019; Соловьев 2017; Давлетшина 2017; Близняк, Герасимов, Хлыбов 2018; Гарифуллин 2017; Гарифуллин, Закиров 2018; Дементьева 2017; Мустафина 2014; Киселева 2019].

Особенности речевой коммуникации в жанре видеоблога как наиболее современного и востребованного механизма воздействия на общество изучали В. А. Лущиков [Лущиков, Терских 2018], И. А. Каирова [Каирова, Кошман 2018], Е. Е. Абросимова [Амбросимова 2018], отметившие всевозрастную направленность этого жанра, что имеет особое значение для нашего исследования.

Экономический характер блогосферы как генератора нематериального продукта, площадок рекламы, трекинга и источника формирования спроса рассматривались И. В. Ковалевой [Ковалева, Чубатюк 2019], М. В. Данилиной [Данилина, Дейнекин 2014], Е. А. Муратовой [Муратова 2019].

Исследование К. О. Квятковского и О. Ф. Русаковой [Квятковский, Русакова 2011] раскрывает проблему конфликтности с позиции постоянного перераспределения сфер коммуникативных практик в блогосфере, и суть конфликтности они связывают с тем, что лингвистический характер блогосферы есть порождение языка власти. Власть блогера над умами читателей/зрителей связывается с тем, что блогосфера сама становится источником смыслов для других элементов коммуникации, подчиняя, таким образом, разные стороны бытия человека. Данное исследование направлено на рассмотрение механизмов воздействия блогеров на читателей/зрителей и формирования поля воздействующих смыслов.

Описание методики исследования

Исследование носило экспериментальный характер. Его начало было положено в 2013 г. с рассмотрения блога Д. Ю. Пучкова[1], где публиковались видеоролики на исторические и гуманитарные темы. В 2021–2023 гг. подготовлен основной текст настоящего исследования. Для изучения речевого поведения были взяты популярные видеоблоги на сервисе YouTube. Популярность видеоблогов определялась по существующим методам: количество подписчиков, релевантность запроса поисковиков, наличие рекомендаций в соцсетях, на образовательных и научно-просветительских порталах (например, принципы определения популярности блогов описаны в: [Сипко 2016]). В перечень рассмотренных видеоблогов вошли:

[1] Электронный ресурс https://www.youtube.com/channel/UCWnNKC1wrH_NXAXc5bhbFnA/videos?sort=p&shelf_id=2 (дата последнего обращения: 04.05.2020. В 2023 г. канал заблокирован администрацией YouTube).

TacticMedia[2] — блог о событиях истории войн, включая войны XVIII–XIX вв., Первую и Вторую мировые, локальные конфликты XX в. Проанализировано 26 видеороликов, набравших по 50 000 просмотров каждый.

Антропогенез.ру[3] — просветительский блог об истории Древнего мира, филологии, антропогенезе человека. Проанализировано 57 видеороликов, набравших по 50 000 просмотров каждый.

Цифровая история[4] — блог о событиях Первой мировой и Второй мировой войн, революций и Гражданской войны в России, локальных конфликтах XX в. Проанализировано 27 видеороликов, набравших по 50 000 просмотров каждый.

Блог Т. В. Черниговской[5] — блог по психолингвистике известного психолога и лингвиста. Проанализировано 15 видеороликов, набравших по 50 000 просмотров каждый.

Arzamas[6] — блог филологической направленности. Проанализировано 15 видеороликов, набравших по 50 000 просмотров каждый.

ПостНаука[7] — блог естественно-научной и гуманитарной направленности. Проанализировано 10 видеороликов о языке и филологии, набравших по 10 000 просмотров каждый.

Филолог Всея Руси[8] — блог филологической направленности. Проанализировано 11 видеороликов, набравших по 10 000 просмотров каждый.

Книжный чел[9] — блог филологической направленности. Проанализировано 10 видеороликов, набравших по 10 000 просмотров каждый.

Береста[10] — блог по истории Древнего мира и Средневековья. Проанализировано 11 видеороликов, набравших по 10 000 просмотров каждый.

Эпичная история[11] — блог по различным событиям мировой и российской истории. Проанализировано 10 видеороликов, набравших по 10 000 просмотров каждый.

Количество использованных для анализа блогов и видеороликов определялось возможностью проводить статистически достоверные наблюдения (не менее 6 единиц), их популярностью (от 10 000 просмотров) и личным интересом авторов к предложенному в роликах содержанию. Всего около 100 часов просмотра. Все блоги попадают под критерии «популярный», поскольку имеют большое количество подписчиков, просмотров, высокую релевантность запроса в поисковых системах «Яндекс», Google, на самом хостинге YuoTube, рекламируются в соцсетях и на сайтах (например, на сайте «Педсовет»[12]).

Зрители изученных блогов выступают в роли получателей устных сообщений, дополняемых визуальным рядом. Дальнейший эксперимент включал в себя изуче-

---

[2] Электронный ресурс https://www.youtube.com/channel/UCgGquprM-QtQbIixXvfpovw.
[3] Электронный ресурс https://www.youtube.com/channel/UCmeHX75iiqezgdKgYfrFKSA.
[4] Электронный ресурс https://www.youtube.com/channel/UCmNDf2w5wy9m61bq7IqmWZg.
[5] Электронный ресурс https://rutube.ru/plst/141961/.
[6] Электронный ресурс https://www.youtube.com/c/Arzamaschannel/playlists.
[7] Электронный ресурс https://www.youtube.com/c/postnauka/featured.
[8] Электронный ресурс https://www.youtube.com/c/ФилологвсеяРуси/featured.
[9] Электронный ресурс https://www.youtube.com/channel/UCSRuVT_oxnVFXpouzKYXo4g.
[10] Электронный ресурс https://www.youtube.com/@videoberesta.
[11] Электронный ресурс https://www.youtube.com/@EpicHistoryRu.
[12] Электронный ресурс https://pedsovet.org/.

ние речи блогеров, комментаторов блогов (обратная связь) и реакций в специально сформированной аудитории студентов и преподавателей вузов Юга России.

Выбор аудитории для опроса объяснялся возможностью авторов анкетировать группу наиболее социально активных и образованных людей. Подробнее о качествах возрастных групп, изучаемых в социологии и лингвистике, см., например: [Бутакова 2018; Курышева 2015].

Для полевого изучения блогеров проведено анкетирование 200 обучающихся гуманитарной и технической направленности в возрасте 18–21 года; 36 респондентов с высшим специальным образованием в возрасте от 25 до 35 лет; 25 респондентов с высшим специальным образованием в возрасте от 36 до 50 лет. Анкеты включали в себя не только ответы на вопросы о характере предпочтений, но и краткий пересказ содержательной стороны недавно просмотренных блогов. Затем были проведены свободные беседы с респондентами, в которых проводилось наблюдение за их речевым поведением в характеристике блогов с целью обнаружения перлокутивного эффекта. После этого анализировался характер комментариев в блогах и проводилось сравнение с данными анкет. Полученные данные сравнивались с результатами наблюдений над десятью известными блогерами, которых респонденты упомянули в анкетах.

В вопросах, адресованных респондентам, учитывалось отличие проблемно-тематических векторов, поднимаемых в разговорах часто, от вопросов, рассматриваемых редко или вообще не принимаемых во внимание. При подведении результатов исследования структура тем была организована по иерархическому принципу в соответствии с уровнем общей популярности отдельных вопросов. Полученная таким образом иерархия тем, затронутых в ходе бесед, не отличается от иерархии, сформированной селекцией ответов на вопросы анкеты. В беседах больше представлена социально-историческая тематика с довольно четким эмоциональным оттенком и доминированием интереса к темам, которые можно обозначить как «местная (для блога) сенсация». Например: *А вот Алексей Исаев недавно открыл Федора Лисицына*; *Татьяна Черниговская предсказала, как разовьются нейросети в двадцатых годах* (из интервью со студентами).

Затем были исследованы сами блоги. Выявлены закономерности речевого взаимодействия блогеров с аудиторией, используемые блогерами риторические приемы и перлокутивный эффект их воздействия на аудиторию в виде комментариев в блогах.

Анализ материала

Результаты анкетирования респондентов представлены в таблице. Вопросы относительно интереса, проявляемого респондентами к видеоблогам, позволили определить тематику просматриваемых видеоблогов, популярность каналов и блогеров, типологию поднимаемых в блогах тем.

Следует подчеркнуть, что зрительская аудитория блогов подходит к их восприятию прежде всего как к источнику информационных сообщений о различных ключевых событиях и проблемах по интересующей тематике. Блоги читают 96 % респондентов, причем 64 % из них регулярно. При оценке каналов, освещающих исторические и лингвокультурологические события, реципиенты проявили заинтересованность следующей проблематикой:

— история Древнего мира;
— история Первой мировой войны и революционных событий в России;
— история Второй мировой войны;
— история событий рубежа 1980–1990-х годов в СССР и мире;
— история возникновения языков мира;
— этимология языка;
— связь языка и мышления.

Отметим, что изученные тенденции позволили отделить постоянный интерес от случайного. Это различие является важным фактором, так как определяет пределы актуальных и потенциальных возможностей блога в пределах определенной тематики. Кроме того, постоянная заинтересованность представляет собой существенный показатель общественного значения вопросов, затрагиваемых в публикациях этого жанра.

Предпочтение отдается публикациям, дающим знания о проблеме в целом, узкие же вопросы зрители предпочитают узнавать в рамках проводимых некоторыми блогерами стримов или в виде отдельно записанных ответов на присылаемые в комментариях вопросы.

Вопросы, касающиеся речевого воздействия блогов, позволили раскрыть механизм этого воздействия (таблица).

Приводимые по памяти примеры были не совсем точны, но содержали в себе элементы воздействующей речи, о которых мы расскажем далее, что уже на этапе изучения анкет позволило говорить о наличии обратной реакции на воздействие в виде повтора воздействующего компонента. Интересно, что группы опрошенных считают речь блогеров лишенной украшенности и максимально информативной (наибольшие показатели у самой молодой группы респондентов), но при этом выделяют средства выразительности в других графах анкет. Наличие характерных и запоминающихся для речевого портрета блогера слов и выражений показывает формирование у зрителей условных реакций на воздействующую речь и априорной оценки говорящего независимо от темы и содержания последующих выступлений.

Анкеты показали наличие воздействия речи блогеров на читателей и позволили выявить некоторые показатели, характеризующие это воздействие. Больший материал для интерпретации дали свободные интервью, где во время беседы респонденты характеризовали свое отношение к изучаемым блогам, подробно комментировали речь блогеров.

Изучение языкового материала комментариев к блогам проводилось в виде одномоментной сплошной выборки всех комментариев на дату просмотра. Общее число проанализированных комментариев составило 16 000 записей, из которых отобраны содержащие идентифицируемую реакцию на речь блогера. Таких комментариев оказалось 5122, или 32 % от общего числа. Комментарии содержали реакции оценивания речевого поведения блогеров, стиля и характера их высказываний, прямых повторов фрагментов речи.

Сравнение детерминированных единиц показывает совпадение реакций на выделенные типы приемов речевого воздействия блогеров у всех групп респондентов и существующую разницу в этих реакциях лишь в процентном соотношении по группам опрошенных, о чем подробно скажем ниже.

Таблица. **Результаты анкетирования разных возрастных групп респондентов**

Тип вопроса	Обучающиеся в возрасте 18–21 года	Респонденты с высшим специальным образованием в возрасте от 25 до 35 лет, %	Респонденты с высшим специальным образованием в возрасте от 36 до 50 лет, %
Обращаете ли вы внимание на речь инересующего вас блогера?	Да — 54, нет — 46	Да — 82, нет — 18	Да — 64, нет — 36
Как вы можете ее охарактеризовать?	Эмоциональная (30), лаконичная (6), интересная (12), живая (32), энергичная (16), монотонная (4)	Эмоциональная (24), лаконичная (3), интересная (21), живая (30), энергичная (18), монотонная (4)	Эмоциональная (25), лаконичная (2), интересная (32), живая (4), энергичная (37), монотонная (0)
Есть ли у блогера какие-нибудь характерные выражения, слова, которые бы ассоциировались с ним?	Да* — 54, нет — 46	Да — 57, нет — 43	Да — 48, нет — 52
Что запомнилось вам из просмотренного ролика? (одного из предложенных к просмотру)	Привели примеры высказываний — 93, не привели примеры — 7	Привели примеры высказываний — 89, не привели примеры — 11	Привели примеры высказываний — 97, не привели примеры — 3
Можете ли вы повторить наиболее запомнившиеся фрагмент?	Да — 77, нет — 23	Да — 71 нет — 29	Да — 82, нет — 18
Можно ли сказать, что речь блогер лишена украшенности, максимально однозначна и информативна?	Да — 57, нет — 43	Да — 32, нет — 68	Да — 7, нет — 93
Есть ли в речи блогера метафоры?	Да — 74, нет — 23	Да — 71, нет — 29	Да — 82, нет — 18
Есть ли в речи блогера слова со значением преувеличения?	Да — 74, нет — 23	Да — 71, нет — 29	Да — 82, нет — 18
Есть ли в речи блогера слова со значением преуменьшения?	Да — 74, нет — 23	Да — 71, нет — 29	Да — 82, нет — 18

* Здесь и далее при ответе «да» респонденты приводили примеры по памяти.

Результаты исследования

Полученные в результате анализа анкет данные свидетельствуют о следующих механизмах речевого воздействия блогеров.

Универсальными средствами воздействия остаются предикативные конструкции с глаголами долженствования, категорического утверждения или с глаголами в повелительном наклонении:

Фон Бок обязан был поступить так (А. Исаев)[13]; *…для меня Хейердал — фрик* (А. Соколов)[14].

С ними сближаются конструкции с интенцией категорического утверждения, формально выраженные сослагательным наклонением:

Если бы Паулюс отдал приказ прорывать — все могло бы закончиться иначе! (А. Исаев)[15].

Неглагольные конструкции с модальными словами утверждения *обязательно, конкретно, конечно, непременно, безусловно*:

Безусловно, это безусловно успех Рокоссовского (А. Исаев)[16].

Самый распространенный прием — использование юмора с целью построения эмоциональной коммуникации с пользователями блога. В ряде случаев весь блог может состоять из юмористических высказываний, сближаясь с эстрадными жанрами, при формальной историко-культурной повестке. Например, обсуждение историко-культурных недостатков сериала «Ликвидация» в блоге Д. Ю. Пучкова представляет собою многочасовой квазидиалог, в котором Д. Ю Пучков и К. А. Жуков высмеивают сериал буквально по каждой минуте сюжетного времени картины.

Блогерами используется звукоподражание, которое чаще эпатирует читателя (например, использование Д. Ю Пучковым и К. А. Жуковым хрюканья поросенка в качестве знака неодобрения обсуждаемой позиции оппонента) и в некоторых случаях иллюстрирует повествование.

Распространены в блогах мейоз и гипербола, причем в ряде случаев одновременно:

Страшнейший голод (А. Исаев)[17].

Не менее широко используются апофазис, анадиплез, антифазис, гипифора, эвтрепизм:

Я уже неоднократно говорил, что, во-первых, ученые не придумывают факты… (А. Соколов)[18].

Наблюдения показывают статистическую закономерность представления приемов в изученных блогах (рис. 1).

Наиболее популярным средством воздействия на получателя информации из блога оказываются глагольные конструкции, менее распространены приемы

---

[13] Алексей Исаев о контрнаступлении Красной Армии под Москвой в декабре 1941 — январе 1942 года. *TacticMedia*. 18.12.2018. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=7O2SXa5IUNY.

[14] Неандертальцы и пандемия. Тур Хейердал прав? Мумия амазонки — Новости. *Антропогенез.ру*. 05.04.2023. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=P1KcHpRqWOA.

[15] Алексей Исаев о Сталинградской битве. *TacticMedia*. 19.12.2019. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=zr_4J88sb50.

[16] Алексей Исаев. «Огненная дуга» Юрия Озерова. *TacticMedia*. 12.07.2022. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=r4hMAl1zDVg.

[17] Алексей Исаев. На помощь голодающему Ленинграду. Подвиг 2-й Ударной армии. *TacticMedia*. 31.05.2021. Электронный ресурс https://youtu.be/q4R8hHf0ch0?feature=shared.

[18] Анатомия РЕН-ТВ: самая шокирующая бредятина. *Антропогенез.ру*. 24.06.2017. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=2Nk2LWsysTw.

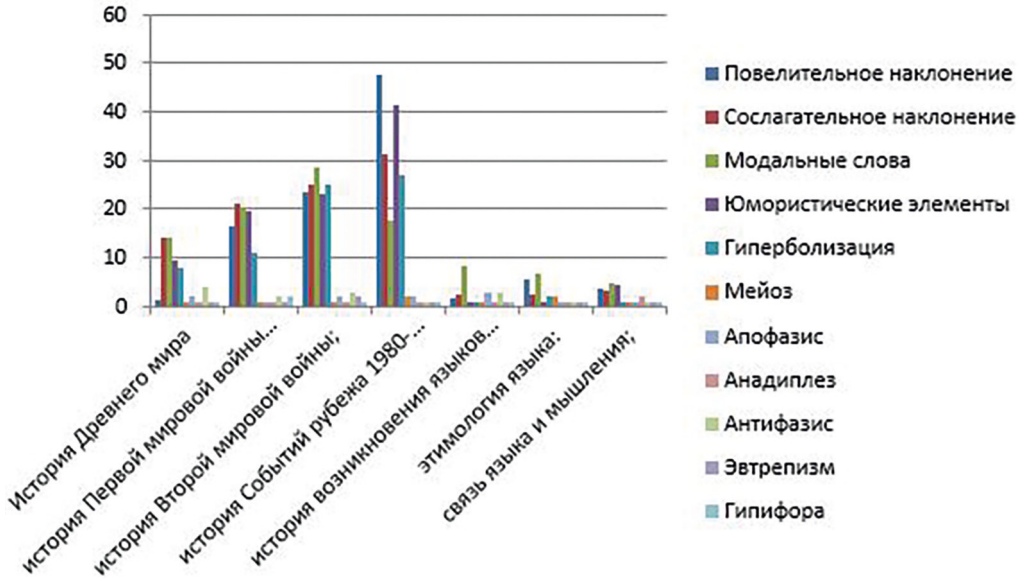

Рис. 1. Статистическая закономерность представления риторических приемов воздействия в блогах, в % (от 100 % каждого использованного приема в тематике блога)

классической риторики. Повышение количества воздействующих средств наблюдается в наиболее социально острых темах: революция в России, Первая и Вторая мировые войны, распад Советского Союза. Здесь мы видим со стороны автора не только стремление убедить в своей правоте зрителя, но и личностные переживания, связанные с восприятием данных тем в обществе и лично отправителем сообщения. Меньшее количество воздействующих приемов используется при освещении истории Древнего мира и вопросов языкознания, более нейтральных в стилистико-эмотивном отношении.

Интересно, что по итогам пересказов, приведенных в анкетах респондентами, а также свободных бесед среди наиболее молодых авторов были отмечены повторы воздействующих конструкций, которые высказывались интересующими их блогерами. Например, в блоге Д. Ю. Пучкова одной из «визитных карточек» автора является фраза *Во-первых, как всегда!*, подчеркивающая идею постоянства качества и актуальности контента блога и предшествующая целеполаганию дальнейшего сообщения. Эту фразу дословно повторяют 4 % респондентов из числа постоянных зрителей блога в письменной части анкеты и 65 % респондентов в устном интервью. Она же повторяется комментаторами в текстах-ответах к блогу Д. Ю. Пучкова.

Данный факт говорит о том, что эта конструкция стала частью ассоциативного речевого портрета блогера и воздействует на аудиторию как актуализатор качественной (позитивной) оценки блога независимо от дальнейшей тематики сообщения.

Полные или частичные повторы воздействующих элементов мы видим в реакциях на сообщения А. В. Исаева, А. Б. Соколова, М. Э. Морозова и др. На рис. 2 показаны результаты реакций воспринимающей аудитории на воздействие в блогах.

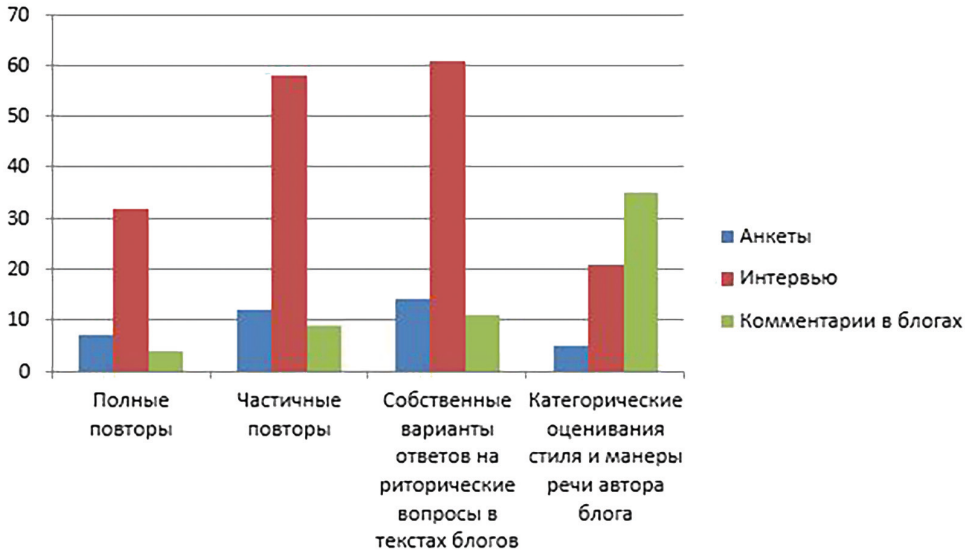

Рис. 2. Реакции на речевое воздействие в блогах, в % (от 100 % каждого использованного приема в тематике блога)

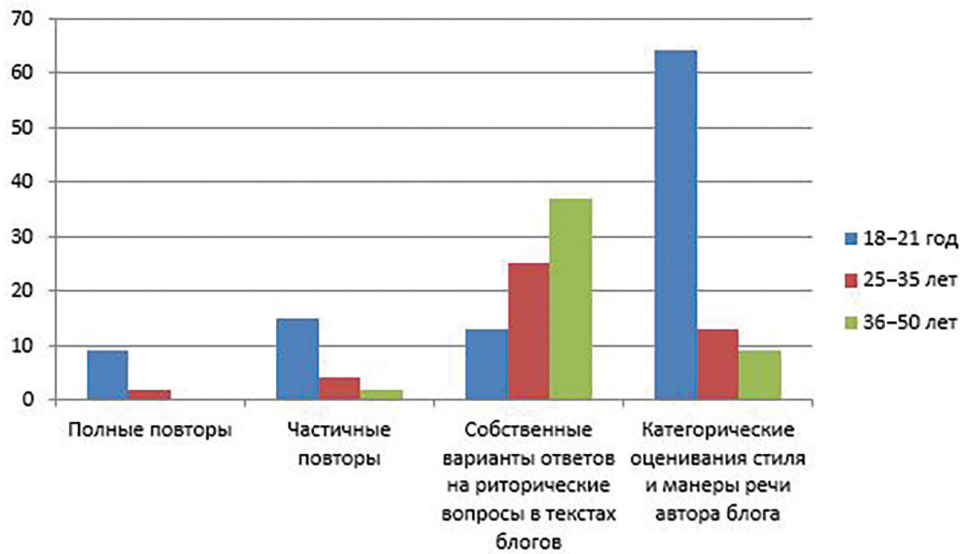

Рис. 3. Реакции на речевое воздействие в блогах, в % (от 100 % в каждой возрастной группе)

Процентное соотношение реакций, демонстрирующих эффективность влияния речи блогеров на воспринимающую аудиторию, в разновозрастных группах различается. Это можно наблюдать на диаграмме, представленной на рис. 3.

Младшие по возрасту группы проявляют бóльшую склонность повторять за лидером воздействующие речевые сигналы по сравнении со старшими возрастными группами, для которых характерно высказывать собственное суждение по под-

нятым вопросам и в меньшей степени оценивать личность собеседника, чем для более молодых получателей сообщений блогов.

Реакция комментаторов в блогах, которые не могут быть однозначно дифференцированы по возрасту, полу, уровню образования и другим критериям, говорит о средневозрастной группе комментаторов (преобладающий возраст до 35 лет). Такой вывод сделан из анализа десяти блогов, в темах которых набирается в среднем по 500 комментариев. Их анализ, результаты которого представлены на рис. 2, позволяет предположить, что склонность к полным и частичным повторам воздействующих сигналов свойственна подросткам и молодым людям до 21 года (4 % полных и 9 % частичных повторов по результатам сплошной выборки). Тяготение к заочной дискуссии демонстрирует более старшая и, видимо, более просвещенная часть аудитории — 11 % собственных ответов на риторические вопросы. Категорические оценки речевого поведения авторов пропорционально делятся между всеми возрастными группами, среди которых, скорее всего, доминируют комментаторы младшей возрастной группы.

Выводы

Обобщить итоги проведенного исследования можно следующим образом.

Блогосфера — новое речевое пространство, которое предлагает читателям/зрителям видеоблогов текстовый (устный или письменный) продукт, имеющий признаки нематериальной ценности и воздействующий на сознание воспринимающей стороны. Каждый автор блогов выступает в них оратором, организующим внимание аудитории и подчиняющим его целям наиболее эффективного воздействия на слушателя. Перлокутивный эффект воздействия определяет как популярность блогера в пользовательской среде Интернет, так и зависимость читательских оценок от риторических умений и навыков блогера. В речевом воздействии блогеров на аудиторию можно выделить три стратегии: традиционное риторическое воздействие, выраженное в использовании известных риторических приемов; коммуникативно-социальную — формирование образа «лидера мнений»; ментальную — формирование стереотипного речевого портрета в сознании воспринимающей стороны.

Все эти стороны возможно выявить экспериментальным путем, наблюдая за речевым поведением и реакциями получателей сообщений блогов.

Изучение реакций специально созданных групп получателей сообщений выявило наличие положительной связи между воздействующими инструментами осознанного речевого поведения блогеров и реакциями воспринимающей стороны. Выявлено наличие оценочных суждений о речевом поведении блогеров, повторы речевых воздействующих моделей и склонность к дискуссии у большинства зрителей блогов. При этом более молодые зрители склонны проявлять заметно выраженную эмоциональную реакцию на воздействие блогера, чем старшие по возрасту.

Среди воздействующих механизмов речи блогеров приоритетное место занимают императивные речевые сигналы, связанные с предикативными конструкциями. Тем не менее в каждом из блогов выявлено использование всей палитры риторических средств. Степень намеренности или интуитивности использования этих приемов в данном исследовании не изучалось и представляет собою перспективу для дальнейших исследований.

С уверенностью можно говорить о существовании объективной преемственности на уровне риторического воздействия блогов с такими жанрами, как проповедь, политический манифест, и другими речевыми механизмами управления социумом средствами публичных выступлений. Наличие объективно доказываемой положительной обратной связи и тенденции следовать за блогером в социоментальном пространстве речи говорит о возможности широких манипуляций общественным мнением со стороны блогосферы.

Литература

Абросимова, Е. Е. (2018). Портрет современного ребенка-видеоблогера. *Общество: социология, психология, педагогика, 2*, 30–33.

Амиров, В. М. (2019). Военная журналистика и блоги: новое поле презентации. *Знак: проблемное поле медиаобразования, 2* (32), 176–180.

Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека.* М.: Языки русской культуры.

Бахтин, М. М. (1979). *Проблема речевых жанров*. М.: Художественная литература.

Близняк, Р. З., Герасимов, И. А., Хлыбов, А. С. (2018). Блогинг как технология социальной и политической коммуникации в регионе (на материалах Краснодарского края). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 3,* 85–101.

Бутакова, Л. О. (2018). Методологические проблемы комплексных исследований социально- коммуникативных характеристик определенной возрастной группы. *Этнопсихолингвистика, 1,* 228–246.

Бушев, А. Б. (2009). Особенности коммуникации в блогосфере. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева, 2*, 9–14.

Введенская, Л. А., Павлова, Л. Г. (1999). *Культура и искусство речи. Современная риторика*. Ростов н/Д: Феникс.

Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков.* М.: Языки русской культуры.

Гарифуллин, В. З. (2017). Функционирование блогов в системе национальных СМИ Республики Татарстан. *Знак: проблемное поле медиаобразования, 2* (24), 46–49.

Гарифуллин, В. З., Закиров, Л. Р. (2018). Роль блогосферы в развитии национального интернет-пространства. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 4*, 872–881.

Гуторова, Н. А. (2019). Взаимодействие расследовательской и научной журналистики при создании медиатекстов. *Вестник СПбГУ. Язык и литература, 1,* 66–74.

Давлетшина, С. Р. (2017). Перспективы развития традиционных СМИ в условиях конкуренции с социальными медиа. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2* (25), 80–86.

Данилина, М. В., Дейнекин, Т. В. (2014). Инструментарий интернет-маркетинга и его значение в современной экономике. *Вестник евразийской науки, 6* (25), 1–9.

Дементьева, К. В. (2017). Медиаплощадки в Интернете как способ выражения общественного мнения молодежи. *Журналистский ежегодник, 6,* 9–12.

Йылмаз, М. (2018a). «Привет, Машенька»: особенности использования обращений в женской речи в блогосфере. *Мир науки, культуры, образования, 1* (68), 402–407.

Йылмаз, М. (2018b). Экспрессивно-оценочная лексика в женской речи в русской блогосфере (на фоне турецкой блогосферы). *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 4-2* (82), 363–367.

Каирова, И. А., Кошман, М. В. (2018). Социоинтегративный потенциал геобрендинга в видеоблогосфере. *Научная мысль Кавказа, 1* (93), 79–86.

Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* Волгоград: Перемена.

Караулов, Ю. Н. (2004). *Русский язык и языковая личность.* М.: Либроком.

Квятковский, К. О., Русакова, О. Ф. (2011). Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы. *Социум и власть, 3,* 70–74.

Киселева, А. (2019). Оценка воздействия социальных медиа на политические и социокультурные взгляды молодежи в условиях глобальной трансформации общества (на примере видеоблогинга). *Векторы благополучия: экономика и социум, 1* (32), 26–36.

Ковалева, И. В., Чубатюк, Е. (2019). Развитие интернет-маркетинга в продвижении товаров на рынке: теоретический аспект. *Экономика и бизнес: теория и практика, 7*, 63–68.

Красных, В. В. (2003). *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* М.: Гнозис.

Курышева, О. В. (2015). Социально-возрастные нормы: конструирование феномена. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития, 1* (13), 3–5.
Лазуткина, Е. В. (2016). Лидеры мнений в информационном пространстве блогосферы Рунета. *Вестник НГУ. Серия: История, филология, 6*, 51–59.
Лазуткина, Е. В. (2017). Основные формы манипуляции информацией в социальных медиа Рунета. *Знак: проблемное поле медиаобразования, 2* (24), 221–224.
Лебедева, Е. Г. (2021). Интервью в отечественной блогосфере. *Медиальманах, 3* (104), 73–80.
Лущиков, В. А., Терских, М. В. (2018). Видеоблогинг как инструмент социальной коммуникации. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки, 13*, 47–56.
Маслова, В. А. (2010). *Лингвокультурология*. М.: Академия.
Матвеева, Г. Г. (2023). *Основы прагмалингвистики*. Ростов н/Д: Дон. гос. техн. ун-т.
Медведева, Е. В. (2021). Специфика аудитории видеоблога и ее влияние на процесс ретиальной коммуникации. *Медиалингвистика, 3,* 261–272.
Муратова, Е. А. (2019). Сущность контекстной рекламы в цифровой экономике. *Московский экономический журнал, 9*, 52.
Мустафина, Н. Р. (2014). Рекламное пространство региональной блогосферы. *Огарёв-Online, 17* (31), 1–7.
Паниковская, М. А. (2016). Специфика трэвел-журналистики в блогосфере. *Медиасреда, 11*, 85–91.
Привалова, И. В. (2020). Деиндивидуализация сообщений в блогосфере. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 1*, 25–35.
Русакова, О. Ф., Максимов, Д. А. (2007). Дискурс политического бренда. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки, 24* (96), 85–89.
Силкин, В. В., Акопян, П. Р. (2020). Феномен и специфика блога как социокультурного явления. *StudNet, 10*, 95.
Сипко, Е. С. (2016). Популярность влогов в информационном пространстве России. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки, 4,* 22–28.
Соловьев, А. И. (2017). Массмедиа и блоги, традиционная и гражданская журналистика: взаимодействие и дополнение друг друга. *Синергия, 5*, 59–70.
Соломатин, Д. Д., Соловьев, В. А. (2019). Блогинг как катализатор журналистики в медиасистеме России. *Вестник науки и образования, 14-1* (68), 72–78.
Соломатин, Д. Д. (2019). Блогинг как подвид традиционной журналистики в России. *Инновационная наука, 7–8*, 72–78.
Степанов, Ю. С. (2021). В *трехмерном пространстве языка.* М.: Ленанд.
Толкачев, Е. А. (2021). К вопросу о профессиональной этике блогосферы. *Вестник магистратуры, 4-3* (115), 35–36.
Хазагеров, Г. Г., Лобанов, И. Б. (2004). *Риторика.* Ростов н/Д: Феникс.
Хут, Л. Р. (2014). Историческая блогосфера Рунета. *ЛиТ. Исторический альманах, 5,* 173–188.
Шестерина, А. М. (2022). Приемы актуализации метапрограмм в научно-популярном секторе видеоблогинга. *Медиалингвистика, 4,* 404–413.

Источники

Блогеры или СМИ: кому доверяют больше? *Анкетолог.* 15.06.2020. Электронный ресурс https://iom.anketolog.ru/2020/06/15/blogery.
Чёрный, В. (2023). Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2023. *Brand Analytics*. 14.06.2023. Электронный ресурс https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023/.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 29 октября 2024 г.

Контактная информация:

Ширина Елена Владимировна — д-р филол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0002-6192-8756, evshirina@sfedu.ru, shirinalena007@yandex.ru
Мясищев Георгий Игоревич — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0002-6290-5150, georgy-2583@yandex.ru
Батищева Анастасия Святославовна — преп.; https://orcid.org/0000-0002-5485-6156, gifoskri@gmail.com

Linguistic impact of the blog as a current genre of modern media on Internet users

E. V. Shirina[1], G. I. Myasischev[2], A. S. Batischeva[2]

[1] Southern Federal University,
105/42, ul. Bol'shaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
[2] Don State Technical University,
1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation

For citation: Shirina E. V., Myasischev G. I., Batischeva A. S. (2025). Linguistic impact of the blog as a current genre of modern media on Internet users. *Media Linguistics*, *12* (1), 95–111. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.106 (In Russian)

The article considers the methods of speech influence of authors of popular video blogs of historical and cultural topics on the audience of the Internet space. The effectiveness of communication with blog subscribers allows their authors not only to form a loyal audience around them, but also to become "opinion leaders". The purpose of this study is to determine the linguistic and rhetorical techniques by which bloggers provoke discussion and draw attention to the topics raised. The subject of the study was both bloggers' statements and the perlocutive effect of their influence on the audience in the form of blog comments, and the reaction of blog addressees, which was revealed in the course of questionnaire survey of different age groups. At the first stage, the topics and the name of blogs were determined. At the second stage, based on the results of the answers with examples given by the respondents, the voyeuristic mechanism of bloggers' speech was determined. The respondents recalled examples containing elements of influential speech, characteristic and memorable for the blogger's speech portrait words and expressions, which at this stage of analysis showed the formation of conditional reactions to the influential speech and a priori evaluation of the speaker, regardless of the topic and content of subsequent speeches. The study of the linguistic material of blog comments was conducted as a one-stage continuous sampling of all comments on the date of viewing. The comments contained reactions of evaluations of bloggers' speech behavior, style and character of their statements, direct repetitions of speech fragments. The comparison of deterministic units showed the coincidence of reactions to the selected types of bloggers' speech behavior techniques in all groups of respondents. In the course of the study it was found out that the impact on the audience is achieved not only through linguoritorical means proper, but also through other techniques. As a result of the study, the reactions to the speech impact in blogs of each technique used in each age group were analyzed and described.

Keywords: media linguistics, mass media, blogosphere, pragmalinguistics, media rhetoric.

References

Abrosimova, E. E. (2018). Portrait of a modern child video blogger. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika, 2,* 30–33. (In Russian)

Amirov, V. M. (2019). Military journalism and blogs: a new field of presentation. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, *2* (32), 176–180. (In Russian)

Arutiunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian)

Bakhtin, M. M. (1979). *The problem of speech genres*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)

Blizniak, R. Z., Gerasimov, I. A., Khlybov, A. S. (2018). Blogging as a technology of social and political communication in the region (on the materials of the Krasnodar region). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 12. Politicheskie nauki, 3*, 85–101. (In Russian)

Butakova, L. O. (2018). Methodological problems of complex studies of socio-communicative characteristics of a certain age group. *Etnopsikholingvistika, 1,* 228–246. (In Russian)

Bushev, A. B. (2009). Features of communication in the blogosphere. *Vestnik KGPU imeni V. P. Astaf'eva*, 2, 9–14. (In Russian)
Davletshina, S. R. (2017). Prospects for the development of traditional media in the context of competition with social media. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki, 2* (25), 80–86. (In Russian)
Danilina, M. V., Deinekin, T. V. (2014). Internet marketing tools and its importance in the modern economy. *Vestnik evraziiskoi nauki, 6* (25), 1–9. (In Russian)
Dement'eva, K. V. (2017). Internet media platforms as a way of expressing the public opinion of young people. *Zhurnalistskii ezhegodnik, 6*, 9–12. (In Russian)
Iylmaz, M. (2018a). "Hello, Mashenka": Peculiarities of using appeals in female speech in the blogosphere. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, 1*(68), 402–407. (In Russian)
Iylmaz, M. (2018b). Expressive-evaluative vocabulary in women's speech in the Russian blogosphere (against the background of the Turkish blogosphere). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, *4-2* (82), 363–367. (In Russian)
Garifullin, V. Z. (2017). Functioning of blogs in the system of national mass media of the Republic of Tatarstan. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia, 2* (24), 46–49. (In Russian)
Garifullin, V. Z., Zakirov, L. R. (2018). The role of the blogosphere in the development of the national Internet space. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki, 4*, 872–881. (In Russian)
Gutorova, N. A. (2019). Interaction between investigative and scientific journalism in the creation of media texts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 1*, 66–74. (In Russian)
Kairova, I. A., Koshman, M. V. (2018). Socio-integrative potential of geobranding in the video blogosphere. *Nauchnaia mysl' Kavkaza, 1* (93), 79–86. (In Russian)
Karasik, V. I. (2002). *Language circle: Personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena Publ. (In Russian)
Karaulov, Iu. N. (2004). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Librokom Publ. (In Russian)
Kviatkovskii, K. O., Rusakova, O. F. (2011). Main methodological approaches to research of political blogosphere discourse. *Sotsium i vlast', 3*, 70–74. (In Russian)
Kiseleva, A. (2019). Assessment of the impact of social media on the political and socio-cultural views of youth in the context of the global transformation of society (based on the example of video blogging). *Vektory blagopoluchiia: ekonomika i sotsium, 1* (32), 26–36. (In Russian)
Kovaleva, I. V., Chubatiuk, E. (2019). Development of Internet marketing in the promotion of goods on the market: theoretical aspect. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika, 7,* 63–68. (In Russian)
Krasnykh, V. V. (2003). *A "friend" among "strangers": myth or reality?* Moscow: Gnozis Publ. (In Russian)
Kurysheva, O. V. (2015) Socio-age norms: constructing the phenomenon. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Akmeologiia obrazovaniia. Psikhologiia razvitiia, 1* (13), 3–5. (In Russian)
Khazagerov, G. G., Lobanov, I. B. (2004). *Rhetoric.* Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russian)
Khut, L. R. (2014). Historical blogosphere of the Russian Internet. *LiT. Istoricheskii al'manakh, 5,* 173–188. (In Russian)
Lazutkina, E. V. (2016). Opinion leaders in the information space of the Runet blogosphere. *Vestnik NGU. Seriia: Istoriia, filologiia, 6*, 51–59. (In Russian)
Lazutkina, E. V. (2017). The main forms of information manipulation in Runet social media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia, 2* (24), 221–224. (In Russian)
Lebedeva, E. G. (2021). Interview in the domestic blogosphere. *Medial'manakh, 3* (104), 73–80. (In Russian)
Lushchikov, V. A., Terskikh, M. V. (2018). Video blogging as a tool of social communication. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Obshchestvennye nauki, 13*, 47–56. (In Russian)
Maslova, V. A. (2010). *Linguoculturology*: textbook. Moscow: Akademiia Publ. (In Russian)
Matveeva, G. G. (2023). *Fundamentals of pragmalinguistics*. Rostov-on-Don: Donskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ. (In Russian)
Medvedeva E. V. (2021) Specifics of video blog audience and its influence on the process of retial communication. *Media Linguistics, 3,* 261–272. (In Russian)
Muratova, E. A. (2019). The essence of contextual advertising in the digital economy. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal, 9,* 52. (In Russian)
Mustafina, N. R. (2014). Advertising space of the regional blogosphere. *Ogarev-Online, 17* (31), 1–7. (In Russian)
Panikovskaia, M. A. (2016). Specifics of travel journalism in the blogosphere. *Mediasreda, 11*, 85–91. (In Russian)
Privalova, I. V. (2020). Deindividualization of blogosphere messages. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, iazykoznaniia, 1*, 25–35. (In Russian)

Rusakova O. F., Maksimov, D. A. (2007). Political brand discourse. *Vestnik IuUrGU. Seriia: Sotsial'no-gumanitarnye nauki, 24* (96), 85–89. (In Russian)
Silkin, V. V., Akopian, P. R. (2020). The phenomenon and specificity of the blog as a sociocultural phenomenon. *StudNet, 10*, 95. (In Russian)
Sipko, E. S. (2016) Popularity of vlogs in the information space of Russia. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 4,* 22–28 (In Russian)
Solov'ev, A. I. (2017). Mass media and blogs, traditional and citizen journalism: Interacting and complementing each other. *Sinergiia, 5*, 59–70. (In Russian)
Solov'ev, V. A., Skoblikova, D. (2017). Features of the functioning of travel journalism in the Russian media sector. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 10* (783), 275–285. (In Russian)
Solomatin, D. D., Solov'ev, V. A. (2019). Blogging as a catalyst of journalism in the Russian media system. *Vestnik nauki i obrazovaniia, 14-1* (68), 72–78. (In Russian)
Solomatin, D. D. (2019). Blogging as a subspecies of traditional journalism in Russia. *Innovatsionnaia nauka, 7–8.* (In Russian)
Stepanov, Iu. S. (2021). *In the three-dimensional space of language*. Moscow: Lenand Publ. (In Russian)
Tolkachev, E. A. (2021). Towards a question of the professional ethics of the blogosphere. *Vestnik magistratury, 4-3* (115), 35–36. (In Russian)
Shesterina A. M. (2022) Metaprogram actualization techniques in the popular science sector of video-blogging. *Media Linguistics, 4,* 404–413. (In Russian)
Vvedenskaia, L. A., Pavlova, L. G. (1999). *The culture and art of speech. Modern rhetoric.* Rostov-on-Don: Feniks Publ. (In Russian)
Vezhbitskaia, A. (1999). *Semantic universals and the description of languages*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian)

Received: March 4, 2024
Accepted: October 29, 2024

Authors' information:

Elena V. Shirina — Dr. Sci. in Philology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-6192-8756, evshirina@sfedu.ru, shirinalena007@yandex.ru
Georgiy I. Myasischev — PhD in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-6290-5150, georgy-2583@yandex.ru
Anastasia S. Batischeva — Lecturer; https://orcid.org/0000-0002-5485-6156, gifoskri@gmail.com

УДК 070(069) Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Журнал «Здоровье» в межкультурном диалоге современной России: основные содержательные направления

А. В. Полонский[1], *В. Г. Глушкова*[2]

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85
[2] Белгородский университет кооперации, экономики и права, Российская Федерация, 308023, Белгород, ул. Садовая, 116а

Для цитирования: Полонский А. В., Глушкова В. Г. (2025). Журнал «Здоровье» в межкультурном диалоге современной России: основные содержательные направления. *Медиалингвистика*, *12* (1), 112–137. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.107

Содержательное наполнение контакта культур, его ценностно-смысловое развитие зависят от совокупности разных факторов, среди ключевых сегодня мыслится влияние СМИ. Цель настоящего исследования — определить содержательные направления реализации межкультурного диалога в журнале «Здоровье». Предметом исследовательского внимания являются содержательные направления разворачиваемого в журнале межкультурного диалога. В статье формулируется мысль о том, что проблематика межкультурного диалога в контексте современности сохраняет свою актуальность и особую социальную значимость. Журнал «Здоровье», откликаясь на глобальные, национальные и коллективно-личностные обстоятельства жизни современного россиянина, на его познавательные, мировоззренческие и нравственно-эстетические запросы, цели и задачи, активно способствует расширению межкультурных контекстов жизни и деятельности общества, условий для продуктивного межкультурного диалога, формированию общественного сознания, которое не допускает безразличия к духовно-нравственной традиции, как к собственной, так и инокультурной. В аспекте диалога культур в журнале выделяются следующие содержательные направления: современность в традициях и практиках здоровья разных культур, культурное многообразие мира и инокультурный опыт в сфере здорового образа жизни и благополучия; актуализация прошлого («глобального прошлого» и «родной старины») как важнейшего культурного ресурса современности, основы для разработки оптимальных моделей современной жизни в ее культурных практиках здоровья и терапии, в опыте физического, душевного и социального благополучия; гендерное благополучие, связанное с вопросами здоровья, красоты и молодости современной женщины, с ее социальным, семейным и личностным благополучием, многоаспектным диалоговым взаимодействием с мужчиной.

Ключевые слова: современный языковая картина, контакт культур, межкультурный диалог, СМИ, журнал «Здоровье».

Постановка проблемы

Контакты между культурами — это фундаментальная основа существования и развития общества, это ресурс, который привносит новые элементы в его жизнь и деятельность, определяет грани его культурного опыта, эволюцию его культур-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

ных практик и ценностно-смысловых программ. Неотъемлемым процессом современного мира является глобализация, понимаемая как открытый поток сообщений, знаний, идей, концепций, образов, технологий и артефактов, маркированных разными системами взглядов и представлений. Глобализация обостряет вопросы контакта культур, который сегодня принимает форму либо межкультурного диалога, нацеленного на конструктивный обмен смыслами, практиками или артефактами, на формирование общих духовно-нравственных парадигм жизни, деятельности и дискурсов, расширение процессов когнитивной, мировоззренческой, эмоциональной, поведенческой и коммуникативно-языковой интеграции обществ, либо межкультурного конфликта, возникающего на основе ценностно-смысловой конфронтации, негативного переживания и жесткого неприятия другого опыта — социального, концептуального, аксиологического, политико-идеологического, религиозного, нравственного, эстетического.

Проблематика контакта культур, их многогранного соприкосновения и взаимодействия обретает особую научно-теоретическую и социально-практическую значимость в контексте текущей жизни, в условиях многочисленных глобальных вызовов, усложнения всех процессов (геополитических, социальных, политико-идеологических, мировоззренческих, культурных, интеллектуальных, языковых, коммуникативно-технологических). В условиях, когда культура особенно остро переживается как идея, которая формирует либо «зону общения», диалога, объединяя людей вокруг общих смыслов, концепций и практик, либо «зону отчуждения», разделяя людей, проводя между ними границу, которая становится, как говорил Д. С. Лихачев, «стеной разобщенности» и обретает «форму монолога» [Лихачев 1995: 4], связанного не столько с поддержанием, сохранением «цельного монологического голоса» [Бахтин 2020: 435], т. е. собственной, самобытной системы ценностей и взглядов, сколько с обеспечением непроницаемой изоляции своего смыслового пространства, с жесткой манифестацией культурно-идеологической оппозиции «свой — чужой» и утверждением безусловного приоритета принятого, устоявшегося, утвержденного в практике собственной жизни культурного стандарта над другим, альтернативным.

Исследовательская перспектива межкультурной проблематики обусловлена сегодня, с одной стороны, форсированным включением в социальные, политико-идеологические и культурные процессы субъектов, не совпадающих в своем опыте интеллектуального, мировоззренческого, аксиологического, нравственного и эмоционального переживания текущих, уходящих в историю или ориентированных в будущее контекстов жизни, а с другой — тем, что межкультурные контакты, как свидетельствует практика, оказывают разное по своему эффекту воздействие, как продуктивное, способствующее развитию общества, успешному решению возникающих в контексте его жизни задач, так и деструктивное, когда нарушается культурная традиция, искажаются знания и ценности, когда остро возникает вопрос о культурной, мировоззренческой, ментальной и информационно-идеологической безопасности общества [Ковалев 2024; Ксенофонтов 2022; Suvanov 2023].

Содержательное наполнение контакта культур и ценностно-смысловые аспекты его развития зависят, безусловно, от совокупности разных факторов, однако среди ключевых по своему воздействующему на общественное сознание потенциалу сегодня находится влияние средств массовой информации. СМИ, отличаясь

уникальной способностью информирования, просвещения и влияния, способностью эффективно модерировать общественный диалог, целенаправленно развертывая или сужая его оценочно-смысловую сферу, могут как углублять интеллектуальный, эмоциональный и рефлексивно-мировоззренческий опыт своих аудиторий, создавая таким образом необходимые условия для полноценного диалога культур и их кооперативного взаимодействия, так и разжигать на уровне обычных людей, социальных групп, сообществ и обществ в целом фобии по отношению ко всему другому, отличающемуся от привычного, выходящему за пределы уже знакомого, освоенного и принятого, сужая смысловое пространство культуры и общественного диалога.

СМИ, особенно те, которые действуют на основе новых, сетевых коммуникационно-цифровых технологий [Ахременко, Бродовская 2021], — ключевой информационно-просветительский ресурс современного общества, механизм управления его смысловыми и целевыми установками, его знаний и «незнаний», социальной памятью, нормами и правилами, практической жизнью. СМИ сегодня — это важнейший фактор культуры, механизм собирания ее смысловых границ в перспективе социального пространства, территории, времени, идей, ценностей и мировоззрений. На основе целенаправленного ценностно-смыслового отбора и избирательной актуализации тех или иных фрагментов социального опыта СМИ формируют картину мира, в которой человек «живет и реализует себя как личность… оценивающая и принимающая сценарии поведения» [Нестерова 2023: 523]. СМИ организуют «идеи в общее медийное пространство, конструируют системы значений» [Кушнерук 2022: 245], оказывая влияние на восприятие окружающей действительности и ее мировоззренческую интерпретацию.

Современность с ее форсированной вовлеченностью в ценностно-смысловые проекты глобального мира и нередко «токсичным злоупотреблением мощью» [Dupré 2001: 3] коммуникативно-информационных технологий обусловливает потребность научного осмысления тех медийных обстоятельств, которые оказывают качественное влияние на культуру и ее символические границы, на духовный ресурс общества и его нравственно-мировоззренческую традицию, на формирование сфер толерантности и нетолерантности в контексте общественного и личностного сознания. Изучение роли СМИ в выстраивании межкультурных контекстов жизни и деятельности современного общества, его публичного мировоззренческого диалога, нацеленного на поиски солидарных ответов на такие проблемы современности, как глобализация, контакт культур и их взаимодействие, культурная конвергенция и дивергенция, межкультурный диалог, особенно актуально сегодня.

«Культурные связи — это очень политизированная сфера деятельности»[1]. Сегодня они рассматриваются как инструмент мягкой силы, который востребован для усиления влияния, удержания, укрепления или изменения мировоззренческих позиций, поэтому медийные контексты этих связей требуют особого внимания, изучения, аналитического комментирования и социальной оценки с целью выработки необходимой обществу программы совместных согласованных действий.

[1] Михаил Швыдкой: «Со многими странами мира нас связывают многовековые культурные контакты, это нельзя перечеркнуть»: интервью. *Интерфакс*. 07.02.2023. Электронный ресурс https://www.interfax.ru/interview/884912.

Цель настоящего исследования — определить содержательные направления реализации межкультурного диалога в журнале «Здоровье». Предметом непосредственного исследовательского внимания являются содержательные направления разворачиваемого в журнале межкультурного диалога.

История вопроса

Ключевой вопрос современности — взаимодействие культур в условиях многочисленных глобальных практик и проектов. Как замечает Н. Н. Казыдуб, «современное состояние культурных… контактов характеризуется высокой степенью аттрактивного притяжения культур и широким диапазоном ко-адаптивных стратегий, обеспечивающих формирование благоприятной коммуникативной среды. Актуальным становится понимание межкультурной коммуникации как взаимодействия культурных идентичностей в векторе решения коммуникативных и профессиональных задач при функционировании… личности в поликультурных и полиэтнических контекстах» [Казыдуб 2018: 94].

Исследователи указывают на особую роль СМИ в формировании межкультурного взаимодействия. Сегодня «практически все члены общества оказываются включены в международную систему интернет-коммуникации, которая связывает представителей различных культур, традиций и религиозных воззрений» [Ломтева, Касьянова 2014: 95], что ведет к усилению межкультурных контактов и укрупнению их роли в жизни человека и общества. Межкультурные контакты и особенности их содержательного развертывания в диалоге СМИ являются сквозной темой многих научных исследований, проводимых как в России, так и за ее пределами, о чем свидетельствует широкий корпус работ, опубликованных в последние годы [Благов 2021; Благов 2022; Глухова 2022; Губина 2018; Журов 2023; Ломтева, Касьянова 2014; Лю, Ван 2022; Оргонева, Кожарнович 2022; Седых 2023; Черкасова 2021; Atay, D'Silva 2019; Shuter 2012].

Ю. В. Благов обращает внимание на то, что «любая готовность к диалогу с другими культурами при правильной подаче помогает человеку познавать мир. СМИ способны помочь людям почувствовать себя защищенно, осознать, что они равны, похожи, но их различия исключительно положительны. СМИ, с одной стороны, связывают воедино разрозненные культурные миры, а с другой — в процессе взаимодействия с конкретными культурами еще больше высвечивают их различия» [Благов 2022: 24].

В исследованиях последних лет подчеркивается особая актуальность в глобальных обстоятельствах жизни проблематики взаимодействия коммуникации, сетевых СМИ и культуры, поскольку в условиях набирающих силу процессов цифровой и сетевой медиатизации [Шилина, Федюнин 2021] и расширяющегося использования сетевых платформ «ослабевают» или даже исчезают границы — географические, социальные, культурные и политические, что создает условия для унификации культур, для потери культурной идентичности. Это требует особого внимания со стороны как общества, так и ученых. «Перед современными народами, конкретными индивидами стоит задача достойно ответить на вызовы глобализма» [Абдильдин, Абдильдина 2018: 510]. Р. Шутер определил область этих исследований как «межкультурные исследования новых медиа» [Shuter 2012].

Исследователи обращают внимание на то, что роль СМИ в развертывании процессов межкультурного взаимодействия хотя и противоречива, не сводится в одному типу эффектов, однако чрезвычайно значима, поскольку СМИ не только определяют формат, содержание знаний и характер коллективных мировоззренческих и эмоциональных переживаний, касающихся области культурных традиций и межкультурного взаимодействия, но и заинтересованно «участвуют в социализации личности, способствуют формированию установок, ценностных ориентаций, приобщают к социальному опыту, культуре» [Марьина 2013: 85].

В научных работах формулируется идея о том, что общество сегодня нуждается в содержательной, обеспечиваемой СМИ мировоззренческой дискуссии относительно потенциально разных результатов практики взаимодействия различных культур: межкультурное взаимодействие может выстраивать не только контексты успеха и продуктивного творчества, но и порождать множество проблем и противоречий как социально-политического, так и нравственного характера. Нельзя не согласиться с мнением А. В. Глуховой, что «СМИ могут и должны быть важным инструментом формирования межкультурного диалога. Они способны выработать здоровую культуру критики… дать слово разным сторонам конфликта, продемонстрировать позитивный потенциал фронтира и т. д. Вместе с тем, если СМИ оказываются в руках политиков, стремящихся к войне, они представляют собой очень большую угрозу» [Глухова 2022: 307]. Отметим также справедливое замечание А. П. Седых: «Средства массовой информации… Этот проект культурного посредничества между двумя мирами с пересекающимися судьбами требует осторожности» [Седых 2023: 239].

Описание методики исследования

Методология исследования базируется на научных работах, посвященных изучению культур и их контактов: [Благов 2022; Длугач 2015; Завьялова 2015; Казыдуб 2018; Кириллова 2020; Ковалев 2024; Морозов 2021; Танделова 2022; Элбакян 2023; Holliday, MacDonald 2020; Leontovich 2023; Lustig, Koester 2010; Rashiti 2017; Wierzbicka 1997; Zajda 2007]. Межкультурные контакты понимаются нами как ресурс, который привносит новые черты в жизнь и деятельность общества, множит грани его традиций, определяет его динамику в аспекте культурных практик, ценностных систем и смысловых программ.

В методологическую базу исследования входит представление о межкультурном диалоге, идеи которого заложены в работах М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера [Бахтин 1972; Бахтин 1986; Библер 1989; Библер 1991; Библер 1997; Бубер 1993]. Межкультурный диалог, основанный на признании, понимании и принятии культурных различий на цивилизационном, социально-этническом, социально-групповом и индивидуально-личностном уровнях, представляющий собой процесс творческого, содержательного взаимодействия сознаний и культур, в котором «манифестируется культурная идентичность» [Оргонева, Кожарнович 2022: 237] субъектов социальной деятельности и обусловленное ею мировоззрение, — фундаментальная основа существования человека и развития общества. «Любая культура — и раньше, и теперь — есть общение разных культур» [Длугач 2015: 239]. Концепция развития современного общества, погруженного в межкультурные обстоятельства жизни и деятельности, обязательно включает фактор СМИ.

Важной для исследования в методологическом отношении является «Белая книга», в которой сформулированы концептуальные основы, условия и принципы межкультурного диалога как «открытого и уважительного обмена мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разными исторические корни»[2].

В исследовании использованы методы, обеспечившие достижение заявленной цели: метод наблюдения и описания, качественный контент-анализ, методы аксиологического, концептуального и стилистического анализа речевого материала, контекстуальный анализ, метод логического сопоставления, метод дискурсивного анализа, позволивший проанализировать взаимосвязь текстовых аспектов и внешних по отношению к ним особенностей культурно-коммуникативного процесса. Применялся также метод сплошной выборки с использованием функций поисковика в электронных версиях журнала.

Эмпирической базой исследования послужили публикации в научно-популярном журнале «Здоровье» в период с 2012 по 2024 г., т. е. с того момента, когда в России была принята Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)»[3], цель которой заключалась в сохранении российской культурной самобытности, развитии и реализации культурного и духовного потенциала каждой личности, охране и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации. Идеи программы нашли свое отражение в принятой в 2016 г. Правительством РФ «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»[4], в которой культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации. Кроме того, важно отметить, что сегодня «в числе приоритетных задач — поддержка… интереса аудитории к научным достижениям и открытиям», что «популяризация научных знаний и открытий выступает… важнейшим условием научно-технологической безопасности России как суверенного государства» [Дускаева, Иванова, Пую 2024: 181].

Научная новизна исследования заключается в том, что в фокусе внимания оказывается межкультурный диалог, разворачиваемый на страницах журнала «Здоровье» — одного из самых авторитетных отечественных научно-популярных изданий, посвященных вопросам здоровья и здорового образа жизни. В статье рассматриваются ключевые содержательные направления межкультурного диалога в формате данного журнала.

Результаты исследования способствуют дальнейшему осмыслению роли средств массовой информации, в частности научно-популярных журналов, в развертывании в межкультурном аспекте общественного диалога в современной России.

---

[2] Белая книга по межкультурному диалогу. «Жить вместе в равном достоинстве»: утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118-й сессии Комитета министров, Страсбург, 7 мая 2008 года: пер. с англ. // Совет Европы. М., 2011. 73 с.: табл.

[3] Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)». Электронный ресурс https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/402/.

[4] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р. *Российская газета*. 04.03.2016. Электронный ресурс http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf.

Анализ материала

Журнал «Здоровье» — ежемесячное научно-популярное издание (до 1991 г. советское, затем российское), рассчитанное на широкий круг читателей и посвященное вопросам здоровья, его защиты, сохранения, поддержания и восстановления посредством медицинских услуг, профилактики заболеваний, практик здорового образа жизни и повышения жизненного тонуса.

Первый номер журнала «Здоровье» вышел в СССР в январе 1955 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС. Журнал задумывался как периодическое издание санитарно-просветительского профиля, в котором читатели могли бы найти материалы о новейших достижения в сфере медицинской науки и лечебной практики, общественной профилактики заболеваний, правилах личной гигиены, а также рекомендации от специалистов не только о том, как делать по утрам зарядку, мыть руки перед едой и «побеждать хвори и недуги», но и о том, как открыть в себе новые возможности тела и духа, новый интерес к жизни в любом возрасте.

Журнал «Здоровье» всегда был востребован широкой аудиторией, пользовался у нее повышенным спросом. Об этом свидетельствуют не только высокие тиражи журнала (тираж журнала 1990 г., составивший более 18 млн экземпляров, был зафиксирован в «Книге рекордов Гиннеса»), но и его узнаваемость в обществе, культуре. Так, в фильме «Старший сын» (1975) герой Михаила Боярского, молодой человек по имени Сильва, наблюдая, как одна из героинь фильма читает журнал, комментирует: «“Здоровье”? Так и знал. Все сейчас читают “Здоровье”».

Аудиторией журнал воспринимался как своего рода «домашний врач», как приятный, образованный, эрудированный, понимающий и «мотивирующий к здоровью» собеседник, советчик, который хорошо знает свое дело и умело рассказывает об организации режима дня, физкультуре, профилактике болезней, лекарственных препаратах и растениях и который широко обращается к темам, значимым как в социально-культурном отношении (таким, например, как «дом», «семья», «дети», «работа», «отдых», «досуг», в частности в публикации «Ароматы настроений» (1968, № 3): *Собираясь на танцы, вы можете слегка надушиться духами, имеющими холодный и свежий аромат: «Жемчуг», «Вечер», «Дебют»*), так и в политико-мировоззренческом (публикации «Строительство коммунизма и здоровье народа» — 1959, № 3, «Лучи из космоса» — 1962, № 8, «Физическая культура — дело всенародное!» — 1966, № 11). К советам и рекомендациям журнала «Здоровье» всегда прислушивались особенно внимательно.

Сегодня журнал «Здоровье», выходящий тиражом 65 000 экземпляров (2024), — это яркое, интересное и широко востребованное издание, ориентированное на желание каждого человека быть здоровым, привлекательным, сохранить молодость и красоту, иметь прекрасную физическую и эмоционально-интеллектуальную форму, а также высокий жизненный тонус. В 2012 г. журнал «Здоровье», откликаясь на вызовы времени и медийные потребности своих аудиторий, обрел онлайн-версию.

Журнал и сегодня, в своей современной, броско-глянцевой реальности, сохраняет читателей, предлагая актуальную и нужную им информацию, важные советы и рекомендации как от ведущих российских и зарубежных ученых, исследователей, врачей, представителей экспертного знания в области медици-

ны, фармацевтики, организации здравоохранения и общественного здоровья (среди них Татьяна Караваева, доктор медицинских наук, врач-психотерапевт, руководитель Федерального консультативно-методического центра психотерапии Минздрава России; Элисон Гопник, психолог, профессор Калифорнийского университета в Беркли и Датской королевской академии искусств, автор книг «Ясельный ученый», «Философический младенец», «Слова, мысли и теории»; Святослав Медведев, член-корреспондент РАН, директор Института мозга человека им. Н. П. Бехтерева; Галина Мельниченко, академик РАН, профессор, доктор медицинских наук, заместитель директора ФГБУ «НМИЦ эндокринологии»; Фабрицио Бенедетти, доктор медицины, профессор неврологии и физиологии человека Университетской медицинской школы г. Турин; Брайан Фаллон, профессор Колумбийского университета, автор термина «киберхондрия»; Ганс Селье, канадский эндокринолог, основоположник исследований в этой области; Николас Кристакис, социолог, биолог, профессор Йельского университета, лектор XVIII Ассамблеи «Здоровая Москва»), так и от успешных, состоявшихся в своей профессии и в личностном плане, удовлетворенных обстоятельствами своей жизни людей и «звезд», среди которых Юлия Высоцкая, заслуженная артистка Российской Федерации, актриса театра и кино, популярная телеведущая, находящаяся в фокусе внимания СМИ и не боящаяся самых смелых творческих экспериментов на экране и театральной сцене, уважаемая не только за ее талант, но и силу духа, умение справляться с любыми трудностями; Николай Цискаридзе, выдающийся артист балета, педагог-хореограф, мировая звезда классического искусства, «король большого балета», любимый публикой и известный своей харизмой, твердостью характера, четкостью гражданской позиции, искренностью, непревзойденным чувством юмора и увлекательными беседами на самые различные темы; Екатерина Копанова, актриса, с участием которой каждый год на экраны выходит несколько премьерных фильмов и которой удается совместить успех в профессии с любимыми увлечениями и счастливым материнством; Моника Беллуччи, итальянская кинодива, фотографии которой украшают обложки самых популярных журналов, которая покорила не только мировой кинематограф, но и модельную индустрию и перед которой открыты все двери в мире кино и моды; Любовь Казарновская, звезда мировой оперы, первая и единственная российская исполнительница на оперных сценах мира партии Саломеи из оперы Рихарда Штрауса, доктор музыкальных наук; Шэрон Осборн, звезда реалити-шоу, успешная телеведущая, писательница; и др.

Проведенный анализ публикаций показал, что здоровье рассматривается в журнале как условие гармоничной жизни и успеха в обществе, залог социального, семейного и личного благополучия, а заботливое внимание к себе, к своему физическому, душевно-нравственному и эмоциональному состоянию, внешнему виду и внутренней гармонии — как важная и обязательная практика, приносящая чувство радости, удовлетворения и уверенности в своих перспективах и возможностях. Неслучайно в обращении к своим читателям редакция журнала пишет: «Мы считаем, что здоровье — это ключ к удовольствиям. А забота о себе — приятная и содержательная часть жизни»[5].

[5] О журнале. *Здоровье*. Электронный ресурс https://zdr.ru/o-zhurnale/.

В качестве ключевого в журнале активно разрабатывается вербально-визуальный нарратив «здоровье — необходимое условие счастья, жизнерадостного, исполненного веры в будущее мироощущения и оптимистического мировоззрения»:

Здоровье — это не конечная цель, а путешествие[6].

Слушайте свое сердце и душу, и они приведут вас к счастью… Мысли, эмоции, окружение влияют на состояние здоровья, поэтому очень важно оставаться в позитивном состоянии. Это путь к здоровью. Жизнь летит. Сделайте так, чтобы она не пролетела мимо. Любите каждую секунду, чтобы потом, когда вы будете вспоминать что-то из прошлого, вы улыбались[7].

Физическое, душевное, социальное и личное благополучие, социальная, культурная, когнитивная и эмоциональная открытость, отзывчивость, переживание за того, кто рядом, включение его в свою жизнь — важнейшие составляющие счастливой жизни человека и его благополучия.

Среди ключевых тем журнала «Здоровье» — мир современной медицины и фармации, новейшие медицинские открытия, здоровый образ жизни и активное мотивирование к нему, полезное и правильное питание, здоровые привычки, антивозрастные практики, продление молодости, фитнес, «уважительно-заботливое» отношение к себе, грамотное выстраивание социальных отношений, общение с близкими людьми, благополучие семьи, воспитание детей и их здоровье, жизненное предназначение, профессиональный выбор, работа, хобби, счастье и радость. Эти темы получают развернутый, эффектно визуализированный комментарий, настраивающий на *поиски себя*[8], *вложение в себя*[9], на разработку *формулы создания лучшей версии себя*[10], на выбор и принятие оптимального решения в контексте своей, вплетенной в разные обстоятельства жизни:

Китайские ученые из университета герцога Куньшань в Цзянсу показали, что здоровый образ жизни связан с значительно более низким риском когнитивных нарушений[11].

Если здоровый образ жизни преподносить как модное течение, то люди захотят быть к этому причастными. Сначала они хотят быть в тренде, а потом втягиваются и так живут. Они понимают, что чувствуют себя лучше и выглядят лучше. Ведь здоровье — это не то, когда ты идешь лечиться и ищешь телефоны врачей, а это, прежде всего, то, что не позволяет тебе стать больным[12].

---

[6] Юлия Бордовских: «Женщина не стареет, она взрослеет». *Здоровье*. 21.01.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/yuliya-bordovskix-zhenshhina-ne-stareet-ona-vzrosleet/.

[7] Ксения Кузнецова рассказала, чем сейчас наполнена ее жизнь. *Здоровье*. 30.11.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/kseniya-kuznecova-rasskazala-chem-sejchas-napolnena-ee-zhizn/.

[8] Моя история в поисках себя. *Здоровье*. 10.12.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/moya-istoriya-v-poiskax-sebya/.

[9] Фитнес: делай как звезды. *Здоровье*. 05.06.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/fitnes-delaj-kak-zvezdy/.

[10] Полина Гагарина: «Я нашла идеальную формулу для создания лучшей версии себя». *Здоровье*. 11.05.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/polina-gagarina-ya-nashla-idealnuyu-formulu-dlya-sozdaniya-luchshej-versii-sebya/.

[11] Здоровый образ жизни снижает генетический риск когнитивных нарушений и болезни Альцгеймера. *Здоровье*. 02.06.2021. Электронный ресурс https://zdr.ru/zdorovyj-obraz-zhizni-snizhaet-geneticheskij-risk-kognitivnyx-narushenij-i-bolezni-alcgejmera/.

[12] Аврора: «Здоровый образ жизни — это модно». *Здоровье*. 02.11.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/avrora-zdorovyj-obraz-zhizni-eto-modno/.

В 2018 году в Бристольском университете был запущен первый в своем роде курс «Наука счастья», который на основе последних достижений в области психологии и нейробиологии учил студентов, как стать счастливыми[13].

Универсального рецепта счастья не существует. Нужно приложить немало усилий, чтобы привести жизнь в соответствие с собственными устремлениями и мечтами[14].

Я с уважением отношусь сама к себе. К сожалению, это чувство приходит не сразу, до него надо дорасти»[15].

Свопы — это умение быть щедрым, отзывчивым, экономным. Наконец, это дружба, красота и вдохновение от общения[16].

Настоящее одиночество… это субъективное переживание, вызванное тем, что человеку нужно больше социальных отношений, чем у него есть. Или отношения имеются, но им не хватает глубины и надежности… одиночество — это не только пустой дом, в котором никто не ждет, но и семья, в которой не понимают, работа, на которой не ценят[17].

Люблю кататься на велосипедах с детьми, читать интересные книги, слушать разную музыку и замечать, что она рождает во мне. Люблю обсуждать музыку с сыном… Мое любимое блюдо с самого детства было и остается… паста! То есть макароны в любом виде. Еще очень люблю гамбургеры… Любимым временем года всегда была осень, но в этом году у меня словно поменялось мироощущение, и теперь меня очень трогает весна. Я как завороженная смотрю, как природа начинает просыпаться. И что-то в ответ просыпается во мне[18].

Журнал «Здоровье» обращается к инокультурным аспектам здоровья и здорового образа жизни практически во всех своих рубриках, причем не только в постоянных, таких как «Тема номера», «Новости» (онлайн-версия), «Без рецепта», «Семья», «Консилиум», «Красота», «Образ жизни», «Психология», «Звезды», «Энциклопедия здоровья», но и в появляющихся периодически, например «Приятное с полезным» (о достопримечательностях городов), «Вкусная жизнь» (о полезных продуктах питания), «Гид покупателя» (о новинках в сфере лекарств и СПА), «Доктор Гугл» (о рекомендациях в сфере медицины и терапии), включая раздел «Ответы на вопросы читателей».

Журнал «Здоровье» ориентирован на расширение и обогащение опыта жизни современного россиянина, настраивая его на новые культурные перспективы, новые грани культурных традиций и переживания новых культурных обстоятельств:

---

[13] Человек может научиться быть счастливым, но этот навык нужно все время «тренировать». *Здоровье.* 11.03.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/chelovek-mozhet-nauchitsya-byt-schastlivym-no-etot-navyk-nuzhno-vse-vremya-trenirovat/.

[14] Счастливая жизнь — это результат собственного творчества. *Здоровье.* 27.11.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/marina-meliya-schastlivaya-zhizn-eto-rezultat-sobstvennogo-tvorchestva-i-nuzhno-stremitsya-k-nej-bez-oglyadki-na-drugix/.

[15] Ёлка: «Быть красивой чертовски приятно». *Здоровье.* 03.05.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/yolka-byt-krasivoj-chertovski-priyatno/.

[16] Ты — мне, я тебе. *Здоровье.* 03.10.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/ty-mne-ya-tebe/.

[17] Я и другие. *Здоровье.* 05.07.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/kak-odinochestvo-vliyaet-na-zdorove/.

[18] Полина Гагарина: «Я нашла идеальную формулу для создания лучшей версии себя». *Здоровье.* 11.05.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/polina-gagarina-ya-nashla-idealnuyu-formulu-dlya-sozdaniya-luchshej-versii-sebya/.

В наше время надо уметь все — разговаривать на иностранных языках, и не кое-как, а бегло, в теннис играть, на лыжах кататься и многое другое. Просто чтобы ощущать себя полноценным человеком[19].

Я жила в Лос-Анджелесе и обратила внимание, насколько женщины заботливо относятся к своему телу. Многому научилась, глядя на них. Благодаря мягкому климату там люди занимаются спортом круглый год… Самое большое количество вегетарианцев или веганов, которых я знаю, живут именно в Лос-Анджелесе. Люди внимательно относятся к органическому питанию, овощам, давно заменили кофе на матчу. Я до сих пор этого не сделала, потому что обожаю кофе. Такая заботы о себе в США намного выше. А вот косметологи, инъекции, массажи, маникюры — гораздо популярнее в России и более доступны по цене… Американки шутят, что лечить себя будет дороже, чем позаботиться о себе сейчас. В нашей ментальности мы терпим до последнего, когда все начинает уже «сыпаться»[20].

Я поехала в отпуск в Грузию, и мне очень понравилась местная атмосфера… Когда вернулась домой, поняла, что очень хочется вернуться… В середине декабря я вернулась, обзавелась друзьями, начала узнавать местную культуру, традиции, нравы… Поначалу мне было очень непросто начинать новую жизнь. Я никогда раньше не снимала жилье, но ко всему быстро привыкаешь. Языковой барьер не доставляет мне неудобства, многие здесь говорят на русском языке, большинство владеет английским. Иногда не хватает привычных продуктов, уходовых средств, но и без них можно обойтись[21].

Я с детства мечтала посмотреть мир… когда сыновья немного подросли, я вместе с ними стала ездить по родному краю, потом уже за границу. У меня было три большие мечты: побывать в США, «покорить» Эверест и совершить кругосветное путешествие[22].

Мой отдых — это путешествия!.. Не люблю чувствовать себя как дома, когда я за границей. Каждый уголок нашей планеты — это новый пахучий фолиант с полки древней библиотеки под названием «Жизнь», с которой у меня подписан пожизненный абонемент…[23]

Выстраиваемый в журнале вербально-визуальный ряд не только отображает имеющие культурную специфику объекты, но и апеллирует к знаниям, опыту жизни и чувствам своих аудиторий, способствуя углублению их интеллектуальных и эмоциональных переживаний в аспекте межкультурных контекстов жизни и деятельности, мотивируя к сопоставлению, размышлению и мировоззренческому диалогу:

Для каждого дом — это свой, особенный мир. И именно от нас зависит, каким он будет[24].

---

[19] Наталья Подольская: «Кофе — моя единственная вредная привычка!» *Здоровье*. 17.11.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/natalya-podolskaya-kofe-moya-edinstvennaya-vrednaya-privychka/.

[20] Лянка Грыу: «Важные решения нужно принимать, когда радость от нового шага больше страха перемен!» *Здоровье*. 10.03.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/natalya-podolskaya-kofe-moya-edinstvennaya-vrednaya-privychka/.

[21] Охота к перемене мест. *Здоровье*. 19.06.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/oxota-k-peremene-mest/.

[22] Вокруг света за 3 года. *Здоровье*. 02.07.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/vokrug-sveta-za-3-goda/.

[23] Мила Карпович: «Иммунитет укрепляю оптимизмом!» *Здоровье*. 04.05.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/mila-karpovich-immunitet-ukreplyayu-optimizmom/.

[24] Ваш мир. Ваш дом. *Здоровье*. 2013. № 11. С. 9.

Я поняла, что волонтерские проекты ломают стереотипы о других культурах, о представителях других стран, что все эти проекты возникли не просто так — их кто-то придумал и организовал… Конечно, работа волонтеров важна, своими руками мы оказываем реальную помощь. Но участники получают гораздо больше пользы для самих себя… такие программы позволяют тебе вырасти как личность, попробовать себя в новой роли, а для кого-то и найти себя… Международные волонтерские проекты — это платформа для общения людей из разных стран и социальных слоев…Что через совместный труд и совместное проживание общих эмоций можно сделать мир чуточку лучше[25].

Мне нравится жить в Италии, но есть люди, которые уезжают отсюда, их что-то не устраивает… Я легко интегрировалась в итальянскую жизнь, приняла местные законы, никак не ломая себя. Хотя я не люблю жить по правилам, и мне до сих пор сложно привыкнуть к четкому распорядку дня, которого придерживаются итальянцы… В Италии, например, живут люди, славяне, которые приехали сюда откуда-то и категорически не идут на интеграцию, всей душой они сопротивляются местным правилам и живут своими общинами, в узком кругу. Это очень странно: зачем переезжать сюда, чтобы жить так, как жили у себя дома[26].

Как показывает анализ материала, мировоззренческую платформу межкультурного диалога в журнале «Здоровье» формируют актуальные культурно-смысловые универсалии — значимые для разных культур и проявляющиеся в контексте текущей жизни ценности, нормы, идеи, принципы, традиции, практики. Среди них *здоровье, терапия, здоровый образ жизни, спорт, фитнес, молодость, красота, счастье, радость, любовь, здоровая семья, дети, гармоничные отношения в семье, с близкими людьми и коллегами, уверенность в себе, профессиональная и личностная самореализация, карьера, этичное потребление, открытость человека миру.* Об особом культурно-коммуникативном статусе названных универсалий свидетельствуют многочисленные журнальные публикации, в которых многообразно раскрывается их содержание.

Здоровый образ жизни — это модно![27]

В Америке уже несколько лет существует профессия «танцевальный терапевт» и действует Ассоциация танцевальных терапевтов… У нас этой методикой пользуются хоть и не так часто, но тоже вполне успешно. Многочисленные исследования показывают, что с помощью танцевально-двигательной терапии (ТДТ) можно смягчить проявление даже самых серьезных симптомов. В основе практики — целостный подход к здоровью человека, раскрытие и корректировка его эмоционального и физического состояния через движения тела. Сама по себе идея не нова, вспомните ритуальные танцы индейских и африканских племен. Уже тогда люди поняли, что душевное и физическое здоровье человека тесно связано с движениями его тела. Позже танец и специальные упражнения использовались в качестве

---

[25] Помогая миру — помогаешь себе. *Здоровье*. 11.02.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/pomogaya-miru-pomogaesh-sebe/.

[26] Жанна Бадоева: «Я — человек мира». *Здоровье*. 14.06.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/zhanna-badoeva-ya-chelovek-mira/.

[27] Аврора: «Здоровый образ жизни — это модно». *Здоровье*. 02.11.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/avrora-zdorovyj-obraz-zhizni-eto-modno/.

терапии эмоциональных расстройств, для физической и духовной реабилитации психических больных[28].

Найти эликсир молодости — мечта многих женщин. Именно поэтому метод заместительной… терапии вызывает огромный интерес[29].

Сейчас растительное молоко удачно вписывается в общий тренд на этичное потребление и большую осведомленность о собственном здоровье[30].

Для нас и сейчас очень важны эти семейные узы, поэтому мы и стараемся привить эту связь нашим детям. Каждый летний отпуск мы с сестрами стараемся проводить вместе — вместе с детьми уезжаем в Европу. Мама, разумеется, с нами, нянчится с внуками. Их у нее семеро! Она просто супер-бабушка[31].

Если малыш ощущает мамину любовь — он счастлив, нормально развивается… Мама для больного малыша — лекарство посильнее таблеток, порошков и микстур[32].

Счастливая жизнь — это результат собственного творчества. Стремитесь к ней без оглядки на других![33]

Идеальный вариант — быть дома и немного работать для души и для людей… хочу что-то изменить в людях, рассказать, показать, заставить их задуматься о чем-то важном. Быть при этом знаменитой и популярной, конечно, приятный бонус, но это не самоцель[34].

Культурно-смысловые универсалии предстают в журнале «Здоровье» как обязательное условие интеллектуального, эмоционального и физического здоровья, высокого жизненного тонуса.

Для актуализации и утверждения особенно значимых мировоззренческих утверждений и идей в аспекте здорового образа жизни в журнале широко используются устойчивые мировоззренческие императивы мотивирующего характера и культурно-коммуникативные формулы, которые, как правило, выносятся в заголовки публикаций: *Быть здоровым — значит, быть красивым*[35]; *Спорт научил меня верить в свои силы!*[36]; *В поисках духа молодости*[37]; *Помогая миру — помогаешь*

---

[28] Танцевальная терапия для всех. *Здоровье*. 10.05.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/tancevalnaya-terapiya-dlya-vsex/.

[29] Эликсир молодости. *Здоровье*. 19.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/eliksir-molodosti/.

[30] Растительное молоко: плюсы и минусы. *Здоровье*. 29.04.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/rastitelnoe-moloko-plyusy-i-mnusy/.

[31] Вера Брежнева: «Если морщины появляются от счастья — не страшно!» *Здоровье*. 02.04.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/vera-brezhnevaesli-morshhiny-poyavlyayutsya-ot-schastya-ne-strashno/.

[32] Мама-терапия. *Здоровье*. 17.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/mama-terapiya/.

[33] Счастливая жизнь — это результат собственного творчества. *Здоровье*. 27.11.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/marina-meliya-schastlivaya-zhizn-eto-rezultat-sobstvennogo-tvorchestva-i-nuzhno-stremitsya-k-nej-bez-oglyadki-na-drugix/.

[34] Мария Порошина: «Быть популярной актрисой — это не самоцель». *Здоровье*. 19.03.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/mariya-poroshina-byt-populyarnoj-aktrisoj-eto-ne-samocel/.

[35] Если женщина не скрывает свой возраст, значит она нагло довольна собой. *Здоровье*. 18.09.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/esli-zhenshhina-ne-skryvaet-svoj-vozrast-znachit-ona-naglo-dovolna-soboj/.

[36] Мария Кожевникова: «Спорт научил меня верить в свои силы!» *Здоровье*. 29.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/mariya-kozhevnikova-sport-nauchil-menya-verit-v-svoi-sily/.

[37] В поисках духа молодости. *Здоровье*. 24.08.2021. Электронный ресурс https://zdr.ru/v-poiskax-duxa-molodosti/.

себе[38]; *Старайтесь найти то, что делает вас просто счастливыми*[39]; *Слушайте свое сердце и душу, и они приведут вас к счастью»*[40]; *Счастье, когда есть и большая семья, и любимая работа*[41]; *Свободный человек сам отвечает за все в своей жизни*[42]; *Жить своей жизнью, не пытаясь соответствовать универсальной модели*[43]; *Живите в гармонии с возрастом и собой!*[44]; *Путешествие — способ узнать мир, в котором повезло жить*[45]; *Радоваться жизни — одна из самых важных вещей, которая необходима. Жизнь — это не трагедия*[46]; *Улыбка как лекарство*[47]; *Идеальная семья — это большая семья!*[48]; *Актуальный на все времена тренд — ретро, неустаревающая классика*[49].

Важным условием межкультурного диалога является интеллектуальная и эмоциональная открытость, которая раскрывается в журнале как «исходная вовлеченность человеческого присутствия в мир» через настроение, через настроенность на него и на себя, как «слышание-друг-друга» [Хайдеггер 2003: 85, 86].

Я — человек свободный от предрассудков… Меня все в себе устраивает… Я ко всему стараюсь относиться с душой нараспашку. Радуюсь жизни, мне хорошо. У меня нет комплексов и нет таких вещей, которые меня гнетут. У меня совершенно нет никакой зависти. Я смогла найти себя, стала самой собой — такая, какая есть[50].

Я — человек мира. При этом я очень гибкая — умею подстраиваться под обстоятельства и условия. Мне всегда комфортно в том месте, где я в данный момент нахожусь[51].

---

[38] Помогая миру — помогаешь себе. *Здоровье*. 11.02.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/pomogaya-miru-pomogaesh-sebe/.

[39] Пока вокруг нас много нестабильного, старайтесь найти то, что делает вас просто счастливыми. *Здоровье*. 10.12.2021. Электронный ресурс https://zdr.ru/poka-vokrug-nas-mnogo-nestabilnogo-starajtes-najti-to-chto-delaet-vas-prosto-schastlivymi/.

[40] Ксения Кузнецова рассказала, чем сейчас наполнена ее жизнь. *Здоровье*. 20.11.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/kseniya-kuznecova-rasskazala-chem-sejchas-napolnena-ee-zhizn/.

[41] Елена Аросьева: «Счастье, когда есть и большая семья, и любимая работа». *Здоровье*. 02.11.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/elena-aroseva-schaste-kogda-est-i-bolshaya-semya-i-lyubimaya-rabota/.

[42] Теона Контридзе: «Свободный человек сам отвечает за все в своей жизни». *Здоровье*. 20.04.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/teona-kontridze-svobodnyj-chelovek-sam-otvechaet-za-vsyo-v-svoej-zhizni-i-za-xoroshee-i-za-ploxoe/.

[43] Счастливая жизнь — это результат собственного творчества. *Здоровье*. 27.11.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/marina-meliya-schastlivaya-zhizn-eto-rezultat-sobstvennogo-tvorchestva-i-nuzhno-stremitsya-k-nej-bez-oglyadki-na-drugix/.

[44] Арина Шарапова: «Живите в гармонии с возрастом и собой!» *Здоровье*. 16.08.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/arina-sharapova-zhivite-v-garmonii-s-vozrastom-i-soboj/.

[45] Путешествие — способ узнать мир, в котором повезло жить. *Здоровье*. 21.10.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/puteshestviya-sposob-uznat-mir-v-kotorom-povezlo-zhit/.

[46] Светлана Камынина: «И через 10 лет я буду радоваться жизни». *Здоровье*. 23.11.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/svetlana-kamynina-i-cherez–10-let-ya-budu-radovatsya-zhizni/.

[47] Улыбка как лекарство. *Здоровье*. 04.08.2017. Электронный ресурс https://zdr.ru/ulybka-kak-lekarstvo/.

[48] Екатерина Копанова: «Идеальная семья — это большая семья!» *Здоровье*. 01.08.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/ekaterina-kopanova-idealnaya-semya-eto-bolshaya-semya/.

[49] С широко открытыми глазами. *Здоровье*. 28.07.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/s-shiroko-otkrytymi-glazami/.

[50] Анна Нетребко: «Я такая, какая есть». *Здоровье*. 11.09.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/anna-netrebko-ya-takaya-kakaya-est/.

[51] Жанна Бадоева: «Я — человек мира». *Здоровье*. 14.06.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/zhanna-badoeva-ya-chelovek-mira/.

Даже если вы очень устали или чем-то заняты, где-то вдали от дома, держитесь чаще за руки, цените моменты, когда вы вместе… Найдите время для любви, общения, возможности поделиться всем, что имеете сказать. Жизнь измеряется моментами, когда захватывает дух[52].

Содержательный анализ публикаций показывает, что в аспекте диалога культур, разворачиваемого в журнале «Здоровье», как в его традиционной, так и в онлайн-версии, можно выделить несколько ключевых направлений.

Одно из направлений межкультурного диалога — **современность в традициях и практиках здоровья разных культур**, культурное многообразие мира, инокультурный опыт в сфере здорового образа жизни и благополучия. В публикациях журнала широко представлены не только традиции и практики родной культуры в сфере здоровья, терапии и здорового образа жизни, но и опыт других культур, что создает условия для узнавания, осмысления и сопоставления разных культурных контекстов и выстраивания жизни с учетом нового знания и новых перспектив:

Наша молодежь меня очень радует. Это прогрессивные и открытые миру ребята, которые ни в чем не уступают европейским. Сегодня, чтобы интересно жить, не надо иметь много денег, достаточно желания… А что касается пожилых людей: в Европе они живут довольно интересно, играют в петанк, в теннис, путешествуют. У нас в основном сидят на лавочках. В этом и проявляется разница культур. В Европе всегда была другая старость, она и начинается после 80 лет, а до этого возраста ты просто взрослый человек, не старый. У нас из поколения в поколение старики работали на земле и сидели на лавочках. Но я вижу, что наши более современные пожилые люди уже другие, более активные, они тоже меняются[53].

Дома на приятные процедуры мы вечно не находим времени, а в Турции после фитнеса можно отправиться в знаменитый турецкий хаммам, потом выпить прохладного айрана и посетить массажный салон — попробовать тайский или балийский массаж. Затем у косметолога… пройти курс обертываний, например, морскими водорослями. Отдельное удовольствие — сидеть в русской, финской или инфракрасной сауне и знать, что в это время на родине снег и холод[54].

С каждым годом популярная американская телеведущая и комедийная актриса Эллен Дедженерес выглядит все моложе. Возможно, ее секрет в неиссякаемой энергии, доброте и умении шутить. В 2009 году в возрасте 50 лет телеведущая из этических соображений решила стать веганом. «Я любила стейки и гамбургеры, я была безответственна!», — говорит Эллен. Сейчас… Эллен не ест животную пищу и молочные продукты. В ее рационе — супы, овощи, крупы, бобовые. «Диеты не работают. Это должен быть образ жизни», — уверена Эллен[55].

---

[52] Мирослава Карпович: «Жить в мире с собой и своей совестью — огромное счастье!» *Здоровье*. 26.11.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/miroslava-karpovich-zhit-v-mire-s-soboj-i-svoej-sovestyu-ogromnoe-schaste/.

[53] Жанна Бадоева: «Я — человек мира». *Здоровье*. 14.06.2019. Электронный ресурс https://zdr.ru/zhanna-badoeva-ya-chelovek-mira/.

[54] Каникулы на побережье. *Здоровье*. 20.12.2017. Электронный ресурс https://zdr.ru/kanikuly-na-poberezhe/.

[55] Антиэйдж-портрет: Эллен Дедженерес. *Здоровье*. 13.07.2017. Электронный ресурс https://zdr.ru/antiejdzh-portret-ellen-dedzheneres/.

Находим здесь и высказывания о России, ее традициях, опыте жизни и души, принадлежащие представителям других культур. Среди них Лара Фабиан, успешная бельгийская певица итальянского происхождения, фотографии которой находятся на обложках ведущих журналов, участник всевозможных телепередач:

Россия стала для меня откровением. Каждый раз, когда я думаю о знакомстве с вашей страной, представляю себя ребенком, которому предложили открыть коробку с подарком. Живой интерес, желание разобраться, что скрыто внутри, — вот какие чувства возникли у меня при знакомстве с русской культурой… И в это же время я почувствовала, какая сила кроется в поддержке русских зрителей. Особенно женщин[56].

Чувством восхищения русской женщиной, ее «внутренней силой» и профессионализмом наполнены размышления Жерар Саламы, практикующего хирурга из Франции, президента Международной ассоциации медицинских исследований в области старения:

Оставим стандартные фразы про красоту русских женщин. Самое удивительное в вас совсем не это, а огромная внутренняя сила. Слова «усталость» для россиянок не существует. В моем парижском кабинете я несколько раз в день задаю вопрос: «Как настроение, мадам, вы не устали?» И тут же слышу, что дети ведут себя отвратительно, отпуск в Нормандии переносится, к вечеру ноги ужасно устают, нет сил после работы забежать к другу… На тот же вопрос в России пациентки удивленно открывают глаза: «Все нормально, все живы, работаем». Я чувствую стержень большой физической и душевной силы… Другой удивительный момент — профессионализм русских дам. Я больше не куплюсь на утверждения, что в вашей стране патриархальный строй. Посмотрите вокруг: сколько женщин работают, насколько эффективен их труд. После рабочего дня они возвращаются домой и руководят семьей, при этом выглядят потрясающе. Поверьте, таких универсальных женщин в мире мало[57].

Важным содержательным элементом межкультурного диалога в формате журнала «Здоровье» является актуализация инокультурной традиции, представляющая собой попытку осмысления или перестраивания жизни человека с позиции иных культурных практик и иных смыслов, попытку внесения новых содержательных граней в устоявшуюся культурную традицию:

Я постоянно задавалась вопросом: что дальше?.. Кем стать, и чего я на самом деле хочу? С этими мыслями я ехала отдыхать на Бали. А когда очутилась там, то забыла обо всем на свете. Было ощущение, что этот кусочек земли и есть мой дом, то место, которое я так давно ищу[58].

Собственно, пара лишних килограммов не заставит ни одну иорданку сесть на жесткую диету. Зато танцуют женщины здесь много и охотно… Маникюр, педикюр и ухоженные волосы — то, на что обращают здесь внимание в первую очередь. Подведенные глаза, яркие губы и десяток тонких золотых браслетов на за-

---

[56] Лара Фабиан: «50 лет — это цифра, а не состояние души». *Здоровье*. 11.02.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/lara-fabian–50-let-eto-cifra-a-ne-sostoyanie-dushi/.

[57] Слова «усталость» для россиянок не существует. *Здоровье*. 18.06.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/slova-ustalost-dlya-rossiyanok-ne-sushhestvuet/.

[58] Моя история в поисках себя. *Здоровье*. 10.12.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/moya-istoriya-v-poiskax-sebya/.

пястьях — без этого местные женщины не выходят из дома. Традиция запрещает подчеркивать контуры тела, поэтому иорданки мастерски овладели искусством макияжа[59].

Китайцы отличаются от нас гораздо сильнее, чем мы думаем: тысячелетиями они питались, работали и отдыхали совсем не так, как современный европеец или россиянин… Поэтому не факт, что китайская медицина будет всегда уместна для европейца[60].

У израильтянок спокойное отношение к внешности, они не зациклены на этом, как россиянки[61].

В этом аспекте журнал «Здоровье» отражает богатый опыт российского общества, вставшего на путь модернизации и нацеленного на разработку своих культурных, ценностно-смысловых программ. Как говорится в одной их публикаций журнала, «будущее наступило быстрее, чем в самых смелых прогнозах»[62].

Еще одним направлением межкультурного диалога, который разворачивается на страницах журнала «Здоровье», является **актуализация прошлого** («глобального прошлого» и «родной старины») как важнейшего культурного ресурса современности, основы для разработки оптимальных моделей современной жизни в ее культурных практиках здоровья, здорового образа жизни и терапии, в опыте физического, душевного и социального благополучия:

Один из самых распространенных аргументов в пользу сыроедения — такая еда наиболее физиологична, ведь так ели наши древние предки[63].

В Европу имбирь попал в Средние века. Имбирные пряники пекут в немецком Нюрнберге с XIV века. На Руси имбирь появился в XV веке. Его использовали для приготовления сбитней, квасов, наливок, настоек, медовухи и выпечки. Во все времена имбирь ценился не только как пряность, но и как лекарственное растение[64].

В Средние века католическая церковь объявляла левшей слугами дьявола. Западноевропейская традиция носить обручальное кольцо на левой руке родом из той эпохи: таким образом отпугивали нечистого, демонстрируя ему свое целомудрие… Среди знаменитых левшей есть и люди искусства, такие как Леонардо да Винчи, Чарли Чаплин, музыканты Джимми Хендрикс и Пол Маккартни… политики, полководцы и общественные деятели — например, Юлий Цезарь, Александр Македонский, Жанна д'Арк, Наполеон, Уинстон Черчилль… Некоторые исследования подтверждают обывательское мнение, что левши более талантливы[65].

Древние греки называли оливковое масло «жидким золотом». Оно бережет сердце, нормализует артериальное давление (экстракт из листьев оливкового дерева

---

[59] Путешествие в Иорданию. *Здоровье*. 25.02.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/puteshestvie-v-iordaniyu/.

[60] Китайская медицина: чего от нее ждать? *Здоровье*. 12.08.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/kitajskaya-medicina-chego-ot-nee-zhdat/.

[61] Анастасия Цветаева: «Ищите в себе скрытые таланты и развивайте их!» *Здоровье*. 10.05.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/anastasiya-cvetaeva-ishhite-v-sebe-skrytye-talanty-i-razvivajte-ix/.

[62] 5 прорывов в медицине, которые мы не заметили. *Здоровье*. 12.04.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/5-proryvov-v-medicine-kotorye-my-ne-zametili/.

[63] Сыроедение. *Здоровье*. 23.05.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/syroedenie-2/.

[64] Имбирь: пряность и лекарство. *Здоровье*. 01.04.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/imbir-pryanost-i-lekarstvo/.

[65] Откуда берутся левши? *Здоровье*. 12.06.2017. Электронный ресурс https://zdr.ru/otkuda-berutsya-levshi/.

даже используют при производстве препаратов от гипертонии), заживляет язвы, защищает от диабета и ожирения (как правильно высчитать, сколько вы должны весить — см. Лишний вес), полезно тем, кто страдает дисфункциями желчных путей[66].

Россия, как обычно, выбрала свой путь — чай пришел в страну через Сибирь и при российском дворе появился даже раньше, чем при английском: в 1638 году чай привез посол Василий Старков как подарок от одного из западно-монгольских ханов. И царь Михаил Фёдорович, и бояре чай распробовали, и его стали поставлять в Москву. Причем уже через 30 лет он продавался на рынке в обычных лавках, то есть уже проник в городские низы[67].

Помню, что даже когда я была подростком, всегда встречала Новый год с родителями и братом дома. И до сих пор я считаю, что это особенный семейный праздник, который надо отмечать в лучших русских традициях — с елкой, в красивых нарядах, за столом[68].

Журнал «Здоровье» возвращает нас в диалог с прошлым, обращается к прошлому как к источнику жизни современного человека, ресурсу возобновления значимости утраченных или утрачиваемых смыслов.

Особенно важным в аспекте диалога культур является направление, которое мы бы назвали **гендерное благополучие**, формирующееся в контексте разворачиваемого на страницах журнала «Здоровье» диалога женщины с мужчиной («Общение между мужчиной и женщиной — это тоже своего рода межкультурное общение» [Смирнова 2005: 131]) и связанное не только с вопросами здоровья, красоты и молодости современной женщины, «особого шедевра Вселенной»[69], как на страницах журнала назвала ее актриса Мирослава Карпович, но и с ее социальным успехом, духовным удовлетворением, семейным и личным счастьем, а также с новыми перспективами жизни и осуществлением ее планов и мечтаний:

Если что-то задумала, это обязательно нужно воплотить в жизнь! Формула «создания лучшей версии себя» заключается в том, что чудеса мы делаем сами своим ежедневным трудом[70].

Красивыми нас делают наши мысли и поступки[71].

Мне интересны люди с богатым внутренним миром, духовные, умные, воспитанные. Такие люди красивы и без особых ухищрений[72].

---

[66] Оливковое масло. *Здоровье*. Электронный ресурс https://zdr.ru/encyclopedia/olivkovoe-maslo/.

[67] Чай черный или зеленый? *Здоровье*. 01.08.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/chaj-chyornyj-ili-zelyonyj/.

[68] Новый год по-домашнему. *Здоровье*. 01.01.2021. Электронный ресурс https://zdr.ru/novyj-god-po-domashnemu/.

[69] Мирослава Карпович: «Жить в мире с собой и своей совестью — огромное счастье!» *Здоровье*. 26.11.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/miroslava-karpovich-zhit-v-mire-s-soboj-i-svoej-sovestyu-ogromnoe-schaste/.

[70] Полина Гагарина: «Я нашла идеальную формулу для создания лучшей версии себя». *Здоровье*. 11.05.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/polina-gagarina-ya-nashla-idealnuyu-formulu-dlya-sozdaniya-luchshej-versii-sebya/.

[71] Кристина Кузьмина: «Болезнь научила меня быть счастливой и радоваться мелочам». *Здоровье*. 22.06.2024. Электронный ресурс https://zdr.ru/lyubov-kazarnovskaya-ya-adept-zdorovogo-obraza-zhizni/.

[72] Любовь Казарновская: «Я — адепт здорового образа жизни!» *Здоровье*. 15.08.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/lyubov-kazarnovskaya-ya-adept-zdorovogo-obraza-zhizni/.

Мечты должны сбываться… Жизнь — это мгновение и нужно суметь, не суетясь, вложить в это мгновение максимум впечатлений, встреч, знаний[73].

Самолет делает крен в мою сторону, и стекло кабины оказывается единственной преградой между мной и пасторальным пейзажем где-то далеко внизу. Внутри все сжимается, в состоянии восторженного страха хватаюсь за штурвал, инстинктивно следуя уверенным движениям пилота… Я хочу сама управлять этой птицей <самолетом> и наслаждаться тремя степенями свободы![74]

Женщина может все: летать в космос, писать книги, управлять страной. И еще — не ждать своего мужчину, а выбирать его сама[75].

Семья в ряду моих ценностей всегда на первом месте[76].

Много эмоций дарят мне обнимания и целования детей, и все, что связано с простыми семейными радостями[77].

Подчеркнем, что «королевой душевных переживаний»[78] в этой «Вселенной» является ОНА, женщина (в ипостасях *девочки*, *женщины*, *жены, дочери*, *матери, внучки, бабушки, подруги, любимой*), однако рядом с ней значимо присутствует и «человек рода ОН», как определил мужчину В. И. Даль [Даль 1982], во всех своих гендерно-диалоговых перспективах и социальных функциях — *мальчика*, *мужчины*, *любимого*, *мужа*, *отца*, *сына*, *внука*, *дедушки, друга, коллеги*:

Мужчины и женщины — мы такие разные… Женская психика устойчивее мужской: дальние перелеты и разлука с семьей не так сильно отражаются на здоровье бизнес-леди и реже приводят к стрессам[79].

Женщина либо сама хорошо зарабатывает и обеспечивает все свои «хочу». Либо рядом с ней находится мужчина, который с радостью заботится о ней[80].

Я могу безоглядно влюбиться в мужчину, заслушавшись, как он говорит… Для меня очень важно, чтобы я у своего мужчины могла чему-то учиться[81].

В пейнт-клубе мне сразу понравилось. Мужчин много, все в отличной форме, работают в разных сферах, и главное, открыты для общения и нацелены на игру

---

[73] Вокруг света за 3 года. *Здоровье*. 02.06.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/vokrug-sveta-za-3-goda/.

[74] Я научилась водить самолет! *Здоровье*. 12.08.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/ya-nauchilas-vodit-samolet/.

[75] Давай поженимся! Или где ищут мужей современные женщины? *Здоровье*. 19.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/davaj-pozhenimsya-ili-gde-ishhut-muzhej-sovremennye-zhenshhiny/.

[76] Аглая Шиловская: «Семья в ряду моих ценностей всегда на первом месте». *Здоровье*. 30.04.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/aglaya-shilovskaya-semya-v-ryadu-moix-cennostej-vsegda-na-pervom-meste/.

[77] Елена Подкаминская: «Танец — это моя душа и любовь». *Здоровье*. 11.11.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/elena-podkaminskaya-tanec-eto-moya-dusha-i-lyubov/.

[78] Алиса Гребенщикова: «Я королева душевных переживаний!» *Здоровье*. 26.11.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/alisa-grebenshhikova-ya-koroleva-dushevnyx-perezhivanij/.

[79] Мужчины и женщины — мы такие разные. *Здоровье*. 17.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/muzhchiny-i-zhenshhiny-my-takie-raznye/.

[80] Учитесь быть эгоистками, а значит живите счастливо и дарите счастье другим! *Здоровье*. 28.07.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/uchites-byt-egoistkami-a-znachit-zhivite-schastlivo-i-darite-schaste-drugim/.

[81] Наташа Власова после развода с наслаждением открыла для себя целый мир и себя в нем. *Здоровье*. 29.12.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/natasha-vlasova-posle-razvoda-s-naslazhdeniem-otkryla-dlya-sebya-celyj-mir-i-sebya-v-nyom/.

в команде. При необходимости они бросались ко мне на выручку и как-то незаметно взяли надо мной шефство…[82]

Подарить любимому годовой абонемент в спортклуб[83].

Действительно, катание на доске — более модно, прогрессивно и очень красиво. Но мой муж катается на лыжах, поэтому и я тоже[84].

Муж у меня ярый спортсмен, до своего офиса либо бегает, либо ездит на велосипеде. У него фигура как у Аполлона… Сама я хоть и не очень люблю спорт, но от природы не склонна к полноте и плюс к тому всегда хожу пешком, плаваю или езжу на велосипеде[85].

Мать и отец могут подарить ребенку желание идти вперед и силы преодолевать препятствия[86].

Мужчины с удовольствием участвуют в партнерских родах и с головой погружены в заботливое отцовство[87].

Нам очень повезло с бабушками-дедушками, которые всегда готовы выручить[88].

Внуки — это счастье, радость[89].

Гендерное благополучие — важное содержательное направление в разворачиваемом на страницах журнала «Здоровье» межкультурном диалоге, отражающем смысловые и целевые установки женщины, ее видение мира и настроенность на его обстоятельства. Она в гармонии с миром, красива, духовно богата, полна созидающей энергии, успешна в профессии, окружена любовью семьи и приятной атмосферой дружеского общения:

Важно быть как можно ближе к себе, жить в гармонии с миром, и так, как тебе нравится[90].

Единственный способ быть счастливым — это формировать мир, который зависит не от обстоятельств, а от того, насколько тебе интересно в нем жить[91].

Возраст не является определяющим и не очерчивает строгие границы в чем-либо. Все возрастные предрассудки копятся в голове, в реальности же важно то,

---

[82] Давай поженимся! Или где ищут мужей современные женщины? *Здоровье*. 19.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/davaj-pozhenimsya-ili-gde-ishhut-muzhej-sovremennye-zhenshhiny/.

[83] Мужчина и здоровый образ жизни: 4 шага. *Здоровье*. 14.03.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/muzhchina-i-zdorovyj-obraz-zhizni-4-shaga/.

[84] Наталья Подольская: «Кофе — моя единственная вредная привычка!» *Здоровье*. 17.10.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/natalya-podolskaya-kofe-moya-edinstvennaya-vrednaya-privychka/.

[85] Анастасия Цветаева: «Ищите в себе скрытые таланты и развивайте их!» *Здоровье*. 10.05.2016. Электронный ресурс https://zdr.ru/anastasiya-cvetaeva-ishhite-v-sebe-skrytye-talanty-i-razvivajte-ix/.

[86] Люди-токсины и лишний вес. *Здоровье*. 30.09.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/lyudi-toksiny-i-lishnij-ves/.

[87] Куда уходит мужской гормон тестостерон? *Здоровье*. 10.07.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/kuda-uxodit-muzhskoj-gormon-testosteron/.

[88] Елена Аросьева: «Счастье, когда есть и большая семья, и любимая работа». *Здоровье*. 02.11.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/elena-aroseva-schaste-kogda-est-i-bolshaya-semya-i-lyubimaya-rabota/.

[89] Арина Шарапова: «Живите в гармонии с возрастом и собой!» *Здоровье*. 16.08.2018. Электронный ресурс https://zdr.ru/arina-sharapova-zhivite-v-garmonii-s-vozrastom-i-soboj/.

[90] Наташа Власова после развода с наслаждением открыла для себя целый мир и себя в нем. *Здоровье*. 29.12.2022. Электронный ресурс https://zdr.ru/natasha-vlasova-posle-razvoda-s-naslazhdeniem-otkryla-dlya-sebya-celyj-mir-i-sebya-v-nyom/.

[91] Ирина Хакамада: «Жизнь меняется каждую секунду, надо соединяться с ее потоком». *Здоровье*. 03.07.2023. Электронный ресурс https://zdr.ru/irina-xakamada-zhizn-menyaetsya-kazhduyu-sekundu-nado-soedinyatsya-s-eyo-potokom/.

как мы себя ощущаем. Я уверена, что в 50 все может только начинаться. Во всяком случае, я себя чувствую полной энергии[92].

Как видим, публикации в журнале «Здоровье» отражают его открытость культурным контекстам, настроенность на формирование у аудитории убеждения, что здоровье — это ключ не только к стабильности и благополучию, но и к удовольствиям, радости жизни, наполненности ее счастливыми событиями, и, соответственно, забота о здоровье — это не только важное, требующее усилий содержательное занятие, но и связанная с приятными переживаниями часть жизни. Журнал оставляет и инокультурным традициям, и традициям родной культуры возможность, говоря словами М. М. Бахтина, сохранить «свое мнение», «свое место» и свою дистанцию от другого [Бахтин 2008].

Результаты исследования

Проведенный анализ публикаций показал, что журнал «Здоровье» активно включен в развертывание межкультурного диалога, играя роль заинтересованного и чрезвычайно мотивированного «куратора», фокусирующего внимание своих аудиторий на определенных фактах, событиях, идеях и концепциях, на опыте жизни как родной культуры, так и других культурных традиций посредством трансляции высказываний, настраивающих на формулирование мировоззренческого вывода.

Концептуальную платформу межкультурного диалога в журнале «Здоровье» формируют актуальные культурно-смысловые универсалии, среди которых *здоровье, терапия, здоровый образ жизни, спорт, фитнес, молодость, красота, счастье, радость, любовь, здоровая семья, дети, гармоничные отношения в семье, с близкими людьми и коллегами, уверенность в себе, профессиональная и личностная самореализация, карьера, этичное потребление, интеллектуальная и эмоциональная открытость миру*.

В аспекте диалога культур в журнале выделяются следующие содержательные направления: (1) современность в традициях и практиках здоровья разных культур, культурное многообразие мира и инокультурный опыт в сфере здорового образа жизни; (2) актуализация прошлого («глобального прошлого» и «родной старины») как общечеловеческой ценности, важнейшего культурного ресурса современности, основы для разработки оптимальных моделей современной жизни в ее культурных практиках здоровья, здорового образа жизни и терапии, в опыте физического, душевного и социального благополучия; (3) гендерное благополучие, связанное с вопросами здоровья, красоты и молодости современной женщины, с ее социальным, семейным и личным успехом, многоаспектным диалоговым взаимодействием с мужчиной.

Проблематика межкультурного диалога в контексте современности не теряет свою актуальность и социальную значимость. Особая роль в развертывании в обществе межкультурного диалога принадлежит средствам массовой информации.

Журнал «Здоровье», откликаясь на глобальные, национальные и коллективно-личностные обстоятельства жизни современного россиянина, на его интеллектуальные и эмоциональные переживания, познавательные, мировоззренческие

[92] Лара Фабиан: «50 лет — это цифра, а не состояние души». *Здоровье*. 11.02.2020. Электронный ресурс https://zdr.ru/lara-fabian–50-let-eto-cifra-a-ne-sostoyanie-dushi/.

и нравственно-эстетические запросы, интересы, цели и задачи, становится той медийной платформой, которая создает ценностно-смысловую среду, необходимую для развертывания продуктивного межкультурного диалога в обществе. Журнал «Здоровье» способствует формированию общественного сознания, которое не допускает безразличия как к собственной, так и к инокультурной духовно-нравственной традиции.

Литература

Абдильдин, Ж. М., Абдильдина, Р. Ж. (2018). Культурная открытость и национальная идентичность в условиях глобализации. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 1–2*, 509–511.

Ахременко, А. С., Бродовская, Е. В. (2021). Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля. *Мониторинг*, *6*, 4–27.

Бахтин, М. М. (1972). *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература.

Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.

Бахтин, М. М. (2008). К методологии гуманитарных наук. *Развитие личности, 4*, 186–197.

Бахтин, М. М. (2020). *Избранное*. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив.

Библер, В. С. (1989). Культура. Диалог культур. Опыт определения. *Вопросы философии*, *6*, 31–42.

Библер, В. С. (1991). *От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век.* М.: Политиздат.

Библер, В. С. (1997). Культура. Диалог культур. В *На гранях логики культуры. Книга избранных очерков* (с. 221–223). М.: Русское феноменологическое общество.

Благов, Ю. В. (2021). СМИ и межкультурная коммуникация. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*, *1* (34), 118–125.

Благов, Ю. В. (2022). Межкультурное взаимодействие в СМИ. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, *1* (37), 20–27.

Бубер, М. (1993). *Я и Ты.* М.: Высшая школа.

Глухова, А. В. (2022). Устойчивый диалог в мультикультурном обществе: от деэскалации конфликтов к новым моделям жизни. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, *1* (48), 302–310.

Губина, С. А. (2018). Роль региональных печатных СМИ в межкультурном диалоге: опыт Белгородской области (2016–2017). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, *2* (29), 126–132.

Даль, В. И. (1982). *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Русский язык.

Длугач, Т. Б. (2015). Диалог в современном мире: М. Бубер — М. Бахтин — В. Библер. В *Историко-философский ежегодник* (с. 191–242). М.: Аквилон.

Дускаева, Л. Р., Иванова, Л. Ю., Пую, А. С. (2024). Научная популяризация в медиа как социально-коммуникативная практика: выражение резистентности. *Медиалингвистика, 11* (2), 181–199.

Журов, В. В. (2023). Влияние средств массовой коммуникации на межкультурное взаимодействие. *Тенденции развития науки и образования,* 93 (6), 81–83.

Завьялова, Н. А. (2015). Культурные коммуникативные универсалии как современный этап развития культуры. *Знание. Понимание. Умение*, *1,* 77–88.

Казыдуб, Н. Н. (2018). Язык и культурная идентичность: аксиологический аспект. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 1*, 94–103.

Кириллова, Н. Б. (2020). Возможен ли диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации? *Обсерватория культуры*, *6*, 576–581.

Ковалев, А. А. (2024). Взаимосвязь национального менталитета как культурного феномена и ментальной безопасности: философский подход. *Знание. Понимание. Умение*, *4*, 48–60.

Ксенофонтов, В. А. (2022). Ментальная безопасность государства. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия, 2* (263), 108–113.

Кушнерук, С. Л. (2022). Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы. *Коммуникативные исследования*, *2,* 243–259.

Лихачев, Д. С. (1995). Два типа границ между культурами. *Русская литература*, *3,* 4–6.

Ломтева, Т. Н., Касьянова, Т. В. (2014). Функционирование интернет-коммуникации в пространстве межкультурного взаимодействия. В О. И. Лепилкина, С. В. Серебрякова (Ред.). *Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте*: *мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (15–18 октября 2014 г.)* (с. 95–97). Ставрополь: Сев.-Кавказ. фед. ун-т.

Лю, И., Ван, Ц. (2022). Роль цифровых медиа в межкультурной коммуникации. В *Eurasia Science*: *сб. ст. L Междунар. науч.-практ. конф. (31 декабря 2022 г., Москва*) (с. 204–207). М.: Актуальность РФ.

Марьина, Л. П. (2013). *Журналистика и культура: динамика взаимодействия*. Львов: ПАИС.

Морозов, А. В. (2021). Межкультурный диалог в контексте глобализации: условия и основополагающие принципы осуществления. В В. А. Харькова, К. А. Чернявская (Ред.), *Современные социальные процессы в контексте глобализации*: *сб. ст. L Междунар. науч.-практ. конф. (14 мая 2021 г., Краснодар)* (с. 82–89). Краснодар: Кубан. гос. техн. ун-т.

Нестерова, Н. Г. (2023). Коммуникативно-прагматическое своеобразие и лингвостилистические ресурсы познавательной телепрограммы (на примере проекта «Передача знаний»). *Медиалингвистика*, *10* (4), 522–537.

Оргонева, О., Кожарнович, М. П. (2022). Диалог в словацких социальных сетях. *Медиалингвистика, 9* (3), 237–253.

Седых, А. П. (2023). Фигуры речи и межкультурная коммуникация: дискурс современных СМИ. В С. Б. Куращ (Ред.), *Текст. Язык. Человек*: *сб. науч. тр. XII Междунар. науч. конф.*, *(20 апреля 2023 года, Мозырь)* (с. 237–243). Мозырь: Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина.

Смирнова, Е. В. (2005). Гендерные и социокультурные особенности коммуникации. *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2*, 131–138.

Танделова, Д. В. (2022). Межличностное и межкультурное взаимодействие. *Вопросы устойчивого развития общества, 1,* 94–99.

Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Харьков: Фолио.

Черкасова, И. (2021). Особенности межкультурной коммуникации на современном этапе в дискурсе СМИ. В С. В. Венідзіктава (Ред.), *Thesaurus*: *зборнік навуковых прац. Заснаваны ў 2015 годзе*. Вып. VIII (с. 247–254). Магілёў: Могилёв. ин-т МВД Республики Беларусь.

Шилина, М. Г., Федюнин, Д. В. (2021). Цифровая медиатизация условиях «новой нормальности»: парадигмы междисциплинарных исследований иммерсивности. В В. М. Самусевич (Ред.), *Журналістыка — 2021: стан, праблемы і перспектывы*: *матэрыялы 23-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 100-годзю Беларускага дзяржаўнага універсітэтэтаю (11 ноября 2021 г., БГУ, Минск)* (с. 246–248). Мінск: Белорус. гос. ун-т.

Элбакян, А. А. (2023). Открытость как когнитивная и социальная ценность. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, *2*, 183–189.

Atay, A., D'Silva, M. U. (2019). *Mediated Intercultural Communication in a Digital Age*. New York: Routledge.

Dupré, J. (2001). *Human nature and the limits of science*. Oxford: Oxford University Press.

Holliday, A., MacDonald, M. (2020). Researching the intercultural: Intersubjectivity and the problem with postpositivism. *Applied Linguistics*, *41* (5), 621–639.

Leontovich, O. A. (2023). Dichotomization as a basis of positive communication analysis in an intercultural contex. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazykoznanie*, *4* (22), 76–85.

Lustig, M. V., Koester, J. (2010). *Intercultural Competence: interpersonal communication across cultures*. Boston: Pearson Education Inc.

Rashiti, M. M. (2017). Contacts and intercultural dialogue as integrated social values. *Eurasian Journal of Social Sciences*, *5* (1), 48–55.

Shuter, R. (2012). Intercultural new media studies: The next frontier in intercultural communication. Special issue: Intercultural new media studies. *Journal of Intercultural Communication Research, 41*, 219–237.

Suvanov, I. (2023). Ideological threats to security and stability under globalization. *Scientific Journal of the Fergana State University*, *4* (29), 76–82.

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Zajda, J. (2007). Living together: Globalisation, education and intercultural dialogue. *Political Crossroads*, *14* (1), 37–49.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2024 г.;
рекомендована к печати 22 ноября 2024 г.

Контактная информация:

Полонский Андрей Васильевич — д-р филол. наук, проф.; https://orcid.org/0000-0002-2678-6203, andrey.polonskiy@gmail.com
Глушкова Валентина Геннадьевна — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0003-3081-9474, valentina.glushkova@gmail.com

"Zdorovie" magazine in the intercultural dialogue of modern Russia: The main content areas

A. V. Polonskiy[1], *V. G. Glushkova*[2]

[1] Belgorod State National Research University,
85, ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russian Federation
[2] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a, ul. Sadovaya, Belgorod, 308023, Russian Federation

For citation: Polonskiy A. V., Glushkova V. G. (2025). "Zdorovie" magazine in the intercultural dialogue of modern Russia: The main content areas. *Media Linguistics*, *12* (1), 112–137. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.107 (In Russian)

Globalization is an unalienable process of the modern world. Globalization exacerbates issues of cultural contact, which today takes the form of either an intercultural dialogue aimed at a constructive exchange of signigications так нельзя по-английски, practices or artifacts, or an intercultural conflict arising on the basis of value-semantic confrontation, rejection of other experiences — social, conceptual, axiological, political-ideological, religious, moral, aesthetic. The content of cultural contact, its value-semantic development depends on a combination of different factors, the media are among the key ones today. The purpose of this study is to define the role of "Zdorovie" magazine in the formation of intercultural dialogue in modern Russian society. The subject of the research is the content directions of the intercultural dialogue in the magazine . In the article the idea that the problem of intercultural dialogue in the context of modernity retains its relevance and special social significance is articulated. "Zdorovie" magazine, responding to the global, national, collective and personal circumstances of the life of a modern Russian, to their cognitive, ideological and moral and aesthetic demands, goals and objectives, actively contributes to the formation and expansion of intercultural contexts of life and activity of society, conditions for productive intercultural dialogue, the formation of public consciousness, which does not allow indifference to the spiritual and moral tradition — both our own and foreign cultural. In the aspect of the dialogue of cultures, the following content areas are highlighted in the journal: modernity in the traditions and practices of health of different cultures, cultural diversity of the world and foreign cultural experience in the field of healthy lifestyle and well-being; actualization of the past ("global past" and "native antiquity") as the most important cultural resource of our time, as the basis for the development of optimal models of modern life in its cultural practices of health and therapy, in the experience of physical, mental and social well-being; gender well-being related to the issues of health, beauty and youth of a modern woman, with her social, family and personal well-being, with multidimensional dialogical interaction with a man.

Keywords: modern language picture, cultural contact, intercultural dialogue, mass media, "Zdorovie" magazine.

References

Abdil'din, Zh. M., Abdil'dina, R. Zh. (2018). Cultural openness and national identity in the context of globalization. *Bol'shaia Evraziia: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo, 1–2*, 509–511. (In Russian)

Akhremenko, A. S., Brodovskaia, E. V. (2021). The impact of new information and communication technologies on civil and political activism: "tension lines" of the discussion field. *Monitoring, 6*, 4–27. (In Russian)
Atay, A., D'Silva, M. U. (2019). *Mediated Intercultural Communication in a Digital Age*. New York: Routledge.
Bakhtin, M. M. (1972). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
Bakhtin, M. M. (1986). *The aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian)
Bakhtin, M. M. (2008). Towards the methodology of the Humanities. *Razvitie lichnosti, 4*, 186–197. (In Russian)
Bakhtin, M. M. (2020). *Selected works*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russian)
Bibler, V. S. (1989). Culture. The dialogue of cultures. Experience of definition. *Voprosy filosofii, 6,* 31–42. (In Russian)
Bibler, V. S. (1991). *From science to the logic of culture. Two philosophical introductions to the 21st Century.* Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
Bibler, V. S. (1997). Culture. The dialogue of cultures. In Bibler, V. S. *Na graniakh logiki kul'tury. Kniga izbrannykh ocherkov* (pp. 221–223). Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ. (In Russian)
Blagov, Iu. V. (2021). Media and intercultural communication. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V. N. Tatishcheva, 1* (34), 118–125. (In Russian)
Blagov, Iu. V. (2022). Intercultural interaction in the media. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V. N. Tatishcheva, 1* (37), 20–27. (In Russian)
Buber, M. (1993). *Me and You.* Moscow: Vysshaia shkola Publ. (In Russian)
Cherkasova, I. (2021). Features of intercultural communication at the present stage in the media discourse. In S. V. Venidziktava (Ed.), *Thesaurus*: *Zbornik navukovyh prac. Zasnavany w 2015 godze.* VIII (pp. 247–254). Mogilev: Mogilevskii institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus Publ. (In Russian)
Dal', V. I. (1982). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)
Dlugach, T. B. (2015). Dialogue in the modern world: M. Buber — M. Bakhtin — V. Bibler. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* (pp. 191–242). Moscow: Akvilon Publ. (In Russian)
Dupré, J. (2001). *Human nature and the limits of science*. Oxford: Oxford University Press.
Duskaeva, L. R., Ivanova, L. Iu., Puiu, A. S. (2024). Scientific popularization in the media as a social and communicative practice: expression of resistance. *Media Linguistics, 11* (2), 181–199. (In Russian)
Elbakian, A. A. (2023). Openness as a cognitive and social value. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki, 2*, 183–189. (In Russian)
Glukhova, A. V. (2022). Sustainable dialogue in a multicultural society: From de-escalation of conflicts to new models of life. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo, 1* (48), 302–310. (In Russian)
Gubina, S. A. (2018). The role of regional print media in intercultural dialogue: The experience of the Belgorod Region (2016–2017). *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki, 2* (29), 126–132. (In Russian)
Holliday, A., MacDonald, M. (2020). Researching the intercultural: Intersubjectivity and the problem with postpositivism. *Applied Linguistics*, 41 (5), 621–639.
Kazydub, N. N. (2018). Language and cultural identity: an axiological aspect. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, iazyk, 1*, 94–103.
Khaidegger, M. (2003). *Being and Time*. Kharkiv: Folio Publ. (In Russian)
Kirillova, N. B. (2020). Is a dialogue of cultures possible in the era of globalization and digitalization? *Observatoriia kul'tury*, *6* (17), 576–581. (In Russian)
Kovalev, A. A. (2024). The relationship between national mentality as a cultural phenomenon and mental security: a philosophical approach. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, *4*, 48–60. (In Russian)
Ksenofontov, V. A. (2022). Mental security of the state. *Trudy BGTU. Seriia 6: Istoriia, filosofiia, 2* (263), 108–113. (In Russian)
Kushneruk, S. L. (2022). Strategic framing as an object of foreign communication studies: Origins, problems, prospects. *Kommunikativnye issledovaniia, 2* (9), 243–259. (In Russian)
Leontovich, O. A. (2023). Dichotomization as a basis of positive communication analysis in an intercultural contex. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazykoznanie*, 4 (22), 76–85.
Likhachev, D. S. (1995). Two types of boundaries between cultures. *Russkaia literatura*, *3,* 4–6. (In Russian)

Liu, I., Van, Ts. (2022). The role of digital media in intercultural communication. In *Eurasia Science*: *sbornik statei L Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (31 dekabria 2022 g., Moskva*) (pp. 204–207). Moscow: Aktual'nost' RF Publ. (In Russian)

Lomteva, T. N., Kas'ianova, T. V. (2014). The functioning of Internet communication in the space of intercultural interaction. In O. I. Lepilkina, S. V. Serebriakova (Eds), *Media- i mezhkul'turnaia kommunikatsiia v evropeiskom kontekste: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (15–18 oktiabria 2014 g.)* (pp. 95–97). Stavropol: Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet Publ. (In Russian)

Lustig, M. V., Koester, J. (2010). *Intercultural Competence: interpersonal communication across cultures*. Boston: Pearson Education Inc. (In Russian)

Mar'ina, L. P. (2013). *Journalism and culture: dynamics of interaction*. Lviv: PAIS Publ. (In Russian)

Morozov, A. V. (2021). Intercultural dialogue in the context of globalization: conditions and fundamental principles of implementation. In V. A. Khar'kova, K. A. Cherniavskaia (Eds), *Sovremennye sotsial'nye protsessy v kontekste globalizatsii: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (14 maia 2021 g., Krasnodar)* (pp. 82–89). Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ. (In Russian)

Nesterova, N. G. (2023). The communicative and pragmatic originality and linguistic and stylistic resources of the cognitive TV program (on the example of the project "Knowledge Transfer"). *Media Linguistics*, *10* (4), 522–537. (In Russian)

Orgoneva, O., Kozharnovich, M. P. (2022). Dialogue on Slovak social networks. *Media Linguistics, 9* (3), 237–253. (In Russian)

Rashiti, M. M. (2017). Contacts and intercultural dialogue as integrated social values. *Eurasian Journal of Social Sciences*, 5 (1), 48–55.

Sedykh, A. P. (2023) Figures of speech and intercultural communication: the discourse of modern media. In S. B. Kurashch (Ed.), *Tekst. Iazyk. Chelovek: sbornik nauchnykh trudov XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (20 aprelia 2023 g., Mozyr')* (pp. 237–243). Mazyr: Mozyrskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni I. P. Shamiakina Publ. (In Russian)

Smirnova, E. V. (2005). Gender and socio-cultural features of communication. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikaciia, 2*, 131–138. (In Russian)

Shilina, M. G., Fediunin, D. V. (2021). Digital mediatization in the conditions of the "new normality": Paradigms of interdisciplinary research on immersivity. In V. M. Samusevich (Ed.), *Zhurnalistyka — 2021: stan, prablemy i perspektyvy: matjeryjaly 23-j Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechanaj 100-godzju Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjetaju (11 noiabria 2021 g., BGU, Minsk)* (pp. 246–248). Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Shuter, R. (2012). Intercultural new media studies: The next frontier in intercultural communication. Special issue: Intercultural new media studies. *Journal of Intercultural Communication Research,* 41, 219–237.

Suvanov, I. (2023). Ideological threats to security and stability under globalization. *Scientific Journal of the Fergana State University*, 4 (29), 76–82.

Tandelova, D. V. (2022). Interpersonal and intercultural interaction. *Voprosy ustoichivogo razvitiia obshchestva, 1,* 94–99. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Zajda, J. (2007). Living together: Globalisation, education and intercultural dialogue. *Political Crossroads*, *14* (1), 37–49.

Zav'ialova, N. A. (2015). Cultural communicative universals as a modern stage of cultural development. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, *1,* 77–88. (In Russian)

Zhurov, V. V. (2023). The influence of mass media on intercultural interaction. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia,* 93 (6), 81–83. (In Russian)

Received: August 20, 2024
Accepted: November 22, 2024

Authors' information:

Andrey V. Polonskiy — Dr. Sci. in Philology, Professor; https://orcid.org/0000-0002-2678-6203, andrey.polonskiy@gmail.com
Valentina G. Glushkova — PhD in Philology, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0003-3081-9474, valentina.glushkova@gmail.com

УДК 82-92 Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Представление российской научно-технологической сферы в медиадискурсе КНР (на примере газеты Science and Technology Daily)

Го Юйбо

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Юйбо Го (2025). Представление российской научно-технологической сферы в медиадискурсе КНР на примере газеты Science and Technology Daily. *Медиалингвистика*, *12* (1), 138–152. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.108

Цель исследования — проанализировать содержание и тональность медийных материалов о России в китайском медиадискурсе, осмыслить, какие научные и технологические аспекты находятся в фокусе китайских медиа, и объяснить их актуализацию. Автор статьи выдвигает гипотезу, что анализ китайского медиадискурса позволяет выявить стратегически важные направления и обозначить тренды российско-китайского сотрудничества. По результатам поискового запроса на платформе Knowledge Resource Library из 43 300 результатов автором отобраны текстовые материалы, посвященные российской науке и технике в китайских медиа. По результатам проведенного автором поискового запроса на платформе Knowledge Resource Library в исследовании учтены 3547 материалов, отобранных по ключевому слову «Россия» в тексте или заголовке материала. Полученный материал ранжирован по количеству публикаций в различных китайских медиа. По результатам количественного отбора в качестве объекта в исследовании обозначены публикации в газете Science and Technology Daily, которая является официальным рупором Министерства науки и технологий Китайской Народной Республики. Газета является лидером мнения в области научно-технологических инноваций в Китае, располагает правительственными ресурсами, имеет широкую аудиторию и представляет собой конвергентную платформу. Эмпирическую базу настоящего исследования составляет 554 сообщения за период с 1 января 2019 г. по 1 декабря 2023 г. в газете Science and Technology Daily. Отобранные материалы были подвергнуты контент-анализу. Автор пришел к выводу, что тональность публикаций в Science and Technology Daily носит в целом позитивный характер, что в значительной степени определяется характером актуальных международных отношений. Газета освещает связанные с Россией вопросы исходя из их новостной ценности для Китая; негативное освещение, хотя и содержит критику, если расходится с китайским видением проблемы, презентуется взвешенно.

Ключевые слова: тональность, медиадискурс, контент-анализ, научно-техническая сфера, сотрудничество.

Постановка проблемы

Формирование и продвижение национального имиджа является стратегической коммуникацией, поскольку включает в себя политический, экономический, региональный, научно-технологический имидж и влияет на дипломатическую

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

и коммерческую деятельность страны [Сюань 2009: 73]. Изучение научно-технологического имиджа страны всегда было темой, вызывающей больший интерес у медиаисследователей, поскольку журналисты, работающие в разных по уровню и тематике СМИ, опираются на разные источники и доказательства при оценке научных разногласий [Lehmkuhl, Peters 2016]. Отталкиваясь от структуры СМИ определенной страны, исследователь М. Лемкур (2012) проанализировал различия в представлении научного контента в СМИ разных стран, выявил те страны, структура каналов которых способствует формированию разнообразной научной картины. Так, весьма разнообразен научный контент Швеции, Финляндии и Германии по сравнению с Великобританией и Ирландией, где публичное представление научного имиджа страны менее дифференцировано, или с Испанией, Грецией, Болгарией и Эстонией, где оно вообще представлено слабо [Lehmkuhl, Karamanidou, Moerae 2012]. Н. В. Мамонова подчеркивает, что комплекс речевых и когнитивных механизмов позволяет увеличить включенность читателя и его осведомленность о научном потенциале региона, его ценности, а также, что немаловажно, повысить престиж региона [Мамонова 2023]. Профессор Второго Пекинского института иностранных языков Ван Сяоцзюань, сделав анализ медиаобраза Китая в «Российской газете», отмечал, что в представлении российского потребителя массмедиаконтента Китай представлен как супердержава, которая твердо идет по пути социализма со своей спецификой под руководством Компартии [Ван 2017]. Медиаобраз России в китайских медиа формирует интерес аудитории и демонстрирует доверие к российским научным и технологическим достижениям, что в дальнейшем выражается в инвестициях и стратегическом партнерстве. Анализ презентации России в китайском информационном пространстве позволяет определить приоритетные направления российско-китайского сотрудничества в научно-технологической сфере. Целью данного исследования является анализ презентации российской научно-технологической сферы в китайской газете Science and Technology Daily, что позволяет выявить приоритетные направления при формировании имиджа России как научно-технологической державы в китайском медиадискурсе.

История вопроса

Современные исследователи странового имиджа склоняются к расширенной интерпретации данного понятия. Е. В. Анохин определяет имидж как «сложившуюся в массовом сознании и имеющую характер стереотипа совокупность рациональных и эмоциональных представлений о стране, формирующихся у людей на этой основе собственного опыта и информации» [Анохин 2014: 214]. Д. Шважц подчеркивает, что национальные бренды наравне с туристической и инвестиционной привлекательностью, культурой являются репутационными факторами [Szwajca 2017], т. е. рефлексией сформировавшегося имиджа во внешней медиасреде. Страновый имидж детерминирован социально-психологической привлекательностью страны в сфере маркетинга [Телегина 2014]. С позиции маркетинга С. Мин Хан выделяет следующие функции странового имиджа: 1) формирование отношений потребителей к бренду страны; 2) влияние на намерения покупателей продукции страны; 3) влияние на оценку атрибутов продукции страны; 4) влияние на повышение статуса товарной категории страны [Min Han 1990]. Иными словами, качество товара

национального бренда соответствует сформированному имиджу страны: «Сделано в России».

Факторы, влияющие на формирование имиджа страны, классифицируются и обобщаются по различным критериям. Как полагает Д. А. Котирлеа, его создание и изменение возможно только путем выяснения того, какую культуру и какую цивилизацию представляют люди этой страны [Cotírlea 2015]. И. В. Лябухов выделяет в качестве имиджеформирующих факторов страны географическое положение, культурно-исторические и этноконфессиональные особенности, менталитет ее жителей, этнические стереотипы [Лябухов 2011: 23].

Исследования национального имиджа России начались с приходом рыночной экономики, исследования имиджа имеют самые разные направления и идеологические векторы. Так, И. Телешева и И. Денисова анализируют языковые формы и средства в английском дискурсе, чтобы проанализировать производство русских образов и их влияние на межкультурную коммуникацию, политические и экономические отношения [Telesheva, Denisova 2015]. М. Илюшкина и А. Чудинов анализировали негативный имидж России, представленный метафорическими идеологическими шаблонами в американском новостном дискурсе, связанном с событиями в России [Ilyushkina, Chudinov 2019]. Е. Осипова, представитель американской школы коммуникаций, отмечала, что на национальный имидж России во внешней медиасреде по-прежнему влияет многовековая история авторитарного правления. Россия в западном восприятии по-прежнему базируется на устоявшихся стереотипах, поэтому после распада Советского Союза российские лидеры начали использовать новые методы публичной дипломатии и создавать новые медиабренды для адаптации национального имиджа к восприятию западным сообществом [Osipova 2012]. В отличие от американской школы коммуникаций, профессор Хэйлунцзянского университета Тянь Ганцзянь и научный сотрудник Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сюэ Фици изучили культурную внешнюю политику и национальный имидж России в период правления В. Путина (с 2012 г.). Ученые отметили, что Россия, с одной стороны, помнит славную историю империи, использует национальную классику в качестве представления эстетической идентичности [Тянь 2016: 94], а с другой стороны, демонстрирует свои национальные возможности и прогресс во всесторонней модернизации на примере проведения зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. [Сюэ 2014: 47].

Исследователь Чжан Моцинь полагает, что субъектом научно-технологического странового имиджа является широкая общественность, а объектами — составные элементы национальной научно-технологической системы, такие как научно-технологические достижения, научно-технологические инновации, научно-технологическое развитие и применение научных разработок, сами ученые и пр. [Чжан 2006]. Чжэн Юань определяет научно-технологический имидж как восприятие общественностью научно-технологических возможностей и достижений страны. По его мнению, научно-технологический имидж включает имидж научно-технологических предприятий, правительства и научно-технологической продукции [Чжэн 2019].

Таким образом, наука и технологии являются драйвером национального и регионального экономического развития, а формирование в медиа позитивного

имиджа национальной науки и технологий — показатель благополучия государства. Лидерство в развитии науки и технологий становится одним из ключевых аспектов повышения конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности страны [Молодцова 2022]. В настоящее время китайско-российское стратегическое партнерство вступило в новый этап развития, уровень экономического и торгового сотрудничества между двумя странами повысился, масштабы продолжают расширяться, а научно-технологическое сотрудничество становится ключевым направлением для будущей модернизации китайско-российских торговых отношений [Гэ 2022].

Описание методики исследования

Материал для анализа презентации России как научно-технологической державы собран на базе проекта Китайской национальной инфраструктуры знаний CNKI (China National Knowledge Infrastructure), в которой общий объем международной и китайской научной литературы превышает 300 млн статей, образуя крупнейшую в мире конвергентную платформу информационных ресурсов. В настоящее время читателями и пользователями CNKI Knowledge Resource Library являются 33 000 организации в 56 странах и регионах мира, число читателей составляет 200 млн человек. При вводе в поисковую строку на сайте CNKI слова «Россия» система выдает 170 300 результатов. При вводе в поисковую строку слов «Россия», «наука и технологии» система выдает 43 300 результатов по статьям в научных журналах, материалам научных конференций, монографий и СМИ. По результатам поискового запроса на CNKI из 43 300 результатов нами отобраны именно газетные материалы, посвященные российской науке и технике. В результате проведенного отбора к анализу привлечено 3547 прокомментированных сообщений из разных газет (рис. 1).

Как видно из приведенной выше диаграммы, среди десяти СМИ, которые уделяют большое внимание российскому научно-технологическому сектору и содержат наибольшее количество комментариев, наиболее заметным и частым является Science and Technology Daily — 17 %. Именно эти публикации стали эмпирическим материалом исследования. Анализ отобранных новостных сообщений дает самое полное представление о научно-технологическом имидже России в китайском медиадискурсе.

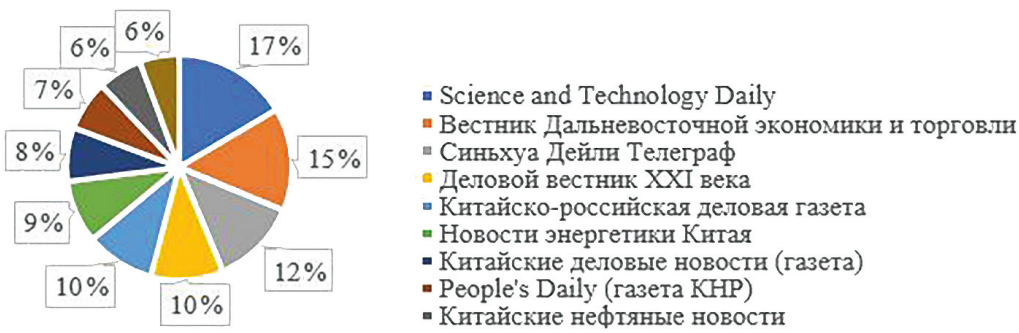

Рис. 1. Частотность материалов о российском научно-технологическом секторе в CNKI

Газета Science and Technology Daily, ранее известная как China Science and Technology Daily, основана 1 января 1986 г. Министерством науки и техники (ранее — Государственная комиссия по науке и технике), Национальной комиссией по оборонной науке и промышленности (NDSC), Китайской академией наук (CAS) и Китайской ассоциацией науки и техники (CAST). 1 января 1987 г. China Science and Technology Daily была переименована в Science and Technology Daily, превратившись из еженедельной газеты в ежедневную. Обоснованием для выбора Science and Technology Daily стали следующие факторы: газета является лидером научно-технологических новостей, типичным представителем медиа в области научно-технологической повестки, обладает солидной государственной поддержкой, имеет широкую читательскую аудиторию, поскольку на конвергентном ресурсе объединяет газету, веб-сайт, микроблог, журнал и имеет мобильное приложение.

Для анализа привлечены сообщения из Science and Technology Daily с 2019 по 2023 г. за последние пять лет, с 1 января 2019 г. по 1 декабря 2023 г. Хронологическая рамка обусловлена следующим: в течение этого периода глобальный научно-технический ландшафт претерпел значительные изменения, в том числе произошли быстрое развитие 5G, искусственного интеллекта и других технологий, углубление китайско-американских научных и технологических конфликтов. В тот же период в отношениях между Китаем и Россией произошли позитивные изменения: расширилось сотрудничество между двумя сторонами в области науки и техники, начались совместные проекты исследований и разработок, увеличился обмен научными и технологическими кадрами. Все эти факторы обусловили повышенное внимание китайских СМИ к России как научно-технологической державе.

При отборе публикаций в Science and Technology Daily по заголовкам, включающим слова «Россия», «наука», «технологии», получено 578 результатов, 24 из них, с дублированным содержанием и не относящиеся к области науки и техники, удалены путем ручной проверки. В итоге выявлено 554 результата, что и составило эмпирическую базу для контент-анализа.

Выделенные 554 сообщения о России были классифицированы по шести темам: медицина и здравоохранение, вооружение, авиация и аэрокосмическая промышленность, энергетика, бионаука и китайско-российское сотрудничество в области науки и технологии. Указанные отрасли позволяют получить полное представление имиджа России как научно-технологической державы в медиасреде Китая.

Отобранный отраслевой контент в Science and Technology Daily мы классифицировали по тональности (tone of voice) на позитивные, нейтральные или негативные: 1) сообщения, в которых представляются новые изобретения, технологические достижения, технологическая политика и практика России классифицируются как позитивные; 2) сообщения, ставящие под сомнение или отрицающие достижения российской науки и технологий, или сообщения, которые могут создать негативные ассоциации, классифицируются как негативные; 3) сообщения без каких-либо положительных или отрицательных коннотаций классифицируются как нейтральные.

Анализ материала и результаты исследования

Количественный анализ публикаций в Science and Technology Daily

Статистические результаты сообщений о нескольких странах, освещаемых в Science and Technology Daily в период с 1 января 2019 г. по 1 декабря 2023 г., представлены на рис. 2.

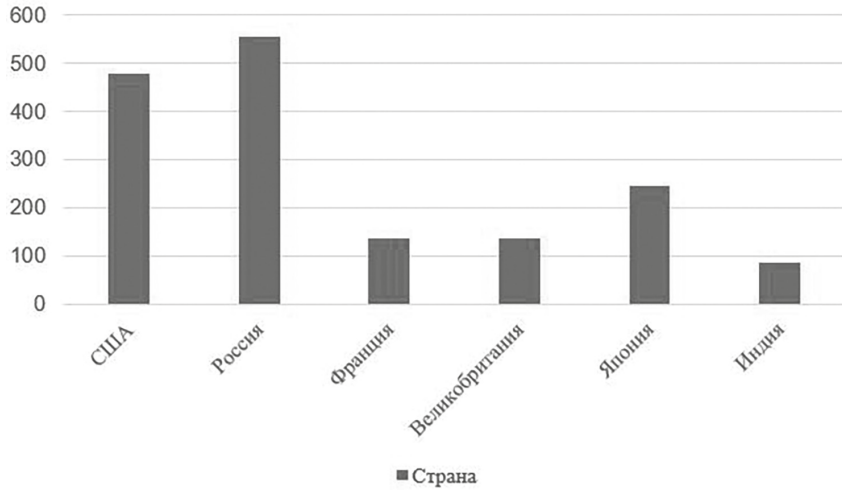

Рис. 2. Количество упоминаний стран за период с 2019 по 2023 г. в Science and Technology Daily

Общее количество публикаций в СМИ о той или иной стране может свидетельствовать о ее международном статусе. В период с 2019 по 2023 г. газета Science and Technology Daily опубликовала о США 477 материалов, о России — 554, Франции — 136, Великобритании — 135, Японии — 245, Индии — 86. Как показывает анализ данных, сообщений о России в указанный период было значительно больше.

Количество сообщений о китайско-российской научно-технологической торговле и сотрудничестве занимает первое место — 290 сообщений, что составляет 52,3 % от общего количества.

На здравоохранение и аэрокосмическую отрасль пришлось по 63 статьи, что составляет 11,3 % от общего количества, а на бионауки — меньше всего, 19 статей, или 3,4 % от общего количества. Сравнивая широту научно-технологической сферы России и количество публикаций по каждой из них, можно сделать вывод, что Science and Technology Daily формирует в китайской медиасреде национальный имидж России как страны, обладающей передовыми аэрокосмическими технологиями и развитыми медицинскими технологиями (табл. 1).

Качественный анализ публикаций Science and Technology Daily

Объективность — основное требование к подаче новостей, принцип объективности также является главным принципом журналистики, но из-за влияния глобальной медийной среды, субъективных предубеждений журналистов, концепции

Таблица 1. **Количество публикаций о России**

Тема/направление	2019	2020	2021	2022	2023	Всего статей	%
Китайско-российское сотрудничество в научно-технологической сфере	44	57	76	45	68	290	52,3
Медицина и здравоохранение	1	33	22	5	2	63	11,3
Энергетика	1	6	4	11	3	25	4,5
Вооружение	9	19	2	12	5	47	8,5
Аэрокосмическая промышленность	11	12	20	11	9	63	11,3
Биологические науки	1	10	2	5	1	19	3,4
Другие	11	16	10	7	3	47	8,5

Таблица 2. **Тональность освещения России в публикациях**

Тема/направление	Позитивные	Нейтральные	Негативные
Китайско-российское сотрудничество в научно-технологической сфере	290	–	–
Медицина и здравоохранение	53	8	2
Энергетика	22	3	–
Военное оружие	43	3	1
Аэрокосмическая промышленность	57	4	2
Биологические науки	16	3	–
Другие	34	13	–
Общее количество	515	34	5
%	92,9	6,1	1

редакции, доминирования национальной идеологии и преследования национальных интересов Science and Technology Daily имеет определенный идеологический крен в научно-технологическом освещении России. В связи с перспективами российско-китайского сотрудничества в последние годы тенденция освещения России в Science and Technology Daily с 2019 по 2023 г. выглядит так, как показано в табл. 2: преобладает позитивное освещение (515, что составляет 92,9 % от общего числа сообщений), которое дополнено нейтральными сообщениями (34, 6,1 % от общего числа сообщений) и негативными публикациями (5, 1 % от общего числа публикаций). Позитивные и нейтральные составили 99 % от общего числа публикаций. Можно заметить, что тональность публикаций в Science and Technology Daily в значительной степени зависит от актуального характера международных отношений.

Таблица 3. **Публикации о китайско-российское сотрудничестве в научно-технологической сфере**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	44	–	–
2020	57	–	–
2021	76	–	–
2022	45	–	–
2023	68	–	–

Тематический подход к анализу структуры национального имиджа России в Science and Technology Daily представляет китайско-российское сотрудничество в шести кластерах: медицина и здравоохранение, энергетика, военная отрасль, аэрокосмическая отрасль и биологические науки. Всего найдено и проанализировано 290 сообщений, из которых все имели позитивную тональность (табл. 3).

Как показывают приведенные данные, Science and Technology Daily высоко оценивает все проекты российско-китайского сотрудничества, научные и технологические организации и научно-технические достижения, что актуализируется в следующих заголовках публикаций: *Международная совместная лаборатория китайско-российского характерного сельского хозяйства* ***добилась замечательных результатов***; *проведено 81 мероприятие* ***по китайско-российскому научно-технологическому обмену и сотрудничеству***; *провинция Хэйлунцзян собирает* ***богатый урожай в рамках мероприятий Китайско-российского года научно-технологических инноваций***; *Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин* ***направили поздравительные письма Третьему китайско-российскому энергетическому бизнес-форуму***; *Объединенные силы Ланьчжоуского университета Цзяотун* ***создают совместные лаборатории с российскими университетами***; *Российско-китайское сотрудничество в области ядерной энергетики:* ***живой гимн созданию сообщества человеческой судьбы***.

На содержание и тональность публикаций в СМИ влияет множество факторов, включая редакционную политику, целевую аудиторию, политическую обстановку и статус СМИ (государственные, частные, независимые и т. д.). Science and Technology Daily могут выполнять имиджеобразующие задачи, такие как продвижение национальных интересов, укрепление международных отношений или демонстрация положительных результатов сотрудничества: общий интерес в области науки и технологий китайских и российских лидеров, совместные заявления, конференции, форумы, образовательные программы университетов двух стран.

Рассмотрим каждую российскую научно-технологическую сферу, представленную в Science and Technology Daily (2019–2023).

1. Медицина и здравоохранение. По этой теме проанализировано 63 сообщения, из которых 53 — позитивные, 8 — нейтральные и 2 — негативные (табл. 4).

После 2020 г. в связи с глобальной эпидемией и инициативами России по борьбе с эпидемией и разработке вакцин, когда Россия стала первой страной, зарегистрировавшей вакцину от коронавируса, количество публикаций о российской медицинской науке резко возрастает. В 2021 г., когда эпидемия стихает, освещение

Таблица 4. **Публикации о медицине и здравоохранении**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	1	–	–
2020	29	4	–
2021	17	3	2
2022	4	1	–
2023	2	–	–

и внимание к российскому сектору медицины и здравоохранения не прекращаются, а, наоборот, смещаются от коронавируса к более технологичным методам лечения заболеваний. В 2022–2023 гг. освещение российского сектора здравоохранения начинает снижаться, из-за того что бóльшая часть сообщений переходит в тему российско-китайского научно-технологического сотрудничества, в том числе в сфере медицины.

Позитивные сообщения о российской медицине и здравоохранении в газете Science and Technology Daily посвящены российским прорывам и инновациям в определенных областях, таким как разработка вакцин и медицинского оборудования, а также другим достижениям в области медицинских технологий: *Россия разрабатывает* ***новую технологию поиска раковых клеток в кровотоке***; *В России создан* ***новый метод интерпретации данных о деятельности мозга***, *который в пять раз точнее магнитно-резонансной томографии*; *Впервые в России* ***применяется химиоинфузия для лечения злокачественных опухолей мозга***; *В России* ***разработан новый метод высокоточной визуализации церебральных сосудов***.

Стоит отметить, что в каждом сообщении о новых открытиях и технологиях Science and Technology Daily упоминает организацию (университет), в которой проводилось исследование, что в значительной степени повышает узнаваемость и репутацию российских университетов [Telnova, Bykova 2020] в Китае: *Группа исследователей* из ***Томского политехнического университета*** *и трех других российских научно-исследовательских институтов разработала новый метод целевой визуализации метастазов в раковых опухолях, который в 100 раз эффективнее аналогичных методов и способствует разработке более персонализированной стратегии лечения онкологических больных, а также значительной экономии средств на лекарства*; ***Квантовый центр Сколковского института науки и технологий (Москва, Россия) и Российская высшая школа экономики*** *совместно разработали сверхчувствительный твердотельный магнитометр для сканирования мозга, который позволяет снизить стоимость магнитной томографии мозга в 10 раз*; *Исследователи* ***Московского государственного психолого-педагогического университета (Россия)*** *разработали технологию диагностики заболеваний мозга с помощью измерения электромагнитных гамма-колебаний в мозге, которая, как ожидается, позволит улучшить методы диагностики и лечения шизофрении, болезни Альцгеймера, эпилепсии и многих других заболеваний*.

Некоторые меры, принятые Россией во время эпидемии, вызвали негативные отзывы в китайских СМИ, что было связано с пристальным вниманием китайских властей к тотальной вакцинации и соблюдению полного локдауна в своей стране,

масочного режима, в то время как в России меры по соблюдению масочного режима, локдауна и вакцинации были мягкими, что нашло отражение в характере публикаций: ***Низкий уровень вакцинации***, *плохая осведомленность о профилактике и контроле — тяжелая эпидемия неокороны снова поражает Россию*; ***Российская вакцина «Спутник» от COVID-19 не одобрена*** *для использования Управлением по регулированию товаров медицинского назначения ЮАР.*

2. Энергетика.

Освещение деятельности России в энергетическом секторе в Science and Technology Daily носит преимущественно позитивный и нейтральный характер (табл. 5). Публикации об успешной разработке *высокостабильного метода получения халькогенидов, создании уникального сплава для аэрокосмических газовых турбин и разработке всепогодных солнечных панелей* подчеркивают позицию России как мирового лидера в научно-технологической сфере. Нейтральную тональность имели публикации о повышении безопасности высокотемпературных газоохлаждаемых реакторов. В сообщении Science and Technology Daily об энергетическом секторе России широко используются прилагательные с позитивными коннотациями: *передовой, эффективный, устойчивый, лидерский, мощный, диверсифицированный, всеобъемлющий.*

Таблица 5. **Публикации об энергетике**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	1	–	–
2020	5	1	–
2021	3	1	–
2022	10	–	–
2023	4	–	–

3. Военные технологии (табл. 6).

Таблица 6. **Публикации о военных технологиях**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	7	2	–
2020	19	–	–
2021	2	–	–
2022	10	1	1
2023	5	–	–

Для того чтобы обобщить представление о российской военно-оружейной сфере в Science and Technology Daily, сделана подборка репрезентативных новостных заголовков: *Насколько* ***мощной является российская атомная торпеда «Посейдон»?***; *Еще одно гиперзвуковое оружие!* ***Ракеты «Циркон»» стали самыми острыми ножами России на море***; *За главным военным спутником США* ***следит российский космический аппарат***; *Как получилось,* ***что у передового российско-***

***го оружия нет « «чип-кризиса»»**, несмотря на постоянные санкции?* В заголовках актуализировано стремление Китая представить Россию как близкого соседа и надежного партнера, подчеркнуть общую мощь и способность двух стран противостоять внешним вызовам и угрозам.

4. Аэрокосмическая промышленность (табл. 7).

Таблица 7. **Публикации об аэрокосмической промышленности**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	9	1	–
2020	10	–	–
2021	17	1	1
2022	15	1	1
2023	6	1	–

Позитивные публикации (57). Например, сообщалось, что *Россия планирует построить первый частный космодром* для *развития бизнеса космического туризма*, что знаменует собой новое продвижение в освоении космоса в России. Кроме того, в России *разработана космическая стиральная машина, которая позволяет космонавтам на Международной космической станции стирать свою одежду прямо в капсуле*, что значительно улучшает качество их жизни. Даже *российскому «Космическому экспрессу» требуется всего 3 часа 19 минут, чтобы добраться от земли до МКС*, что демонстрирует лидерство России в области космического транспорта. Наконец, успех России в *производстве испытанных в полете 3D-печатных авиадвигателей.*

Нейтральные публикации (4) представляют новости о российских аэрокосмических проектах и повседневной жизни космонавтов.

Негативные сообщения (2) информируют о проблемах отрасли. Например, глубокий *анализ причин крушения российского авиалайнера* выявил возможные *проблемы с безопасностью гражданской авиации в России*. В то же время *дым и запах гари из российского служебного модуля «Звезда» на Международной космической станции.*

5. Биологические науки (табл. 8).

Таблица 8. **Публикации о биологических науках**

Год	Позитивные	Нейтральные	Негативные
2019	1	–	–
2020	8	2	–
2021	2	–	–
2022	4	1	–
2023	1	–	–

Наибольшее количество положительных сообщений (16) посвящено результатам российских исследований и инновационным прорывам в области бионаук,

таким как *успешное воспроизведение наноструктурного слоя роговицы дрозофилы меланогастер*, *выделение препарата против рака легких из тропического растения* и *разработка биологически активных соединений, содержащих атомы фтора*. Эти позитивные и передовые научно-технические достижения получили полное признание и высокую оценку китайских СМИ, что еще больше укрепило имидж России как научно-технической державы. Три нейтральных сообщения дают читателям представление о высокотехнологичных и систематических исследованиях в области бионаук.

Выводы

В 2019–2023 гг. общее количество сообщений о России в Science and Technology Daily было выше, чем о США, Японии, Великобритании и Франции. Сообщения о китайско-российском сотрудничестве в научно-технологической сфере были самыми многочисленными, за ними следовали темы по медицине, аэрокосмической промышленности, энергетике. Биологические науки представлены наименьшим количеством. За пятилетний период сообщения по российской тематике были в основном позитивными, дополненными нейтральными сообщениями.

Общий национальный имидж Российской Федерации, построенный Science and Technology Daily, показывает, что Россия является технологической державой с сильным научным опытом, прочной исследовательской базой, лидирующей в мире во многих научных и технологических областях. Однако, как и в любом другом источнике информации, в Science and Technology Daily встречаются различные точки зрения на развитие российской науки и технологий. Некоторые материалы критически относятся к некоторым аспектам науки и технологий в России, если они расходятся с китайским видением проблемы.

В целом освещение России в Science and Technology Daily носит дружественный характер и способствует развитию и углублению китайско-российского сотрудничества в различных областях науки и техники. Тональность публикаций в Science and Technology Daily в значительной степени зависит от характера актуальных международных отношений. Газета продолжает освещать различные связанные с Россией вопросы исходя из их новостной ценности. Негативное освещение, хотя и содержит критику, презентуется взвешенно.

Литература

Анохин, Е. В. (2014). Имидж страны: проблемы формирования и управления. *Проблемы современной экономики, 3* (51), 214–218.

Ван, С. (2017). Имидж Китая в онлайн-версии газеты «Аргументы и факты». *Медиалингвистика*, *1* (16), 58–70.

Гэ, С. (2022). Реформа российской региональной инновационной системы и ее последствия для китайско-российского научно-технического сотрудничества. *Business Economics*, *7*, 96–97. (На кит. яз.)

Лябухов, И. В. (2011). *Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене*. Автореф. дис. … канд. полит. наук. Пермь.

Мамонова, Н. В. (2023). Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru). *Медиалингвистика*, *10* (3), 376–393.

Молодцова, О. П. (2022). Научно-технологическая деятельность: сущность и место в системе смежных понятий. *Научные записки молодых исследователей*, *5*, 65–76.

Сюань, Б. (2009). *Медиаобраз*. Пекин: Коммуникационный университет Китая. (На кит. яз.)

Сюэ, Ф. (2014). Зимние Олимпийские игры в Сочи 2014: России нужна история успеха. *Современный мир*, *3*, 47–49. (На кит. яз.)
Телегина, К. И. (2014). Понятие и структура имиджа государства. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 12* (50), 191–194.
Тянь, Г. (2016). Российская культурная внешняя политика и формирование национального имиджа в эпоху Путина. *Журнал Северо-Восточного педагогического университета (издание по философии и общественным наукам)*, *3*, 94–96. (На кит. яз.)
Чжан, М. (2006). Анализ региональных стратегий рекламы имиджа науки и технологий. *Modern Intelligence*, *6*, 222–225. (На кит. яз.)
Чжэн, Ю. (2019). *Исследование научно-технологического имиджа Китая, представленное The New York Times*. Дис. … канд. филол. наук. Узань. (На кит. яз.)
Cotírlea, D. A. (2015). Country image vs. country brand: Differences and similarities. *Ecoforum*, *4* (1), 165–171.
Ilyushkina, M., Chudinov, A. (2019). Metaphorical Modeling of Russia's Image in the Mass Media: The Case of American Press. *Language and Culture*, *45*, 20–30.
Lehmkuhl, M., Karamanidou, C., Moerae, T. (2012). Scheduling Science on Television: A Comparative Analysis of the Representations of Science in 11 European countries. *Public Understanding of Science*, *21* (8), 1002–1018.
Lehmkuhl, M., Peters, H. P. (2016). Constructing (Un-)certainty: An Exploration of Journalistic Decision-making in the Reporting of Neuroscience. *Public Understanding of Science*, *25* (8), 909–926.
Min Han, C. (1990). Testing the Role of Country Image in Consumer Choice Behaviour. *European Journal of Marketng*, *24* (6), 24–40. (На кит. яз.)
Osipova, Y. (2012). New Russian Public Diplomacy: Conceptualization, Practice and Limitations. *Culture and Technology*, *12*, 1–34.
Szwajca, D. (2017). The Importance of Reputation of a Country in the Process of Building Its Competitive Advantage on the Global Market. *Scientific Journal WSFiP*, *1*, 99–114.
Telesheva, I., Denisova, I. (2015). The Evolution of the Russian Image in the English Discourse. *Procedia Social and Behavioral Science*, *4*, 89–94.
Telnova, I., Bykova, E. (2020). How a Scientific Communicator Transforms into a Producer of Scientific Projects. In *2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)* (pp. 63–67). St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc.

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 27 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Юйбо Го — аспирант; https://orcid.org/0009-0008-5459-3960, gyb8439@gmail.com

Representation of the Russian scientific and technological sphere in the media discourse of the People's Republic of China using the example of the "Science and Technology Daily" newspaper

Guo Yubo

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Yubo Guo (2025). Representation of the Russian scientific and technological sphere in the media discourse of the People's Republic of China using the example of the "Science and Technology Daily" newspaper. *Media Linguistics*, *12* (1), 138–152. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.108 (In Russian)

The purpose of the study: to analyze the content and tone of media materials about Russia in Chinese media discourse, to understand what scientific and technological aspects of

Russia are in the focus of Chinese media and to explain their actualization. The author of the article hypothesizes that the analysis of Chinese media discourse allows us to identify strategically important areas and identify trends in Russian-Chinese cooperation. Based on the results of a search query on the Knowledge Resource Library (CNKI) platform, from 43,300,000 results, the author selected text materials devoted to Russian science and technology in Chinese media. Based on the results of a search query conducted by the author on the Knowledge Resource Library (CNKI) platform, the study took into account 3,547 materials selected by the keyword "Russia" in the text or title of the material. The resulting material was ranked by the number of publications in various Chinese media. Based on the results of quantitative selection, the object of the study is publications in the Science and Technology Daily newspaper, which is the official mouthpiece of the Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. The newspaper is an opinion leader in the field of scientific and technological innovation in China, has government resources, has a wide audience and is a convergent platform. The empirical basis of this study is 554 reports for the period from January 1, 2019, to December 1, 2023, in the "Science and Technology Daily" newspaper. The selected materials were subjected to content analysis. As a result, the author came to the following conclusions: The newspaper covers various Russia-related issues based on their news value; while negative coverage, although containing sharp articles, is handled in a relatively calm manner.

Keywords: tonality, media discourse, content analysis, scientific and technical sphere, cooperation.

References

Anokhin, E. V. (2014). The image of the country: problems of formation and management. *Problemy sovremennoi ekonomiki, 3* (51), 214–218. (In Russian)

Chzhen, Y. (2019). Research on China's Science and Technology Image presented by The New York Times. PhD thesis. Wuhan. (In Chinese)

Cotírlea, D. A. (2015). Country image vs. country brand: differences and similarities. *Ecoforum*, *4*, 165–171.

Ge, X. (2022). Reform of the Russian regional innovation system and its implications for Sino-Russian scientific and technological cooperation. *Business Economics*, *7*, 96–97. (In Chinese)

Ilyushkina, M., Chudinov, A. (2019). Metaphorical Modeling of Russia's Image in the Mass Media: The Case of American Press. *Language and Culture*, *45*, 20–30.

Lehmkuhl, M., Karamanidou, C., Moerae, T. (2012). Scheduling Science on Television,A Comparative Analysis of the Representations of Science in 11 European countries. *Public Understanding of Science*, *21* (80), 1002–1018.

Lehmkuhl, M., Peters, H.P. (2016). Constructing (Un-)certainty: An Exploration of Journalistic Decision-making in the Reporting of Neuroscience. *Public Understanding of Science*, *25* (8), 909–926.

Liabukhov, I. V. (2011). *State policy on shaping the image of the Russian Federation in the international arena*. PhD thesis abstract. Perm. (In Russian)

Mamonova, N. V. (2023). The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru). *Media Linguistics, 10* (3), 376–393. (In Russian)

Min Han, C. (1990). Testing the Role of Country Image in Consumer Choice Behavior. *European Journal of Marketing*, *6* (24), 24–40. (In Chinese)

Molodtsova, O. P. (2022). Scientific and technological activity: Essence and place in the system of related concepts. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, *5*, 65–76. (In Russian)

Osipova, Y. (2012). New Russian Public Diplomacy: Conceptualization, Practice and Limitations. *Culture and Technology*, *12*, 1–34.

Szwajca, D. (2017). The Importance of Reputation of a Country in the Process of Building Its Competitive Advantage on the Global Market. *Scientific Journal WSFiP, 1*, 99–114.

Telesheva, I., Denisova, I. (2015). The Evolution of the Russian Image in the English Discourse. *Procedia Social and Behavioral Science*, *4*, 89–94.

Telnova, I., Bykova, E. (2020). How a Scientific Communicator Transforms into a Producer of Scientific Projects. In *2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)* (pp. 63–67). St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc.

Tian, G. (2016). Russian Cultural Foreign Policy and the Formation of National Image in the Putin Era. *Journal of Northeastern Normal University (philosophy and Social Sciences Edition)*, *3*, 94–96. (In Chinese)
Wang, X. (2017). National image of China in on-line newspaper "Arguments and Facts". *Media Linguistics*, *1* (16), 58–70. (In Russian)
Xuan, B. (2009). *Media Image*. Beijing: Communication University of China Press, 73. (In Chinese)
Xue, F. (2014). Sochi 2014 Winter Olympics: Russia needs a success story. *Modern World*, *3*, 47–49. (In Chinese)
Zhang, M. (2006). Analysis of Regional Science and Technology Image Advertising Strategies. *Modern Intelligence*, *6*, 222–225. (In Chinese)

Received: February 21, 2024
Accepted: September 27, 2024

Author's information:

Yubo Guo — Postgraduate Student; https://orcid.org/0009-0008-5459-3960, gyb8439@gmail.com

УДК 621.397.13:007(575.3) Медиалингвистика. 2025. Том 12, № 1

Русскоязычное телевещание как инструмент реализации языковой политики в Республике Таджикистан

Х. И. Икромзода

Таджикский национальный университет,
Республика Таджикистан, 734025, Душанбе, пр. Рудаки, 17

Для цитирования: Икромзода Х. И. (2025). Русскоязычное телевещание как инструмент реализации языковой политики в Республике Таджикистан. *Медиалингвистика*, *12* (1), 153–169. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.109

Статья посвящена анализу развития русскоязычного телевещания Республики Таджикистан в контексте углубления политических, экономических и культурных связей с Российской Федерацией. Актуальность исследования обусловлена стремлением государства поддерживать статус русского языка как средства межнационального общения и управления языковой ситуацией в стране. Цель статьи — проанализировать, каким образом русскоязычное телевещание способствует реализации задач государственной языковой политики в Таджикистане. Основное внимание уделено роли телевидения в популяризации русского языка, его влиянию на развитие билингвизма и интеграцию таджикских трудовых мигрантов в российскую лингвокультурную среду. Государственная языковая политика Таджикистана направлена на развитие государственного языка — его активное использование в государственных учреждениях, образовании и СМИ. При этом обеспечивается также поддержка и развитие русского как языка межнационального общения и других языков, представленных на территории республики. Поддержка русского языка и русскоязычного вещания рассматривается как инструмент сохранения баланса в языковом пространстве. Это позволяет нивелировать усиливающееся влияние иранского языка, активно распространяемого через ираноязычные телеканалы, которые нередко транслируют политико-идеологические установки, запрещенные в самом Иране. В рамках исследования поставлены задачи оценить современное состояние русскоязычного телевещания в Таджикистане, анализа его влияния на развитие русского языка в стране, выявления значения русскоязычного контента для миграционной политики и культурной адаптации. Телевидение выбрано объектом исследования из-за высокой популярности среди населения, что подтверждается данными исследований медийных предпочтений. Барометр телесмотрения демонстрирует наивысшие показатели популярности телевидения среди средств массовой информации. По этому показателю страна занимает лидирующее место в Центральной Азии. Эмпирической базой исследования послужили официальные документы, регламентирующие особенности языковой политики Республики Таджикистан, статистические данные и результаты замеров, а также материалы опроса и анкетирования, проведенного автором статьи. Для анализа использовались методы качественного и количественного исследования, включая контент-анализ, сравнительно-сопоставительный метод и интерпретацию социологических данных. Анализ показал, что русскоязычное телевещание в Таджикистане благодаря двум большим местным телепровайдерам укрепило свои позиции в больших городах. В отдаленных районах стало труднодоступным. Просмотр передач на русском языке способствует более успешному освоению языка, что, в свою очередь, облегчает адаптацию трудовых

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

мигрантов к жизни в России, включая понимание ее законодательства и культуры. Русскоязычное вещание способствует укреплению позиций русского языка и развитию лингвокультурных связей между Таджикистаном и Россией.

Ключевые слова: русский язык, медиапространство Таджикистана, российские телеканалы, языковая политика, телевизионный контент.

Постановка проблемы

Современная языковая политика Таджикистана исходит из нынешних реалий и нацелена на сохранение и развитие государственного языка с учетом его национальной специфики, а также на поддержку и популяризацию русского языка, его продуктивного изучения как языка межнационального общения на территории республики. Государственная языковая политика рассматривает русский язык как важный элемент успешной реализации интеграционных процессов в регионе и укрепления стратегического партнерства с Российской Федерацией. В этом плане распространение русскоязычного телеконтента становится ключевым фактором, способным обеспечить нужные условия для развития и поддержки русского языка в стране.

По данным исследования Центральноазиатского барометра, аудиторию телевидения в стране составляет 87 % населения в возрасте от 18 лет и старше[1]. По данному показателю республика занимает лидирующее место среди стран Центральной Азии, чем и обусловлена необходимость выбора данной темы для научного исследования с учетом укрепления взаимовыгодных политических, экономических и культурных процессов между Таджикистаном и Россией. Не менее важно в этом плане развитие русского языка как фактора укрепления взаимоотношений нашими странами, которые, будучи стратегическими партнерами, заботятся о сохранении стабильной позиции России в регионе.

В условиях латинизации своих алфавитов тюркоязычными странами Центральной Азии вопрос о сохранении устойчивых позиций русского языка в регионе становится актуальным в свете происходящих трансформаций в языковой политике. В этом контексте рассмотрение проблемы вещания российских телеканалов в Республике Таджикистан, а также принимаемые конструктивные решения по данному вопросу позитивно влияют на языковую подготовку таджикистанцев, легально приезжающих в Российскую Федерацию на работу. Для таджикских трудовых мигрантов, желающих работать в России, доступ к русскоязычным медиа окажет неоценимую помощь в адаптации к новой лингвокультурной среде и интеграции в российскую действительность. Они смогут совершенствовать знания, умения и навыки по русскому языку, русской культуре, иметь четкое представление о российском законодательстве, найти достойное место в российском обществе.

История вопроса

Изучение языковой политики Республики Таджикистан представляет собой относительно молодое, но активно развивающееся научное направление. Систематические исследования в этой области начались в конце XX в. после обретения

[1] Медиапредпочтения населения Таджикистана. *ASIA-Plus.* 25.11.2024. Электронный ресурс https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20141211/media-predpochteniya-naseleniya-tadzhikistana.

республикой независимости. В советское время языковая политика Таджикистана рассматривалась в контексте общей языковой политики СССР. Исследования были преимущественно социолингвистическими и фокусировались на вопросах двуязычия и межэтнических отношений. С обретением независимости интерес к изучению языковой политики Таджикистана значительно возрос. Исследователи начали активно анализировать процессы становления и развития национальной языковой политики, ее влияние на идентичность, культуру и социальную жизнь общества.

Коротко о положении русского языка в Таджикистане. В Таджикистане, согласно ст. 2 Конституции страны, русский является языком межнационального общения. В 1989 г. русский язык в Республике назвали родным или вторым языком 36 % населения. Это довольно значимый показатель, если учитывать тот факт, что в тот период таджиков в Таджикистане насчитывалось 64 %, узбеков — 23 %, русских — 7,6 %[2]. Русским языком владели 88 % населения, из них свободно говорили на русском языке около 65 %.

В настоящее время государство уделяет особое внимание преподаванию и изучению русского языка. С каждым годом открываются новые школы, увеличиваются группы в вузах и колледжах, обучение в которых ведется на русском языке. Успешно реализуется «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года». Об активной поддержке русского языка в Республике Таджикистан говорит и Индекс положения русского языка в мире: «Согласно актуализированным данным, русский язык наиболее устойчив в Республике Беларусь, которая занимает первую строчку в рейтинге УС-индекса, и в Республике Таджикистан, занимающей четвертую строчку списка» [Индекс положения… 2023: 62]. При составлении индекса авторы-составители учитывают количество русскоязычных школ, театров, библиотек, музеев, долю публикаций на русском языке, учащихся в вузах РФ и использование в городской среде. Эти показатели связаны с городами. Однако доля сельского населения в республике по состоянию на 2022 г. составляет около 70 %, а городского — 30 %[3].

Несмотря на все усилия, сегодня в Таджикистане, по разным подсчетам, русским языком владеют около 55 % населения республики, однако свободно владеющих — около 30 %, считающих русский язык родным — 0,3 %. По мнению специалистов, одна из главных причин снижения уровня знаний русского языка в республике — отсутствие русскоязычной среды, особенно на периферии. На это отрицательно повлиял отток русскоязычного населения в 1990-х годах.

Одним из основных механизмов и рычагов сохранения, популяризации и поддержки русского языка является обеспечение населения доступом к русскоязычным телеканалам, которые в сумме представляют собой реальную и виртуальную языковую среду наряду с русскоязычным интернет-контентом.

Учитывая тот факт, что телевидение представляет собой особое средство изучения языка, в сложившейся ситуации одним из основных способов поддержки русского языка является обеспечение населения доступом к русскоязычным теле-

---

[2] Всесоюзная перепись населения 1989 г. *Демоскоп Weekly.* Электронный ресурс http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=12.

[3] *Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан*. Электронный ресурс https://www.stat.tj/ru/.

каналам, которые в сумме представляют собой своего рода виртуальную языковую среду наряду с русскоязычным сегментом глобальной Сети. С помощью телевизионных программ можно развивать навыки восприятия живой речи на слух, говорения и пополнения словарного запаса. Данный вопрос неоднократно был предметом изучения со стороны ученых (см., например: [Дмитриева 2021; Меркиш 2015; Нестерова 2023; Нестерова, Фащанова 2017]).

Вопросам русскоязычных СМИ в Таджикистане посвящено несколько работ: [Сафаров 2013; Худжаназаров 2013]. Однако состояние русскоязычных телеканалов и их роль в поддержке и укреплении позиции русского языка в современном Таджикистане постсоветского периода впервые стали предметом изучения.

Описание методики исследования

В настоящей статье мы поставили задачу рассмотрения ситуации с положением и развитием русскоязычных телеканалов как важного фактора языковой политики государства. Для этого необходимо в первую очередь рассмотреть общую картину и особенности функционирования телевидения в республике.

Исследование основано на применении как количественных, так и качественных методов, что позволяет получить более глубокое и всестороннее понимание изучаемой проблемы. Такой подход дает возможность провести комплексный анализ проблемы, что, в свою очередь, повышает вероятность успешного достижения поставленных целей.

Для изучения языковых аспектов медиапотребления в Таджикистане проведена стратифицированная случайная выборка 1000 респондентов. Опрос, проходивший в период с марта по июль 2023 г., позволил оценить влияние русскоязычных телеканалов на языковые предпочтения населения. Анализ полученных данных обеспечил статистическую достоверность результатов с погрешностью не более 3 %.

Для репрезентативности данных социологического исследования использованы различные методы сбора информации: личные интервью, онлайн-анкетирование и телефонные опросы среди городского и сельского населения страны. Наше исследование охватило широкий спектр вопросов от демографических данных и медиапотребления до языковых предпочтений и отношения к русскоязычному контенту. Мы провели достаточно всеобъемлющий опрос и анкетирование в очном формате по разным аспектам данной проблемы, в которых приняли участие более 1000 респондентов из разных регионов республики — представители разных социально-демографических групп: дети, молодые люди (парни и девушки), взрослые (мужчины и женщины), люди преклонного возраста из городов, районов, кишлаков Таджикистана. Также использован анализ официальных статистических данных (Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан[4], Комитета по телевидению и радио при Правительстве РТ, ОАО «Телерадиоком», отвечающего за телепровайдеров в РТ, Индекса положения русского языка), отчеты

[4] *Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года от 30 августа 2019 г.* Электронный ресурс https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=134849.

международных организаций (ЮНЕСКО[5], Международного союза электросвязи (ITU)[6] и др.).

Результаты анализа данных представлены виде статистических диаграмм.

Анализ материала и результаты исследования

Несмотря на то что 5,5 млн человек в Таджикистане используют интернет, около 70 % населения страны получают информацию в основном по телевидению. Таджикистан одна из немногих стран, где телевидение по-прежнему играет большую роль в информационном обеспечении населения. По данным ОАО «Телерадиоком», каждый житель страны смотрит телевизор в среднем 4–5 часов в день. Отметим, что 82 % населенных пунктов страны обеспечены качественными телевизионными программами.

Согласно данным Комитета по телевидению и радио при Правительстве РТ, анализ общего потребления ТВ в 2023 г. свидетельствует о том, что из условных 100 % телезрителей доля всей таджикской телеаудитории (таджикских телеканалов) составляет около 40 % по всей стране. Более половины телеаудитории приходится на зарубежные телевизионные каналы, из которых около 15 % — российские, а 45 % — иранские, афганские, турецкие, узбекские и др.

Эти показатели отражают только общую характеристику телевещания в стране, которое осуществляется в основном по двум телевизионным трансляторам: спутниковым антеннам и телепровайдерам. Что касается местных телеканалов, то для их просмотра используются наземные антенны, которые из-за ограниченного приема телесигналов и малого количества телеканалов довольно редко встречаются. Спутниковые антенны (а именно зеркальные) до сих пор самые распространенные в стране, а частные коммерческие телепровайдеры занимают в этом списке второе место (рис. 1).

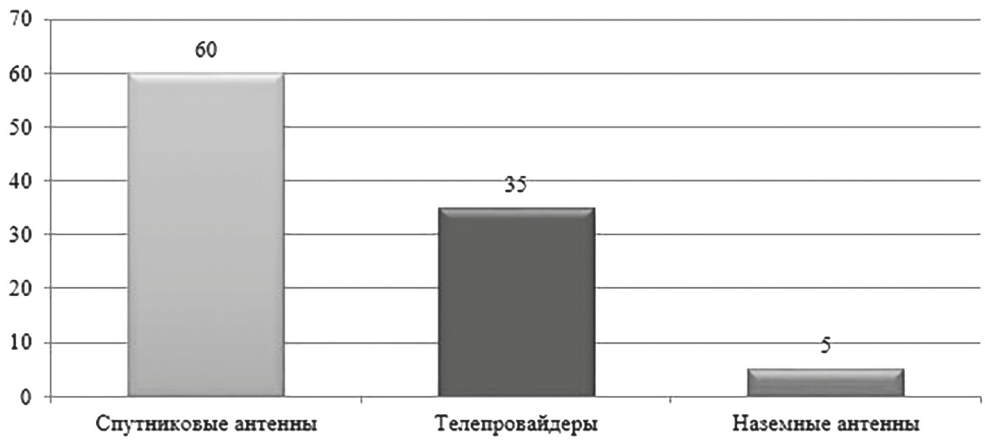

Рис. 1. Распределение способов трансляции телесигнала (в %)

[5] Всемирный доклад по мониторингу образования. Электронный ресурс https://gemreport–2017.unesco.org/ru/home-ru/.

[6] Международный союз электросвязи. *Организация Объединенных Наций.* Электронный ресурс https://www.un.org/ru/ecosoc/itu/.

Как утверждают эксперты, широкое распространение спутниковых антенн в основном зависит от возможности приема огромного количества бесплатных (не русскоязычных) телеканалов (более тысячи). Еще одним важным фактором является доступность этих антенн для большинства населения, в том числе для жителей сельской местности. Отметим, что доля сельского населения в республике по состоянию на 2022 г. составляет около 70 %. Около 93 % территории Таджикистана занимают горные ландшафты. Таким образом, значительная часть населения страны проживает в отдаленной местности, где практически отсутствует доступ к коммерческим телепровайдерам.

Отметим, что количество телеканалов, транслируемых спутниковыми антеннами, исчисляется тысячами. Согласно проведенному опросу, разница между просмотром через спутниковые антенны русскоязычных, иранских и таджикских телеканалов незначительна (примерно 7 %). Причина кроется в малом количестве российских телеканалов, которые транслируются не крупными телекомпаниями, а региональными (телеканалы Новосибирской, Алтайской и др. областей).

Качество и содержательность этих телеканалов сильно уступают крупным российским телекомпаниям. Отмеченные 7 % приходятся на крупные российские телекомпании, такие как «Матч ТВ», ТНТ, «Россия», «Кино», НТВ, РЕН ТВ, вещание которых осуществляется с помощью дополнительного модуля к приставкам (базам), подключенным к интернету через спутниковые антенны с обязательной ежемесячной платой за услуги. Однако по качеству предоставляемой услуги имеются серьезные недостатки: каналы зависают при плохой погоде и мельчайших колебаниях радиуса антенн. Поэтому они не пользуются большой популярностью.

В этом плане частные телепровайдеры более эффективны, у них превалирует русскоязычный контент. Российские и русскоязычные телеканалы в списке одного из самых крупных телепровайдеров в Таджикистане «Мавджи Сомон» составляют подавляющее большинство: таджикские телеканалы — 11, русскоязычные российские телеканалы — 69, иностранные телеканалы, вещающие на русском языке, — 19, телеканалы на фарси (иранские, афганские) — 5, телеканалы на других языках — 10.

Как видим, бóльшая часть телеканалов российские, функционируют также иностранные телеканалы, которые осуществляют свое вещание на русском языке (Euronews, Animal, National Geography и т. д.). На долю русскоязычных телеканалов в «Мавджи Сомон» приходится более 50 % телезрителей (рис. 2).

В плане количества, качества и языкового предпочтения телепровайдеры имеют различное влияние. Так, в республике имеются две крупные компании. «Мавджи Истиклол» считается вторым по величине телепровайдером в стране после «Мавджи Сомон». Обе телекомпании конкурируют между собой по качеству и характеру транслируемых телеканалов. Если «Мавджи Сомон» ориентирована в основном на трансляции русскоязычного телеконтента, то «Мавджи Истиклол» наравне с русскоязычным контентом транслирует самые популярные ираноязычные телеканалы.

Например, на «Мавджи Истиклол» можно посмотреть более 20 ираноязычных популярных телеканалов (напомним, что у «Мавджи Сомон» их только 5). Отметим, что «Мавджи Истиклол» начала свою деятельность недавно и транслирует пока только в больших городах, однако число ее потребителей за счет ираноязыч-

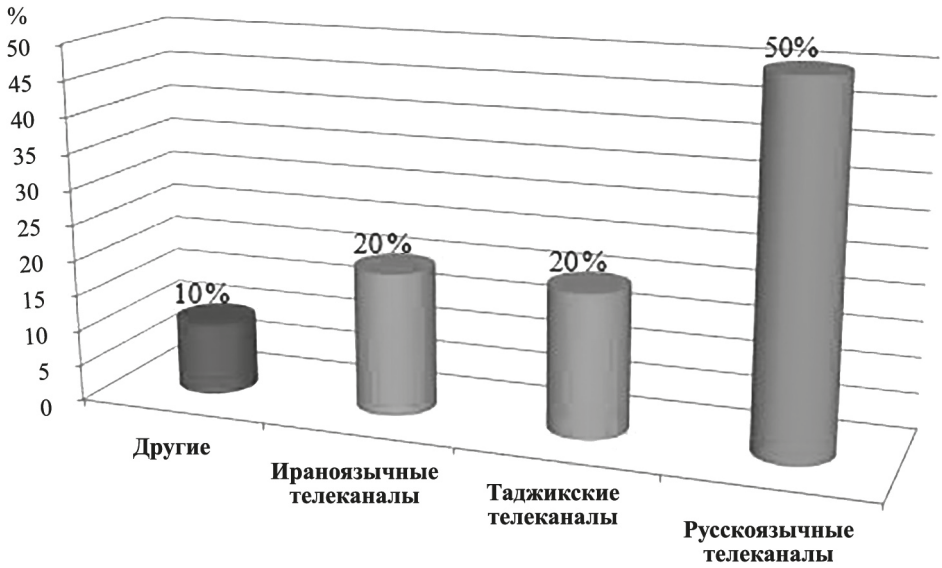

Рис. 2. Телеканалы, доступные к просмотру посредством телепровайдеров

ного контента и хорошего качества сигнала постоянно растет, и в скором времени она может обойти по количеству абонентов «Мавджи Сомон».

Несмотря на существенную конкуренцию, телепровайдеры остаются наиболее продуктивными в отношении трансляции русскоязычного контента, создающего потенциальную языковую среду для определенной аудитории страны. Однако их главный недостаток в том, что они транслируют свои передачи преимущественно в городах, тогда как, напомним, более 70 % населения страны живет в сельской местности и удовлетворяет свои телевизионные потребности главным образом за счет спутниковых антенн, в телетрансляции которых из-за отсутствия доступного русскоязычного контента преобладают бесплатные ираноязычные телеканалы (рис. 3).

Ситуация с ираноязычными телеканалами вызывает озабоченность властей страны и является довольно чувствительным вопросом языковой политики государства.

Следует сказать несколько слов в положении самого таджикского языка в стране.

В республике в данный момент происходит возрождение и расширение сфер использования государственного языка. Таджикский в советский период играл роль бытового языка и сильно дистанцировался от своего классического литературного варианта в связи с латинизацией и кириллизацией письма. В словарный состав таджикского языка входило огромное количество советско-интернациональной лексики, ограничивающей его национально-культурный колорит.

Досоветский таджикский литературный язык (классический дари) по своему содержанию и структуре характеризовался как высокодуховный, поэтичный, морально и религиозно насыщенный. Для советского государственного строя эти особенности языка скорее были препятствием для установления советской власти, так как такой язык мог сохранять глубоко религиозные и высокоидеологические

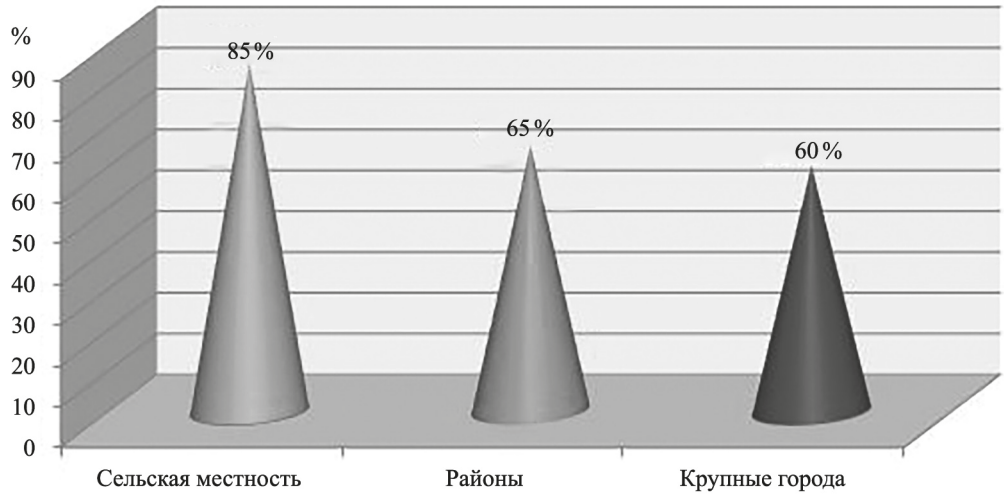

Рис. 3. Показатели получаемой телеинформации по регионам страны

составляющие в менталитете народа, что противоречило советской идеологии. Руководство советской Таджикской республики, состоявшее из нетаджикоговорящих (руководители учреждений, крупных заводов, фабрик), проводило все официальные мероприятия на русском языке. Делопроизводство тоже осуществлялось на русском, немало литературных сочинений советского периода были написаны на русском языке, русская и русскоязычная литература также пользовалась большей популярностью, чем таджикская.

В современных условиях обострения «конфликта цивилизаций» [Huntington 1996] большое значение приобретает повышение статуса национального языка и культуры в мировом информационном пространстве. Меняющиеся условия диктуют новые правила, и сегодня первостепенное внимание уделяется активному освоению новой виртуальной территории, степень присутствия и активность деятельности в которой во многом определяют геополитический статус национальных языков и культур [Добросклонская 2005; Камышева 2017].

Учитывая вышесказанное, в современном Таджикистане языковая политика на государственном уровне нацелена на развитие литературного таджикского (государственного) языка, который сочетает в себе классические и новотаджикские лексико-стилистические особенности. Современный таджикский язык включает в себя лексическое богатство классического персидского языка, официально-деловой, научно-публицистический стиль, а также богатый терминологический опыт, унаследованный от советского периода.

В этом контексте современный иранский (персидский) язык, транслирующийся через телеканалы спутникового вещания, серьезно препятствует этой тенденции, нанося урон процессам становления национального самосознания в целом и развитию современного таджикского языка в частности. В современном иранском языке крайне много арабизмов, англицизмов, тюркизмов и собственных диалектизмов. Стилистика, фонетика и семантика в основном передают национально-культурную специфику самого Ирана, которая не идентична современной социокультурной ситуации республики. В историческом плане такое языковое различие

между иранским персидским и дари существует достаточно давно — более десяти веков. Здесь можно привести следующее известное заключение: таджики — персидский народ, а не иранский, поскольку сами иранцы, наряду с таджиками и афганцами, считаются одним из персидских народов.

Другим немаловажным фактором неприемлемости широкого и хаотичного внедрения ираноязычных телеканалов в таджикское телевидение является характер и содержание их вещания. Для более ясного представления выделим собственно ираноязычные и иранские телеканалы. Первые в основном являются развлекательными и познавательными. Данный телеконтент в самом Иране признан оппозиционным и находится под запретом, поскольку, как полагают в Иране, он пропагандирует западный образ жизни, наносит морально-нравственный вред иранскому народу, дезинформирует, пробуждает антигосударственные настроения в обществе и нацелен на дезориентацию иранского народа.

Ираноязычные телеканалы в основном базируются в европейских государствах, Центральной и Северной Америке, Австралии и Турции. К таким каналам относятся крупные телекомпании GEM Group, River, ONYX TV, MTC и т. д. Каждый из них имеет сеть своих телеканалов. Например, у GEM Group (принадлежит иранской оппозиции), считающегося самым популярным по результатам опроса телеканалом в Таджикистане, имеются GEM+, GEM USA, GEM AZ, GEM Bollywood, GEM Kids, GEM Classic, GEM Drama, GEM Food, GEM Series[7] и др. В Таджикистане они популярны дублированием зарубежных сериалов, прежде всего турецких, на иранский язык. Пользуются большой популярностью среди девушек и в большей степени женщин. Не менее популярны принадлежащие им детские телеканалы, которые дублируют различные мультфильмы (даже известный российский мультфильм «Маша и Медведь» транслируется этими каналами в иранской озвучке).

Язык этих телеканалов в силу близости к классическому персидскому у носителей таджикского языка пробуждает на подсознательном уровне память о морально-духовных поучениях, которыми очень богаты таджикская культура и таджикско-персидская классическая литература. Подобные поучения в основном запечатлены в стихах на персидском языке и заучиваются таджиками с самого детства. Лингвокогнитивные исследования показывают, что негативные элементы, противоречащие национальным ценностям таджикистанцев, такие как пропаганда ЛГБТ[*], употребление алкоголя, неподобающее отношение к старшим, освещающиеся на ираноязычных телеканалах, могут восприниматься аудиторией — носителями таджикского языка. Способ воздействия через «язык морального кодекса» на подсознательном уровне довольно эффективно может превратить нечто «чужое» в категорию «свой, родной» [Давлатов 2020].

Поэтому государство принимает меры для ограничения подобных телеканалов путем нахождения более приемлемой альтернативы наполнения информационной среды.

Что касается иранских и афганских телеканалов, то они языковой политикой государства идентифицируются как крайне консервативные и пропагандирующие исламские религиозные течения, чуждые менталитету таджикского народа и тра-

[7] *European Satellite Zapping & Directory*. Электронный ресурс https://cz.kingofsat.net/tv.php?&lim=20&sat=135&standard=All&ordre=nom_ch&filtre=Clear&aff=zap.

[*] Движение признано экстремистским в Российской Федерации.

диционному исламу. В них наблюдаются попытки проиранских сил внедрить свою государственную идеологию в сознание людей, что считается небезопасным для государственного строя и государственной независимости республики. Телепровайдерам полностью запретили ретрансляцию подобных телеканалов, но они достаточно легко доступны посредством спутниковых антенн.

Одной из основных задач языковой политики государства является поиск альтернативы ираноязычным телеканалам, чтобы уменьшить их влияние на языковую и, соответственно, идеологическую среду. Поскольку их вещание через спутниковые антенны невозможно контролировать или ограничить, государственная политика в вопросе сохранения языковой идентичности нацелена на увеличение дублированных на современный таджикский язык иностранных и российских популярных сериалов, а в плане альтернативы ираноязычным познавательным, детско-развлекательным и спортивным телеканалам предлагает российский телеконтент, исходя из общего культурно-исторического опыта и принципов стратегического партнерства. Следует подчеркнуть и то, что в рамках общей стратегии языковой политики государства развитие русского языка и создание русскоязычной среды через телевидение — приоритетное направление для современного Таджикистана.

Однако отметим, что данные усилия не могут дать желаемого результата ввиду отсутствия российских каналов в открытом доступе.

Исходя из подробного изучения данного вопроса, определения приоритетов в области языковой политики государства, формирования таджикско-русского билингвизма, требований по сохранению национальной идентичности и «языкового противостояния», позитивное решение проблемы мы видим в увеличении российских телеканалов через местные таджикские телестанции. Решение данной проблемы также будет является одним из ключевых факторов, способствующих успешной адаптации таджикских трудовых мигрантов в РФ.

В этом плане отметим, что в Таджикистане функционируют 598 ретрансляторов, с помощью которых обеспечивается вещание таджикских телеканалов и которые могут поддерживать вещание и российских телеканалов. Начиная с первых лет обретения Таджикистаном государственной независимости, российские телеканалы имели активное вещание почти по всей территории страны, их трансляция была обеспечена по предложению президента РТ Эмомали Рахмона и благодаря его обращению к экс-президенту РФ Борису Ельцину. Однако к концу первого и началу второго десятилетия XXI в. постепенно произошло прекращение вещания на территории РТ. Причинами стали смена частоты, улучшение качества показа (переход на HD), переход российских телеканалов с одного спутника на другие, от свободного доступа к платному вещанию и др.

Тем не менее российские телеканалы в таджикском обществе до сих пор пользуются большим спросом. Таджикский исследователь Х. Х. Сафаров, классифицируя структуру информационного пространства страны, подчеркивает, что материалы печати, телевизионные передачи, радиопрограммы из России по сравнению со СМИ Таджикистана более читабельные, лучше воспринимаются на слух и отличаются зрелищностью, ибо распространяемая ими информация в большинстве случаев ближе к правде [Сафаров 2013].

Несмотря на это, с 2010 г. только один российский телеканал — «Россия РТР» — поддерживал вещание на территории РТ. Однако начиная с 2013 г. этот телеканал

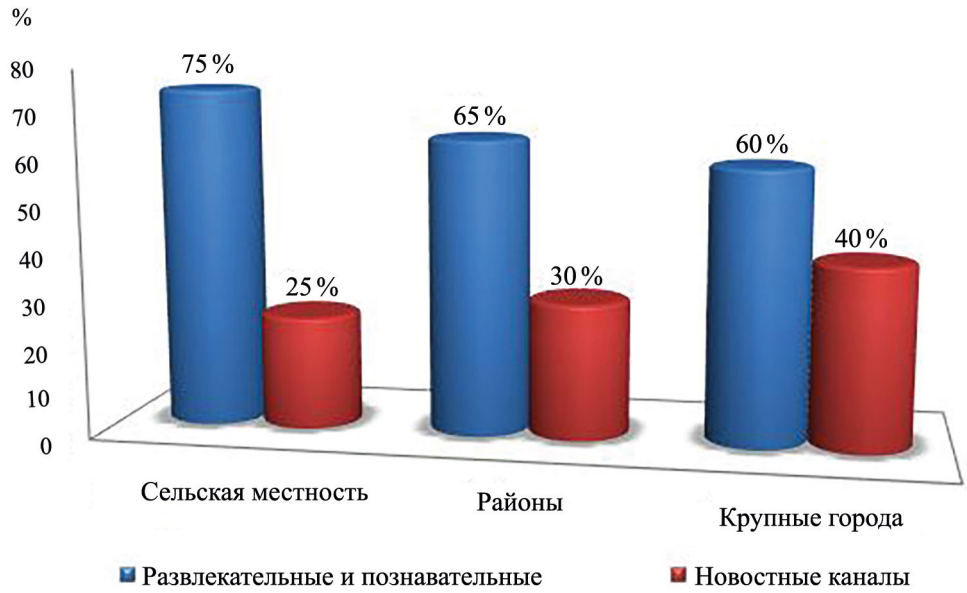

Рис. 4. Доля российских новостных и развлекательных телеканалов в регионах Таджикистана

стал сокращать финансирование и оплачивал всего 70 % от общей суммы договора, которая была направлена на обслуживание телестанции, на сегодняшний день этот показатель составляет лишь 48 %. Вещание данного телеканала поддерживается телестанциями в городах Душанбе, Худжанде, Кулябе и Хороге.

Именно в силу отсутствия широкого доступа к российскому телевизионному контенту ираноязычные телеканалы постепенно охватывают всю телевизионную аудиторию, что приводит к снижению уровня знания русского языка по всей стране.

В целом языковая политика в Таджикистане нацелена на баланс между укреплением таджикского языка как государственного и сохранением русского языка как языка межнационального общения и одного из языков мировой науки. Развитие русского языка в контексте стратегического партнерства с Россией считается приоритетом для Республики Таджикистан. Увеличение доступных российских телеканалов способствует достижению наиболее эффективных результатов в удовлетворении потребностей общества. В этих целях мы поставили перед собой задачу изучения телевизионных предпочтений таджикистанцев. Доля российских новостных и развлекательных (также познавательных) телеканалов представлена на рис. 4.

Исследование показало, что около 80 % жителей Таджикистана отслеживают информационно-новостные программы. По результатам опроса, основную новостную информацию население получает из интернет-ресурсов и лишь потом из российских и таджикских телеканалов.

Государство в соответствии с институционально-нормативными особенностями своей политической системы воспринимает российский государственный новостной контент как наиболее приемлемый для таджикского общества, поскольку новостные передачи из России наделены всеми необходимыми параметрами: красочностью, эмоциональностью, гармоничностью, энергичностью (возбуждающий

эффект), дружественностью (лояльность) к существующей системе власти, особым характером аргументации.

Российская новостная индустрия, согласно анализу ее политического дискурса, во многих случаях коррелирует с моделями мышления таджикской телеаудитории. Трансляция информационных сообщений на таджикских телеканалах имеет локальный характер и освещает внутренние события, подача которых осуществляется в традиционном и позитивном ключе, положительно влияя на настроения в обществе. В этом отношении российские телеканалы в своих новостных передачах предлагают позитивные сюжеты о достижениях, что в принципе согласуется с социально-политическими традициями таджикских государственных телеканалов. Тем не менее имеются различия между российскими и таджикскими телеканалами в характере новостных материалов: российские новостные программы часто призывают телеаудиторию быть активными участниками информационно-коммуникативных процессов (особенно ярко это проявляется в дебатах и политических шоу), что считается нетрадиционным для таджикского государственного телевидения.

По результатам нашего опроса, почти 70 % респондентов получают новостные сообщения из русскоязычного интернет- и телеконтента, что согласуется с основополагающими принципами языковой политики государства в вопросе сохранения и развития русского языка в стране. Особое место в нашем исследовании занимает русскоязычный телеконтент как фактор формирования таджикско-русского[8] билингвизма. Республика Таджикистан на официальном уровне в рамках государственной политики в области языка считает таджикско-русский билингвизм наиболее приоритетной формой двуязычия для таджикских граждан и прилагает много усилий для увеличения количества таких билингвов среди населения. Об этом свидетельствует принятие (третьей по счету) Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 г.

Отметим, что чистый, естественный билингвизм подразумевает одинаково свободное владение двумя языками [Хашимов, Шамбезода 2009; Балаболова 2019; Милиева 2018; Ребко 2018; Хашимов 2019; Федорова 2017]. В подавляющем большинстве случаев естественный билингвизм формируется только в детском возрасте, поскольку первоначальное восприятие вещей и явлений в подобной форме двуязычия осуществляется путем так называемого двойного наименования (восприятие одного предмета одновременно через слова на разных языках). Исходя из этого, государство заинтересовано в обеспечении русскоязычной среды для детской телеаудитории.

На наш взгляд, содержание и функционирование детских телеканалов в стране один из важных вопросов языковой политики государства. Из-за вышеназванных проблем формировать таджикско-русскую билингвальную среду практически невозможно. Считаем, что развитие детского ираноязычного контента не способно создать билингвальную среду, так как иранский и таджикский языки, как известно, родственные и довольно близкие. Замена ираноязычного детского телеконтента на русский с точки зрения языковой политики станет не только рациональным,

[8] Формулировка «таджико-русский» составлена исходя из позиционального принципа билингвизма первого и второго языка.

Рис. 5. Процентное соотношение детской телеаудитории по языковому предпочтению в городах, районах и сельских местностях Таджикистана (по результатам ответов более 300 респондентов)

но и наиболее приоритетным решением для взаимовыгодных интеграционных процессов с соседними государствами и Российской Федерацией как стратегическим партнером.

Согласно результатам наших исследований, процентное соотношение детской телеаудитории по языковой характеристике выглядит следующим образом (рис. 5).

К показателям, характеризующим языковые предпочтения, относится также время телевизионного просмотра детской телеаудитории: примерно 7 часов — у детей дошкольного возраста и 4 часа — у школьников начальных классов. Одна четвертая часть этого времени приходится на русскоязычный контент. При этом все остальное (нетелевизионное) время дети проводят в таджикской среде.

С учетом того, что развитие билингвизма представляет собой создание благоприятной языковой среды, поддержку и стимулирование ребенка на изучение языков, их использование в речевом пространстве, для формирования продуктивного таджикско-русского билингвизма у таджикских детей дошкольного возраста большое значение имеют телевизионные каналы с детским русскоязычным контентом. Несомненно, для положительного решения этой важной задачи требуются в первую очередь обеспечение свободного доступа к детским русскоязычным телеканалам и увеличение доли их трансляции через спутниковые и наземные антенны.

Другим немаловажным вопросом относительно функционирования телевидения как фактора развития русского языка и создания языковой среды являются гендерные особенности. По результатам опроса, более 75 % женщин всех возрастов, живущих в крупных городах страны, предпочитают ираноязычные развлекательные телеканалы. Аналогичный показатель относительно женщин сельского населения гораздо выше и составляет почти 90 %. Наблюдения показывают, что данный показатель за последние 10 лет изменился не в пользу русскоязычных телепрограмм.

Это связано с тем, что преобладающее большинство женщин-матерей являются неработающими домохозяйками. Наблюдается существенное уменьшение уровня русской языковой компетенции в таджикоязычной семье и ограничение стимула быть активным участником коммуникативной русскоязычной среды. Это, в свою очередь, косвенно минимизирует возможности детей в языковом образовании и совершенствовании билингвальной личности.

Выводы

В ходе исследования выявлено, что трансляция русскоязычных телевизионных каналов играет значительную роль в формировании языковой среды и способствует таджикско-русскому билингвальному развитию. Проблема важна как с политической точки зрения, поскольку билингвизм направлен на укрепление и развитие стратегического партнерства между нашими странами, так и социальной точки зрения для удовлетворения информационных потребностей граждан Таджикистана. Это, безусловно, уверенный шаг к укреплению связей с Россией, содействию улучшения социально-культурного, общественного и экономического положения граждан РТ, трудовых мигрантов, овладевающих русским языком и находящихся в Российской Федерации. Все это отвечает государственным интересам республики в области стратегического партнерства с Россией, взаимовыгодному сотрудничеству в долгосрочной перспективе и концепции национальной стратегии развития Таджикистана на современном этапе.

Развитие русскоязычного телеконтента в Таджикистане требует комплексного подхода, включающего как технические аспекты, так и содержательный контент, учитывая особенности функционирования национального телевидения и иностранных телеканалов в стране, а также интересы аудитории, специфику местного сообщества, гендерные и возрастные особенности.

Исходя из проведенного исследования, результаты которого представлены в статье, предлагаем следующие основные и наиболее конструктивные решения по данной проблеме.

1. Целесообразно организовать трансляцию российских телеканалов на 598 ретрансляторах, которые функционируют на всей территории Таджикистана для трансляции государственных телеканалов.

2. Важно увеличить количество детского русскоязычного телевизионного контента показом познавательных, обучающих и развлекательных программ.

3. Ввиду того, что абсолютное большинство матерей в республике заняты домашним хозяйством, проводят больше времени дома, они имеют возможность проводить свободное время у телевизора. Это позитивно влияет на языковое обучение, воспитание и развитие детей, особенно дошкольного возраста. В этой связи важно создать специальный телевизионный контент, адаптированный под их интересы: дублирование иностранных сериалов на русском языке, кулинарные программы, а также образовательные программы по изучению русского языка и т. д.

4. Следует объединить усилия для формирования и развития билингвизма, концентрируя детские русскоязычные телевизионные ресурсы для создания благоприятной речевой среды.

5. Необходимы совместные усилия для улучшения имиджа таджикских трудовых мигрантов и выходцев из Таджикистана, имеющих российское гражданство, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на повышение уровня мотивации и стимула к изучению русского языка, истории и культуры России носителями таджикского языка.

Таким образом, очевидно, что развитие русскоязычных телеканалов — важный аспект языковой политики государства, отвечающий интересам как Республи-

ки Таджикистан, так и Российской Федерации. Это способствует осуществлению общих стратегических целей в развитии двустороннего взаимовыгодного сотрудничества в сфере гуманитарных, в том числе социокультурных, связей.

Литература

Балаболова, Г. Г. (2019). Явление билингвизма: современные подходы изучения билингвизма. *Интернаука*, *10* (92), 50–51.

Давлатов, М. А. (2020). *Лингвокогнитивный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках*. Дис. … канд. филол. наук. Душанбе.

Дмитриева, Д. Д. (2021). Специфика использования кино и телевидения в процессе преподавания русского языка как иностранного. *Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2* (35), 109–111.

Добросклонская, Т. Г. (2005). Роль СМИ в динамике языковых процессов. *Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, *3*, 38–54.

Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) (2023) / сост. А. Л. Арефьев, Д. А. Горбатова, В. А. Жильцов и др.; под ред. М. А. Осадчего. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина.

Камышева, С. Ю. (2017). Русский язык вне России как отражение языковой политики Российской Федерации. В *The Russian Studies: International Conference to Mark 70 Years of Indo-Russian Diplomatic Relations and 100 Years of the October Revolution* (с. 29–30). Delhi: Jawaharlal Nehru University.

Меркиш, Н. Е. (2015). Мультимедийная культурно-языковая среда как фактор успешного овладения иностранным языком и иноязычной культурой. *Научный журнал по языкознанию. Иностранные языки в школе*, *8*, 9–16.

Милиева, М. Г. (2018). О психолингвистике и нейролингвистике билингвизма. *Вопросы науки и образования, 8* (20), 173–174.

Нестерова, Н. Г. (2023). Коммуникативно-прагматическое своеобразие и лингвостилистические ресурсы познавательной телепрограммы (на примере проекта «Передача знаний»). *Медиалингвистика, 10* (4), 522–537.

Нестерова, Н. Г., Фащанова, С. В. (2017). Радиотекст в аспекте медиаобразования. *Медиалингвистика, 3* (18), 64–74.

Ребко, А. В. (2018). Лингвистическая интерференция и ее виды на примере русского и французского языков. В Н. Н. Нижнего (Отв. ред.), *Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции* (26 апреля 2018 г., Белоруссия) (с. 227–232). Минск: Белорус. гос. ун-т.

Сафаров, Х. Х. (2013). *Место средств массовой информации России в информационном пространстве Республики Таджикистан*. Дис. … канд. филол. наук. Душанбе.

Федорова, Л. Ю. (2017). Билингвизм в условиях глобализации: социологические аспекты. *Вопросы теории и практики*, *12* (78), 159–163.

Хашимов, Р. И. (2019). *Двуязычие и интерференция. Сущность, типология и функционирование*. М.: Флинта.

Хашимов, Р. И., Шамбезода, Х. Д. (2009). Судьба родного языка при билингвизме и многоязычии. В *Европейские языки: историография, теория, история: межвузовский сборник научных трудов (ЕГУ, Елец, Россия*) (с. 279–288). Елец: Елецк. гос. ун-т.

Худжаназаров, И. Х. (2013). *Тенденции развития русскоязычных СМИ Таджикистана в условиях государственной независимости*. Дис. … канд. филол. наук. Душанбе.

Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 14 ноября 2024 г.

Контактная информация:

Икромзода Хайём Икром — канд. филол. наук, доц.; https://orcid.org/0000-0002-8468-4109, dalerti@mail.ru

Russian-language television broadcasting as a tool for implementing language policy in the Republic of Tajikistan

H. I. Ikromzoda

Tajik National University,
17, Rudaki Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

For citation: Ikromzoda H. I. (2025). Russian-language television broadcasting as a tool for implementing language policy in the Republic of Tajikistan. *Media Linguistics*, *12* (1), 153–169. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.109 (In Russian)

The article is devoted to the analysis of the development of Russian-language television broadcasting in the Republic of Tajikistan in the context of deepening political, economic and cultural ties with the Russian Federation. The relevance of the study is due to the desire of the state to maintain the status of the Russian language as a means of interethnic communication and management of the language situation in the country. The purpose of the article is to analyze how Russian-language television broadcasting contributes to the implementation of the objectives of the state language policy in Tajikistan. The main attention is paid to the role of television in the popularization of the Russian language, its influence on the development of bilingualism and the integration of Tajik labor migrants into the Russian linguistic and cultural environment. The state language policy of Tajikistan is aimed at the development of the state language — its active use in government institutions, education and the media. At the same time, support and development of Russian as a language of interethnic communication and other languages represented on the territory of the republic is also ensured. Support for the Russian language and Russian-language broadcasting is seen as a tool for maintaining balance in the linguistic space. This makes it possible to neutralize the growing influence of the Iranian language, which is actively disseminated through Iranian-language television channels, which often broadcast political and ideological guidelines that are prohibited in Iran itself. As part of the study, the following tasks were set: to assess the current state of Russian-language television broadcasting in Tajikistan, analyze its impact on the development of the Russian language in the country, identify the significance of Russian-language content for migration policy and cultural adaptation. Television was chosen as the object of study because of its high popularity among the population, which is confirmed by research data on media preferences. The TV viewing barometer shows the highest levels of television popularity among the media. Therefore, the country occupies a leading place in Central Asia in this indicator. The empirical basis of the study was official documents regulating the features of the language policy of the Republic of Tajikistan, statistical data and measurement results, as well as materials from a survey and questionnaire conducted by the author of the article. Qualitative and quantitative research methods were used for the analysis, including content analysis, comparative method and interpretation of sociological data. Research results. The analysis showed that Russian-language television broadcasting in Tajikistan, thanks to two large local television providers, has strengthened its position in large cities. In remote areas it has become difficult to reach. Watching programs in Russian contributes to more successful language acquisition, which, in turn, facilitates the adaptation of labor migrants to life in Russia, including understanding its legislation and culture. Russian-language broadcasting helps strengthen the position of the Russian language and develop linguistic and cultural ties between Tajikistan and Russia.

Keywords: Russian language, media space of Tajikistan, Russian TV channels, language policy, television content.

References

Balabolova, G. G. (2019). The phenomenon of bilingualism: modern approaches to the study of bilingualism. *Internauka*, *10* (92), 50–51. (In Russian)

Davlatov, M. A. (2020). *Linguocognitive analysis of the vocabulary of a person's intellectual characteristics in the Tajik and Russian languages*. Dr. Sci. thesis. Dushanbe. (In Russian)

Dmitrieva, D. D. (2021). Specifics of using cinema and television in the process of teaching Russian as a foreign language. *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiia, 2* (35), 109–111. (In Russian)

Dobrosklonskaia, T. G. (2005). The role of the media in the dynamics of language processes. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia, 3*, 38–54. (In Russian)

Fiodorova, L. Iu. (2017). Bilingualism in the context of globalization: sociological aspects. *Voprosy teorii i praktiki*, *12* (78), 159–163. (In Russian)

Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Index of the position of the Russian language in the world: global competitiveness index (GK-Index), sustainability index in the post-Soviet countries (US-Index) (2023). Comp. A. L. Arefyev, D. A. Gorbatova, V. A. Zhiltsov et al.; ed. by M. A. Osadchy. Moscow: Gosudarstvennyi institut imeni A. S. Pushkina Publ. (In Russian)

Kamysheva, S. Iu. (2017). The Russian language as a reflection of the language policy of the Russian Federation. In *The Russian Studies: International Conference to Mark 70 Years of Indo-Russian Diplomatic Relations and 100 Years of the October Revolution* (pp. 29–30). Delhi: Jawaharlal Nehru University. (In Russian)

Khashimov, R. I. (2019). *Bilingualism and interference. Essence, typology and functioning*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Khashimov, R. I., Shambezoda, Kh. D. (2009). The fate of the native language in bilingualism and multilingualism. *Evropeiskie iazyki: istoriografiia, teoriia, istoriia. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 279–288). Yelets: Eletskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Merkish, N. E. (2015). Multimedia cultural and linguistic environment as a factor in the successful acquisition of a foreign language and foreign culture. *Nauchnyi zhurnal po iazykoznaniiu. Inostrannye iazyki*, *8*, 9–16. (In Russian)

Milieva, M. G. (2018). About psycholinguistics and neurolinguistics of bilingualism. *Voprosy nauki i obrazovaniia*, *8* (20), 173–174. (In Russian)

Nesterova, N. G. (2023). Comunicative-pragmatic originality and linguistic-stylistic resources of an educational television program (using the example of the "Transfer of Knowledge" project). *Media Linguistics, 10* (4), 522–537.

Nesterova, N. G., Fashchanova S. V. (2017). Radio text in the aspect of media education. *Media Linguistics, 3* (18), 64–74

Rebko, A. V. (2018). Linguistic interference and its types using the example of Russian and French languages. In *Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferensii* (pp. 227–232). Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

Safarov, Kh. Kh. (2013). *The place of Russian media in the information space of the Republic of Tajikistan*. Dr. Sci. thesis. Dushanbe. (In Russian)

Received: April 16, 2024
Accepted: November 14, 2024

Author's information:

Haiyom I. Ikromzoda — PhD in Philology, Associate Professor;
https://orcid.org/0000-0002-8468-4109, dalerti@mail.ru